

Государственное издательство
ХУ (ЖУРНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА)
Москва 1958

М.Г. Сидоров adına
Azərbaycan MƏN
Nəşriyyatı

Ф И З У Л И

Физули — один из крупнейших поэтов азербайджанского народа. Его творчество представляет собой выдающееся явление в истории литературы народов всего Ближнего Востока и по праву занимает одно из почетных мест в сокровищнице мировой культуры. Имя Физули стоит рядом с именами таких гениальных творцов восточной культуры, как Фирдоуси, Низами, Руставели, Саади, Хафиз, Навои. Его творчество характеризует высший подъем классической азербайджанской средневековой литературы.

Литературное наследие Физули, писавшего на трех языках (азербайджанском, персидском, арабском), явилось значительным вкладом в культуру азербайджанского народа, а также других народов Ближнего и Среднего Востока.

Утонченная задушевная лирика Физули, его замечательные поэмы и поэмы ныне пользуются широкой популярностью в Азербайджане, в среднеазиатских республиках СССР, а также в Турции.

Физули жил и творил в Арабском Ираке, в городах Кербеле, Хилле, Неджефе и Багдаде. Ирак — одна из стран высокой и древней культуры Ближнего Востока.

Начиная с VIII века, Ирак, с его столицей Багдадом, стал центром могущественного арабского халифата. Багдад на долгое время сделался культурным центром всего мусульманского Востока. В XI веке Ирак был завоеван сельджуками, и здесь обосновались многие тюркские племена. После монгольского

нашествия Ирак начал терять свое значение. В 1258 году монголы захватили Ирак и подвергли Багдад и ряд других городов разграблению.

После этого почти три столетия Ирак управлялся монгольской династией Джалаиридов, основанной шейхом Хасалом. В это время удельный вес тюркских элементов в населении Ирака еще больше увеличился. В последние годы правления династии Джалаиридов Ирак дважды (в 1382 и 1401 году) подвергался опустошительному нашествию Тимура.

В 1411 году последний правитель династии Джалаиридов Ахмед потерпел поражение в битве с эмиром Кара Юсуфом Каракоюнлу и Ирак вошел в состав государства кочевых тюркских племен «Каракоюнлу» («Чернобаранных»).

«Чернобаранные» правили Ираком до второй половины XV века. В 1470 году Ираком овладели другие тюркские племена «Аккоюнлу» («Белобаранные»). В период правления этих династий в Ирак проникли еще многие тюркские племена, так что в XV веке Ирак в этнографическом отношении представлял весьма пеструю картину. Там жили арабы, различные тюркские племена и народности, иранцы, курды, евреи и т. д. По численности тюркские элементы занимали второе место. Как явствует из трудов средневековых историков, такие города, как Кербела, Хилле и Багдад, были густо заселены азербайджанцами и туркменами.

В конце XV и начале XVI века Ирак опять превратился, как и весь Ближний Восток, в театр военных действий, в яблоко раздора между отдельными правителями.

В этот период на политическую арену выступило государство Сефевидов, созданное азербайджанскими шейхами суфийско-дервишского ордена Сефевия. Этот орден был основан шейхом Сефиаддином Исхаком (1252—1334) еще в конце XIII века, во времена монгольского владычества. Впоследствии шейхи ордена, потомки Сефиаддина, превратились в крупных азербайджанских феодалов, которые стремились захватить власть. Их борьба проходила под религиозной оболочкой, под флагом распространения шиитской формы ислама и превращения ее в официальную религию, которая должна была сменить господствовавшую до того времени суннитскую форму этой религии. В конце XV века сефевидские шейхи превратили область Ардебил почти в независимое государство. Укрепившись в Ардебиле, Сефевиды, военная сила которых состояла из последователей ордена, из племенных ополчений, главным образом азербайджанцев, на-

чали совершать походы против соседних областей, объявив им религиозную войну.

В начале XVI века одному из наиболее талантливых деятелей этого ордена, Шах-Исмаилу Хатаи, удалось значительно расширить владения Сефевидов и после долгих непрерывных войн и походов завоевать почти весь Азербайджан. В дальнейшем Шах-Исмаил Хатаи присоединил к своим владениям часть Армении и почти все области Ирана. Уже к середине десятилетия XVI века Сефевиды сделались подновластными хозяевами Азербайджана, почти всего Ирана (за исключением Хорасана, который был завоеван немного позже) и части Малой Азии, разгромив, таким образом, государство Аккоюнлу («Белобаранных»). Однако Арабский Ирак до 1508 года еще управлялся династией Аккоюнлу.

Завоевание Ирака Сефевиды считали своей первоочередной задачей. Ирак нужен был им не только и не столько по экономическим соображениям, а главным образом по политическим мотивам. На территории Ирака находятся все шиитские святыни. Так, в городе Неджефе находится гробница первого имама шиитов четвертого арабского халифа Али — их главного духовного вождя, в Кербеле погребен сын Али, Хусейн, в городке Самарре, по преданию, скрылся двенадцатый имам Мехди Мунтазар, а в Казымийе находится мечеть, воздвигнутая над прахом имама Мусы-ал-Казыма, которого Сефевиды считали своим предком.

Укрепившись в завоеванных странах, Сефевиды двинулись в Ирак. Легко разгромив последнего представителя династии Аккоюнлу Мурада, Шах-Исмаил в 1508 году торжественно въехал в Багдад. Но сравнительное успокоение, наступившее в Ираке после завоевания его Сефевидами, продолжалось недолго. В двадцатых годах начались длительные, кровопролитные войны между Сефевидами и османскими султанами-суннитами.

Могущественная Османская империя, остановив победное шествие Сефевидов, сама перешла в наступление. Захватив Египет, Сирию и ряд других стран и приняв титул халифов, османские султаны считали себя законными собственниками Ирака.

После смерти Шах-Исмаила (1523) в Ираке начались смуты, которыми воспользовался вождь одного из курдских племен, овладевший Ираком и объявивший себя вассалом османского султана. В 1530 году Ираком опять овладели Сефевиды, но в 1534 году он перешел в руки османов.

Как мы видим, родина Физули на протяжении XV и XVI веков представляла собой арену непрерывных военных действий,

грабительских войн и феодальных междоусобиц. Эти войны разорjali страну, истощали ее, тяжелым бременем ложились на плечи населения. В стране царил открытый разбой и насилие. Непосильные для крестьян поборы, злоупотребления чиновников, засуха, равнодушное отношение властей к общепольным работам, жестокие религиозные гонения, истребление населения смеявшимися друг за другом иноземными завоевателями — вот что характеризует эпоху Физули. Мрачная действительность этого века, естественно, не могла не наложить свой отпечаток на образ мысли и творчество Физули.

О жизни и деятельности Физули существует обширная литература: многочисленные отдельные исследования и специальные монографии. Однако до сих пор не установлена полная и достоверная биография поэта, не выяснены многие вопросы, связанные с его творчеством. В частности, до сих пор точно не известна дата его рождения.

Физули автобиографии не писал. Сообщения средневековых биографов — авторов «тазкира» (своеобразных антологий поэтов), также ничего существенного о жизни поэта не говорят. Сведения этих авторов представляют собой в большинстве случаев восторженные отзывы о мастерстве Физули, о его популярности среди народа.

Наиболее ценные, хотя и не систематичные и не связанные между собою данные о жизненном пути поэта содержат его собственные произведения. Но, к сожалению, многие его сочинения не изданы. Почти все произведения Физули, написанные на персидском и арабском языках, в которых имеется целый ряд исключительно ценных автобиографических данных, до настоящего времени остаются в рукописях.

Таким образом, задача установления жизненного пути, достоверной и полной биографии Физули может быть выполнена только после публикации и издания сводных критических, научно проверенных текстов полного собрания его сочинений. Наиболее достоверные общие сведения о жизни поэта сводятся к следующему.

Полное имя Физули — Мухаммед-ибн-Сулейман. Как принято считать, поэт родился в конце XV или в начале XVI века. Однако, судя по ряду данных, содержащихся в его сочинениях, можно с уверенностью сказать, что Физули родился значительно раньше, примерно в середине 80-х годов XV столетия.

Поэт родился в городе Кербеле, недалеко от Багдада, столицы Арабского Ирака

Кербела является одним из древних арабских городов. Для мусульман шиитского толка этот город служил местом паломничества. Расположенный на караванном пути в Саудовскую Аравию, он являлся значительным транзитно-торговым пунктом. Во второй половине XV века Кербела находилась в совершенном запустении. В результате гонений со стороны представителей официального ислама и частых междоусобиц войн и набегов город пришел в окончательный упадок. Только в начале XVI века, когда Ирак был завоеван Сефевидами, в Кербеле произошло заметное оживление.

Кто был отец Физули и чем он занимался, пока неизвестно. Известно только, что его звали Сулейман. Но, судя по тому, что при его жизни молодому Мухаммеду удалось получить блестящее для того времени образование, можно думать, что он обладал соответствующим достатком. Согласно позднейшим преданиям, он служил муфтием¹ в городе Хилле. Однако об этом нет достоверных данных. Известно также, что он происходил из азербайджанского племени баят.

Свое первоначальное образование Физули получил в Кербеле. По-видимому, еще юношей для продолжения своего учения Физули провел по нескольку лет и в других городах Ирака расположенных недалеко от Кербелы — в Хилле и Неджефе тогда небольших захолустных городках.

В предисловии к своему персидскому «Дивану»², возражая другу, требовавшему от него стихов, Физули так характеризует родной край:

«О мой возлюбленный друг, мое стихотворчество предполагает наличие многих необходимых условий. Если этих условий нет — заниматься этим искусством невозможно. Подвизавшиеся на этом поприще и занимавшиеся сочинением стихов древние поэты жили в обществе добродетельных царей, среди вельмож с прекрасным вкусом, гуляли в садах, подобных раю, наслаждались прекрасными винами, внимали пленительным песням, общались с луноподобными красавицами. Благодаря этому счастьем они и достигали вершины искусства:

¹ Муфтий — главный судья по мусульманскому религиозному праву («шариату»).

² «Диваном» на Востоке называются собрания стихотворений, главным образом лирических.

Если счастье сдружилось с тобой и беда от тебя далеко,
То проявится мудрость твоя, что сокрыта в душе глубоко.

От удачи светлеешь умом, говорить начинаешь умно,
Мысль изящна тогда и тонка, и поэтом ты станешь легко¹.

Бессмысленно требовать, чтобы такой несчастный, как я, мог писать стихи, ибо край, где я родился и жил, это Арабский Ирак, который находится вдали от благотворной сени султанов и вследствие темноты, неведения и беспомощности его жителей пришел в полное запустение и упадок.

Это место — сад, кипарисами которого являются смерчи самума, а нераскрывшимися бутонами цветов — купола гробниц похороненных здесь несчастных мучеников. Там происходит такой пир, на котором вместо вина пьют кровь растерзанных сердец под музыку стонов несчастных бездомных чужестранцев. На его полях, служащих источником мучений, никогда не дует ветер спокойствия, а над его степями, наполненными бедствиями, никогда не показываются благодатные тучи, дожди которых могли бы смыть пыль с запяленных надежд. Могут ли в таком саду бедствий раскрыться бутоны сердца и запеть соловьи красноречия?

Какая дурная страна! Покоя в ней нет и следа,
И радости ветер над ней, пожалуй, не дул никогда.

Мечтать об искусстве! Кому здесь счастье такое дано,
Когда тут живут как в плену, когда тут владычит беда!»

Эти полные горести слова поэта ярко показывают, до какого бедственного состояния была доведена страна беспрестанными войнами и междоусобицами.

Лишь благодаря настойчивости и недюжинным способностям Физули удалось получить разностороннее образование. Поэт рассказывает, как он трудился во время учения, днем и ночью не расставаясь с книгами. Помимо превосходного знания арабского и персидского языков, он был хорошо знаком почти со всеми дисциплинами тогдашней науки: геометрией, математикой, медициной, философией, историей, правом, Кораном и его толкованием, логикой, астрономией и т. д. Но основным его призванием

была литература. Еще в ранней молодости он постиг поэтику и основательно изучил арабскую, персидскую и тюркские литературы.

Судя по намекам, разбросанным по разным его сочинениям, для усовершенствования своего образования Физули приехал в Багдад, один из культурных центров мусульманского Востока, где учился у известных ученых и литераторов. Здесь скрещивались культуры арабов, иранцев, тюрков, евреев и других народов. В конце XV века в Багдаде жили и творили многочисленные выдающиеся арабские ученые, замечательные азербайджанские поэты, талантливые иранские писатели. Так, в XVI веке в Багдаде жили и творили такие азербайджанские поэты, как Илми, Ринди, Шамси, Захни, Зани и другие. Этим и обусловлено то, что Физули писал на трех языках. Окончив учение в Багдаде, он, по-видимому, возвратился в свой родной город Кербелу, откуда спустя некоторое время переехал в Хилле, а затем в Неджеф, где служил у гробницы Али и получал небольшое жалование. Однако после смерти правителя Шах-Исмаила Хатаи, когда в Багдаде началась смута, поэт лишился этого жалования. В 1534 году Багдад был завоеван османским султаном Сулейманом. Физули, находившийся тогда в Багдаде, написал несколько панегириков в честь султана Сулеймана и его военачальников. Однако поэт не добился благосклонного приема «новоявленного халифа» — султана Сулеймана. Только спустя долгое время благодаря стараниям одного из придворных поэту была пожалована грамота, по которой он должен был получать мизерное жалование в девять акча¹.

Однако назначен вакуфного² управления, где, как и во всех правительственных и религиозных учреждениях того времени, царил воровство, взяточничество и всякие злоупотребления, не выдали поэту ни одного акча. Этот факт послужил поводом для создания поэтом одного из его лучших произведений — шедевра политической сатиры XVI века «Книги жалоб». Он с большой силой изобразил здесь типичные явления тогдашней действительности. Поэт пишет, как он со своей грамотой, несмотря на неоднократные попытки, не мог попасть к главному управляющему вакуфных дел. Тогда он волею-неволею обратился в канцелярию, где застал сборище чиновников.

¹ Акча — монета.

² Вакуф — средства, составленные из пожертвований и предназначенные для целей благотворительности.

¹ Здесь и ниже стихи в переводах А. Старостина.

«У этих людей, — говорит поэт, — нет ни следа честности, ни признака правдивости. Они представляли собой единую сеть хитростей, а каждый из них был подобен скоту или, быть может, был даже хуже скота, их гнусные действия как будто скребли душу, а их обидные слова были похожи на волны Ноева потопа.

Я отдал им салам¹, но они не приняли его, говоря, что это — не взятка.

Я показал им указ.

— Бесполезно, — ответили они, не обратив на него внимания.

Я им сказал:

— Господа, что за гнусное обращение, почему вы так сурово встречаете меня?

Они ответили:

— Это наш всегдашний обычай!

Я им сказал:

— Мои верноподданические чувства удостоились высокой оценки, мне жалована грамота на жалованье, чтобы я, пользуясь вакуфными средствами, мог спокойно молиться за падишаха!

Они ответили:

— О несчастный, тебе причинили великое горе, ибо по этой грамоте ты получишь не жалованье, а постоянные отказы, будешь везде бесполезно ругаться, видеть неприязненные лица и выслушивать грубые слова!

Я сказал:

— Почему не выполняется то, что сказано в моей грамоте?

Они ответили мне:

— У нас нет лишних остатков от вакуфных средств, поэтому ты ничего не получишь.

Я сказал:

— Разве расходы столь велики, что от вакуфов не останется излишков?

Они ответили:

— Разве может что-нибудь остаться после нас, если даже останется после удовлетворения всех нужд вакуфа?

Я сказал:

— Растрачивать вакуфное имущество — грех!

Они ответили:

— Нам это дозволено, ибо мы купили это право за свои деньги!

¹ С а л а м — приветствие.

Я сказал:

— Если вас призовут к отчету, обнаружится ваше гнусное поведение!

Они ответили:

— Отчета у нас потребуют в день страшного суда!

Я сказал:

— Разве вы не слышали, что и в этом мире требуют отчета?

Они ответили:

— Этого мы не боимся, ибо писцов мы задобрили.

Убедившись, что, кроме ответа на мои бесполезные вопросы, они ничего не дадут мне и не сочтут нужным удовлетворить мои нужды согласно грамоте, я был вынужден отказаться от спора и огорченный и, ничего не добившись, удалился в свой уединенный уголок».

Почти всю свою жизнь Физули провел в лишениях. Как явствует из одной его касыды, обращенной к главному духовному судье Багдада, поэт однажды чуть не попал в долговую тюрьму. А между тем тогда имя Физули уже гремело на всем Ближнем Востоке, а его газели распевались повсюду. Интересен один небольшой факт. Недавно в Турции была обнаружена новая рукопись сочинения великого Саади — «Бустана». В конце этой рукописи по просьбе переписчика, ради выгодного сбыва ее, сделана приписка рукою Физули — двустигшие на персидском языке и его подписи. Так велика была популярность поэта. И тем не менее последние годы его жизни, судя по его многочисленным горьким жалобам, прошли в одиночестве и беспросветной нужде. Физули был человеком скромным и нетребовательным, выражаясь его словами — «незаметным». Он стремился к уединению и избегал суеты. Почти все время Физули проводил за книгами и в творческом труде. Но вместе с тем он внимательно наблюдал за жизнью, любил природу; нередко он участвовал в научных диспутах. Не сгибая спины перед авторитетами и властями, он смело и горячо защищал свои взгляды, отстаивал истину.

Умер Физули в 1556 году.

В XV и начале XVI века литература на азербайджанском языке бурно развивалась. Творчество выдающегося азербайджанского поэта XV века Насими (ум. 1417) создало твердую почву, которая в дальнейшем вызвала к жизни целое поколение талантливых мастеров слова.

Во второй половине XV и в начале XVI века на литературной арене подвизалась блестящая плеяда замечательных поэтов, как, например, великолепные мастера лирического жанра газели, а также маснави (эпоса) Хамиди, Хилали, Сурури, Кишвари, Басири, Шахи, Хабиби и, наконец, Шах-Исмаил Хатаи. Творчество многих из этих поэтов, как, например, Хабиби, Сурури, Шахи, оказало значительное влияние на формирование Физули.

Заметное влияние на творчество Физули оказали и среднеазиатские поэты. Как известно, в XV веке литература тюркоязычных народов Средней Азии успешно развивалась. Особого расцвета в этот период достигла литература узбекского народа. Творчество таких замечательных поэтов Узбекистана, как Лютфи, Саккаки, Атаи и, главным образом, гениального Навои и его школы, сыграли значительную роль в становлении и формировании литературы других тюркоязычных народов.

Благотворное влияние Навои и его талантливых предшественников испытал на себе и Физули. Не напрасно почти все средневековые историки литературы отмечали, что «Физули писал в манере, близкой манере Навои».

Но творчество Физули испытало на себе влияние и великих классиков — Фирдоуси, Саади, Хафиза, Низами и других поэтов, писавших на персидском языке.

Физули начал писать еще в годы учения. Однако в эту пору жизни он не смотрел на поэзию, как на серьезное занятие, и думал прежде всего об овладении науками. Вот что рассказывает поэт о своем раннем творчестве в предисловии к персидскому «Дивану»:

«Я был еще мал. Я взирал на происходящее в мире, как на урок. Дружил я тогда с красавицей — образованием. В ту пору, когда я проводил свое время в обществе этой возлюбленной, скрытые в моей природе горячие страсти и чувства открывали перед моими способностями двери увлечения поэзией. Но от этого увлечения меня удерживало стремление постичь науки и овладеть знаниями. Поэзия действительно хорошая вещь. Но если она отрывает человека от занятий науками, то дело худо».

Только впоследствии, пишет поэт, он понял, что «умение слагать стихи — тоже самостоятельная наука и является одной из самых почетных отраслей познания».

✓Свой творческий путь поэт начал с газели.

Газель, лирическое стихотворение, была самым распространенным жанром того времени. Возникла газель в глубокой древ-

ности. В «Диванах» поэтов X и XI веков можно найти целые разделы газелей. Особенно известны газели великих поэтов Саади и Хафиза. Основные черты газели в творчестве Низами, Саади, Хафиза, Навои и других классиков — простота, естественность описываемых чувств, музыкальность слов, глубокое содержание и изящная форма.

Однако в творчестве многих видных поэтов газель стала лишаться этих своих качеств, приобретать шаблонный, эпигонский характер. Казалось, что ко времени Физули тематика газели была уже исчерпывающе разработана. Поэтому многие поэты делали упор на техническую сторону, на словесное оформление, головоломную игру слов, вычурные и искусственные образы и т. д. Но Физули не пошел по пути большинства своих современников. Он предъявлял особые требования к газели. Вот как характеризует он жанр газели в предисловии к своему азербайджанскому «Дивану»:

✓ Умных и тонких людей упование — газель;
Роза среди цветника дарования — газель.

Знайτε, газели, друзья, сочинять не легко,
И влюблены властелины познания в газель.

Ибо в газели себя проявляет поэт,
Слава поэта, поэта блистанье — газель.

Сердце! Поэзии много на свете родов,
Но превзойдет всех других в обаянье — газель.

Ибо газель мудрецами давно избрана
И украшение любого собрания газель.

Пусть нерушимую славу добудет тебе
Ясная, легкая для понимания газель. ✓

Поэт отвергает газели, недоступные читателям, построенные на головоломной игре слов и всяческих ухищрениях. Он говорит:

Только ту, что всем приятна, только ту газель лесей,
Что беседы украшает благороднейших людей.

Ту, с которою сдружилась всюду радость и веселье,
Ту, которая красивей, ту, которая ясней —

Ибо что в газели пользы, коль ее не понимают,
Если слушателей скука не пускает из когтей.

Большой интерес представляют высказывания Физули на этот счет в предисловии к его персидскому «Дивану». Описывая первую пору своего творчества, поэт рассказывает, как однажды один из его друзей навестил его и начал убеждать, что он напрасно не занимается поэзией, хотя обладает большим талантом.

«Я не мог ответить ему ничего, — пишет далее поэт, — что могло бы оправдать меня. Чем больше говорил с ним, тем более я чувствовал в себе какое-то влечение к поэзии. Тогда я опоясался поясом решения, сел, подперев лицо руками, задумался и начал писать стихи. Иногда я писал стихи на арабском языке, доставляя удовольствие своими разнообразными стихотворениями арабским элатоустам. Это было легко для меня, ибо арабский язык был для меня языком научных размышлений. Иногда я гнал коня на поле тюркской поэзии, давая возможность тюркским читателям наслаждаться изящными тюркскими стихами, ибо тюркская поэзия является мне родной. Иногда я нанизывал жемчуги на нитку персидского языка, и в этом саду вкусил я то, что желало сердце.

Следует отметить, что мой дух издавна влек меня к вычурным и к утонченным стихам. Поэтому я занимался только касыдой и муаммой¹. Меня не тянуло к газели, при помощи которой скорбь и жажда сердца влюбленного передается милосердной возлюбленной, а возлюбленная сообщает о своем состоянии верному влюбленному...

В жанре газели головоломное туманное содержание и выпренные выражения ни на кого не окажут воздействия. Газель имеет свой особый язык и особый только ей присущий словарный мир. И не нужно забывать, что все мои предшественники-поэты, жившие до меня, обладали большой мудростью и прекрасным вкусом.

Все хорошие образы, уместные для газели выражения и оттенки содержания использованы ими, так что после них уже нечего делать. Поэт должен знать все, что написано ими, дабы в своих произведениях, на которые он тратит много усилий, не повторять мыслей, высказанных до него. Часто бывало так, что

¹ М у а м м а — стихотворная шарада, загадка.

за целую ночь до утра, вкушая яд бессонницы и обливая сердце кровью, я находил и записывал какую-то мысль. И вдруг утром я обнаруживал эту мысль у других поэтов и зачеркивал написанное. Не раз бывало и так, что целый день, с утра до вечера, погружаясь в море размышлений, я просверливал алмазом поэзии одну жемчужину; но если кто-нибудь, увидев мои стихи, говорил: «Эта мысль не понятна, это выражение не употребляется среди людей и никому не понравится», — то она падала в моих глазах, и я даже не переносил ее на бумагу, взяв в руки перо.

Как все это странно! Нельзя писать ни того, что сказано предшественниками, ни того, что не сказано ими!

Забрали образы и мысли от нас ушедшие друзья,
И сферу сузили искусства — о том скажу я не тая,

О, если б не было поэтов, опередивших нас в веках,
Тогда б я сохранил свой голос, тогда поэтом был бы я.

Вот как работал поэт, вот какие преграды он должен был преодолевать, чтобы писать газели, которые должны были отличаться свежестью и оригинальностью, новым и глубоким содержанием и быть общедоступными — словом, газели, которые можно было легко читать, петь и переписывать.

Насмотря на всю сложность этой задачи, поэт блестяще справился с нею. Физули оставил после себя три «Дивана» газелей — на азербайджанском, персидском и арабском языках.

Первые свои газели поэт подписывал другими псевдонимами. Как указывает он в том же предисловии к своему персидскому «Дивану», в первые годы творчества он часто менял свой тахаллус — поэтическое прозвище:

«Когда я начал писать стихи, я чуть ли не каждый день избирал новый тахаллус, но через некоторое время, встретив поэта с таким же тахаллусом, менял его. Наконец мне стало ясно, что мои друзья-поэты, жившие до меня, забрали тахаллусов больше, чем тонких поэтических образов. Я подумал, что если я возьму общий с кем-нибудь тахаллус и не достигну успеха, то это будет нехорошо для меня, а если достигну успеха, то это будет насильем над моим сотоварищем по тахаллусу; чтобы уничтожить общность тахаллуса с кем бы то ни было, я взял себе прозвище Физули; чтобы спастись от насилья и оскорблений своих сотоварищей по прозвищу, я укрылся под защитой этого тахаллуса. Я был уверен, что этот псевдоним никому не понравится».

вится и никто не станет беспокоить меня, присваивая себе это прозвище. И действительно, взяв себе это прозвище, я освободился от всех беспокойств, которые мне могли причинить, и тем самым избавился от боязни, что мои стихи перепутают с чьими-либо стихами.

Прозвище грубое выбрав, избавлен я от смешенья с другими певцами,
Уединившись в углу, занимаюсь вечно любимым искусством — стихами.

Слава аллаху — благим оказалось то, что сперва за дурное я принял —
Розами терны мои оказались, золотом — прах, кирпичи — жемчугами . . . »

В другом месте поэт прямо говорит о том, что ранние свои стихи он подписывал другими тахаллусами, но отказывался от них в результате того, что другие поэты с теми же тахаллусами присваивали его стихи. Однако поэт не указывает прямо, какими прозвищами он подписывал свои ранние стихотворения. Поэтому ранние произведения поэта, подписанные другими тахаллусами, до нас не дошли или дошли в «Диванах» других поэтов и их принадлежность Физули установить пока трудно, поскольку сначала нужно точно установить первоначальные тахаллусы поэта.

В последнем двустишии одного из своих персидских стихотворений поэт говорит:

«Ашиком» Физули зовут, «ариф» для некоторых он,
Особым прозвищем везде известный миру награжден.

В этом двустишии слова «ашик» и «ариф» можно понять в прямом значении: 1) «влюбленный» и 2) «знающий» — и в переносном смысле, как прежние прозвища Физули. В таких прозвищах ничего необычного нет — известно несколько поэтов с такими же тахаллусами. Наше предположение подтверждается тем, что предпоследние двустишия многих его азербайджанских и персидских газелей содержат вышеуказанные слова, которые иногда можно рассматривать как собственные имена или прозвища.

Если верным окажется предположение, что некоторые ранние стихотворения поэта были подписаны этими прозвищами, то

можно думать, что некоторые из них впоследствии, когда Физули собирал свои розданные друзьям газели для составления «Дивана», он оставил в прежнем виде с тем же тахаллусом, поскольку этот тахаллус одновременно имел и переносное значение, но добавил еще одно двустишие, содержащее и его новый псевдоним — Физули. Вместе с тем и новый псевдоним употребляется им часто в переносном значении.

Продолжая рассказ о своем тахаллусе, поэт далее сообщает следующие интересные детали:

«Одним словом, это прозвище во всех отношениях оказалось таким, какое я желал. Во-первых, я — человек, который всегда желал остаться в мире единственным в своем роде. Это обеспечил мне мой тахаллус, и моя особа избавилась от двойников¹.

Во-вторых, я всегда стремился собрать в своей душе все науки и знания. Выбранное мною прозвище полностью отражало это, ибо словарное значение «Физули» обозначает множественное число от «фазл» — «образованность», которое является воплощением наук и знаний.

С другой стороны, «Физули» в народе означает грубое, неприличное поведение².

Какое же поведение может быть более неприличным, если я, несмотря на то, что очень мало общался с высокопоставленными учеными, не был лелеем милостивыми султанами и всегда ненавидел путешествия, всегда во время диспутов по точным наукам возражал решениям разных мудрецов, в вопросах гуманитарных наук вмешивался в споры правоведов и во всех отраслях словесности вел полемику с учителем по каждой отрасли. Подобное поведение свидетельствует как о познаниях в науках, так и о дерзости.

Век знает, сколько бился я, чтоб только овладеть наукой,
Но видно не доволен он моею непрерывной мукой,
Уж очень отличался я поступками от всех людей,
И вот — был прозван Физули, затем что людям был докукой³.

Газели Физули в истории азербайджанской литературы являются непревзойденными образцами этого жанра. Несмотря

¹ Правда, это утверждение неточно. Есть малоизвестный османский поэт Физули, живший в XV в., но возможно, что наш поэт не знал о его существовании.

² Физули в азербайджанском, как и в персидском языке, значит дерзкий, нахальный человек, который сует свой нос во все дела и ко всем пристаёт.

на его богатое литературное наследие, в котором представлены все жанры тогдашней литературы, Физули вошел в азербайджанскую литературу как величайший лирик. В своих газелях поэт с неподражаемым мастерством воспел все изгибы человеческой души, все нюансы человеческих чувств.

Основная тема лирики Физули — это описание страданий влюбленного, его мучений во время разлуки, его дум и мечтаний, капризов и жестокости возлюбленной, ее милосердия и отзывчивости и т. д. Эта тема разработана в газелях Физули с таким мастерством, что перед читателем с физической осязаемостью встает образ героя — самого поэта. Между отдельными двустишиями его газелей, которые, как правило, состоят из 14 строк (иногда 12 или 16), нет сюжетной связи. Поэт как бы берет многогранное человеческое чувство с его бесконечными отливами и поворачивает его в газели, показывает со всех сторон, со всех углов и точек зрения. Поэтические образы Физули оригинальны и обладают исключительной силой эмоционального воздействия. Эти образы, которыми насыщены его газели, поражают читателя своей глубиной, яркостью и неожиданностью, врезаются в память, оставляя зрительное впечатление:

Людей жестоко огорчил печальный вздох мой, горький стон,
Меня же огорчило то, что мною кто-то огорчен.

И в плоти немощной моей недуг любви сильней растет,
Меня не может излечить тот, кто недугов всех лишен.

Мои глаза льют каждый миг кровь сердца моего — затем,
Что мыслью постоянно я к ее рубинам устремлен.

Я вздохов заступом давно подрылся под небесный свод,
И он камнями бьет меня — но я ничуть не удивлен.

Когда, глотая сердца кровь я все терплю — в том нет стыда;
Зато за бесполезный стон жестоко всеми осужден.

Меня хотела поразить ты стрелами своих ресниц,
Но я кольчугой горьких слез укрыл себя со всех сторон.

Я, Физули, хочу бежать общенья с миром и людьми —
Лишь потому, что образ твой в душе навеки утвержден.

✓ Передать все тонкости газелей Физули в переводе почти невозможно. Эти газели построены на основе бесчисленных этимологических оттенков каждого слова:

✓ От тяжких бед устал я жить — а ты все давишь гнетом злым;
Я небо сжег, но свет мечты огнем не вспыхнул золотым.

Где только ты больных найдешь, свое лекарство им несешь,
Что ж мне лекарство не даешь? Иль не сочла меня больным?

Скрывал я горе много дней, — «Любимой расскажи своей», —
Мне молвят. Я не верю ей — поверит ли словам моим?

О, как разлуки гнет жесток, он сердце на печаль обрек,
Всех будит слез моих поток, но рок мой дремлет, недвижим . . .

Видишь ли цвет роз, и удержать не в силах слез, —
Весна — лик — весна. Так повелось — весной течь рекам молодым.

Любви не знал я никогда, но от тебя пришла беда, —
Хулитель мой хлебнет стыда, едва лишь встретишься ты с ним.

Скажи — безумец Физули, и честь его лежит в пыли.
Что ж он склонился до земли, какую страстью он палим?

Каждое двустишие этого стихотворения — как бы часть целая симфонической поэмы, глубоко раскрывающая какую-то сторону человеческого чувства, яркими и сочными музыкальными красками описывающая разные оттенки чистой и возвышенной человеческой страсти. Газель построена очень интересно. Кроме первого, все двустишия имеют внутреннюю рифму. Первая половина каждой строки рифмуется со второй половиной строки и первой половиной второго двустишия. Далее, каждая половина строки имеет одинаковое количество долгих и кратких слогов, из которых складывается размер. В результате этого газель приобретает форму народных четверостиший — гараи.

Гарай — широкораспространенный жанр народных стихов — состоит из нескольких четверостиший, как правило восьмисложных. В первом четверостишии рифмуются вторая и четвертая строчки, а во всех остальных четверостишиях — первые три строчки, а последний стих рифмуется с рифмующимися строками

первого четверостишия. Таким образом, вышеприведенную газель можно читать и так:

От тяжких бед устал я жить —
А ты все давишь гнетом *злым*;
Я небо сжег, но свет мечты
Огнем не вспыхнул *золотым*.

Где только ты больных найдешь,
Свое лекарство им *несешь*,
Что ж мне лекарство не *даешь* —
Иль не сочла меня *больным*?

И т. д.

Следует отметить, что во многие свои газели поэт вводит нередко отступления чисто философского характера. В этих отступлениях он высказывает свои взгляды на окружающих его людей, на современную ему действительность, бичует пороки и язвы общества, злодеяния власть имущих и т. д.

Часть газелей Физули написана в виде «ответа»¹ на газели его предшественников — среднеазиатских поэтов Навои, Лютфи и Саккаки, персидских классиков Саади, Хафиза, Катиби, азербайджанских поэтов Насими, Хабиби и т. д.

Кроме трех «Диванов» лирических стихов, Физули оставил громадное литературное наследие, включающее все жанры тогдашней литературы.

«Куллият» (полное собрание сочинений) Физули содержит несколько аллегорических поэм и новелл, как, например, «Банг ва бада» («Вино и гашиш»), «Сиххат ва мараз» («Здоровье и болезнь»), «Сухбат-ул-асмар» («Беседа деревьев»), «Хафт джам» («Семь чаш»), философский трактат на арабском языке «Матла-ул-итикад» («Восход верований»), прозаическую религиозную повесть «Хадикат-ус-суада» («Сад счастливых»), выше цитированный политико-сатирический трактат «Шикаят-наме» («Книга жалоб»), литературный трактат «Муамма» («Трактат о шарадах»), «Касыды» и т. д. Особый интерес представляет раздел «Кита»². В этом разделе поэт излагает для себя и своих друзей свои сокровенные мысли и

¹ «Ответ» («назира») — особая форма стиха на Востоке — стихотворение на рифмы, взятые из стихов другого поэта.

² Кита — стихотворная форма небольшого объема. Схема рифмовки: а б, в, б, и т. д.

чувства. Именно в своих кита поэт высказывает мысли и взгляды на окружающие его явления наиболее откровенно.

Недавно в Кашмирском университете обнаружена уникальная рукопись неизвестного до толе сочинения Физули — «Азербайджанско-персидский словарь», составленный в стихах.

Однако венцом творений Физули являются не эти произведения, а его замечательная поэма, один из шедевров средневековой азербайджанской литературы — «Лейли и Меджнун».

Печальная повесть о Меджнуне и Лейли сложилась в глубокой древности. Предание о трагической любви Меджнуна и Лейли зародилось в конце VII и в начале VIII века нашей эры среди североарабских племен — бедуинов.

Письменное оформление предание получило в первой половине X века. Зародившись на арабской почве, повесть получила большое распространение во всех странах Ближнего Востока. Образы Меджнуна и Лейли неотступно преследовали воображение поэтов многих стран. Впервые за широкую поэтическую разработку этой темы взялся великий азербайджанский поэт Низами, бессмертное творение которого способствовало еще большему распространению трагической повести о любви и страданиях Меджнуна и Лейли. В дальнейшем поэма Низами вызвала к жизни десятки одноименных поэм, в которых авторы, сохраняя в основном сюжетную канву Низами, старались дать самостоятельную разработку образов и идею поэмы. Среди произведений, посвященных этой теме, особое место занимают поэмы Хосрова Делийского, великого узбекского поэта Навои, классика персидской и таджикской литературы Джами.

Исключительная живучесть этой темы в восточных странах объясняется легко. Трагическая история о Меджнуне и Лейли с поразительной глубиной показывает весь гнет того семейного уклада, который существовал в мусульманских странах на протяжении долгих веков, с древнейших времен вплоть до двадцатого столетия. Профессор Е. Э. Бертельс справедливо замечает: «Европейских читателей может удивить, почему эта тема могла так упорно привлекать к себе внимание. Но если учесть особенности быта, вспомнить об абсолютной родительской власти, о почти полной невозможности для молодежи мусульманских стран распоряжаться своей судьбой, то станет понятно, что на всем протяжении действия этого семейного уклада тема поэмы должна была находить живейший отклик почти во всех слоях общества»¹.

¹ Е. Э. Бертельс, Низами, М. 1956, стр. 153.

Рамки этого сюжета как нельзя лучше давали поэтам и писателям возможность показать горькую судьбу и несправие женщины, унижение и злосчастие молодых людей, которые хотели жить по велениям своего сердца. Главным образом по этой причине и Физули, великий сердцевед и гуманист, обратился к этой теме.

Физули приступил к написанию своей поэмы в преклонном возрасте, уже будучи одним из признанных поэтов мусульманского востока, в 1537 году н. э. (943 г. хиджры), и закончил ее в том же году.

Композиционно поэма построена, как и одноименные произведения предшественников поэта. Она состоит из прозаического вступления ряда стихотворных вступительных глав, собственно поэмы и небольшого заключения. Часть вступительных глав представляет собой традиционные славословия богу, пророку и т. д. Далее поэт излагает свои суждения о том, как трудно приходится поэтам в его время, что настоящие мастера слова в силу отсутствия благоприятных условий уже перевелись на свете, что поэзия подвергается гонениям. Эти высказывания поэта весьма интересны; они проливают свет на тот вопрос, почему, начиная с XVI века, поэзия постепенно приходит в упадок.

Затем поэт рассказывает о причинах написания поэмы.

Формальной причиной, побудившей Физули к написанию поэмы, была просьба турецких поэтов, потребовавших от него своеобразного доказательства мастерства. Создать на эту тему оригинальное творение после Низами, Навои и других поэтов было очень трудно. Из всего хода повествования поэта становится ясным, что он решил, выполняя эту задачу, дать свою своеобразную трактовку этой темы, волновавшей умы.

Трактовка этой темы, данная великим Низами, больше всего отвечала поэтическим стремлениям Физули. Действительно, как показывает анализ и сличение двух поэм, Физули в трактовке образов главных героев и в развитии сюжетной линии в основном придерживается Низами. И тем не менее поэма Физули в отношении сюжета, разработки темы и освещения образов очень отлична от поэмы Низами. В поэме Физули есть много новых эпизодов, несколько новых героев, которых не было у Низами, и, наоборот, исчез такой герой, как Салим Амирит. К новым эпизодам относятся, например: беседы Меджнуна с голубем, с горой, с целью, беседы Лейли с мотыльком, со свечой, с облаками, с верблюдницей, с утренним ветром, с луной. В поэме Физули есть и новый персонаж, которому отводится значительное место, — это Зейд.

Но включение этих эпизодов поэт, видимо, не считал отклонением от сюжетной линии Низами, а рассматривал это как чисто художественно-изобразительное средство, при помощи которого он мог глубже раскрыть характеры, внутреннее состояние главных героев.

Но зато появление Зейда и связанных с ним эпизодов несколько ломает сюжет Низами и выходит за его рамки. Тем не менее и этот эпизод все-таки возник у Физули на основании текста поэмы Низами. Дело в том, что текст «Лейли и Меджнун» Низами еще к концу XIV века успел сильно засориться всевозможными искажениями и добавлениями. Уже в XV веке текст этой поэмы Низами, как и его другие сочинения, содержал целый ряд интерполяций и добавлений, внесенных в рукописи разными переписчиками, среди которых были и опытные поэты. В числе других интерполяций в текст поэмы был внесен и эпизод с Зейдом. Почти все рукописи XVI века уже содержали этот эпизод, чуждое происхождение которого трудно было заметить не специалисту, даже поэту, ибо эти добавления сделаны очень искусно и квалифицированно.

Физули, который пользовался этими рукописями, по-видимому, не знал, что эпизод с Зейдом не принадлежит Низами, а является делом рук переписчиков. Эти добавления были исключены из текста Низами только в наше время в результате тщательного сличения и сравнения старейших рукописей поэмы.

Однако следует отметить, что образ Зейда, возникший на основе не принадлежащих Низами строк, в поэме Физули заблистал яркими поэтическими красками, зажил новой жизнью и органически вошел в художественную ткань поэмы. Волшебная кисть Физули вдохнула жизнь и силу искусно введенному, но чужеродному эпизоду.

Прежде чем перейти к анализу поэмы, остановимся на следующем вопросе.

В самом начале поэмы, в небольшом прозаическом вступлении, а также в трех вступительных рубаи, поэт как бы рассказывает о назначении поэмы и раскрывает ее замысел. В рубаи он говорит:

I

Ты, что любовь посеял между нами
И бытие скрепил любви словами,
Ты, вьющий волосы Лейли кудрями,
Сковад Меджпуна ими, как цепями!

II

Когда я в притче правду покажу
Под видом сказки тайну обнажу,
Тебя в лице Лейли изобразу,
В словах Меджнуна просьбы изложу,

III

Ты ночь моей надежды сделай днем,
Пусть рок мой ходит с поднятым челом,
Пусть, как Лейли, мой стих блеснет лучом,
И, как Меджнун, он сердце жжет огнем.

Иными словами поэт хочет сказать, что поэма носит аллегорический, суфийский характер.

Суфизм — религиозно-мистическое течение, возникшее в IX веке, то есть спустя два века после появления самого ислама. Первоначально суфизм представлял собой простое развитие заложенных в исламе элементов аскетизма.

Первоначальная проповедь Мухаммеда, пока провозглашенная им новая вера — ислам — не была признана официальной религией, была полна призывов к аскетическому образу жизни и отречению от мирских благ, равно как и обещаний блаженства на том свете правоверным. Первые последователи Мухаммеда еще сохраняли аскетический дух. Но по мере утверждения ислама проповедь аскетизма постепенно начала отодвигаться на задний план, и стремление к богатству и власти стало одерживать верх над презрением к земной жизни.

Эта тенденция особенно развилась после смерти Мухаммеда, когда арабские племена, объединенные исламом, начали свои завоевания. И как раз в этот момент среди покоренных народов и среди трудовых слоев самих арабов появилась склонность к аскетизму и отрицанию мирских благ, которые выражали собой протест, хотя и пассивный, порабощенных и угнетенных людей против ислама, освящавшего завоевательную, грабительскую политику халифата и его военной аристократии, а затем и против тяжелого феодального гнета, установленного в завоеванных странах. Проповедники аскетизма, получившего название суфизма, требовали возвращения к чистому исламу, к заветам Мухаммеда. Эти выступления, конечно, вызвали соответствующую реакцию со стороны господствующих классов. Нередко шейхи и подвижники, проповедовавшие аскетизм и отречение от земной жизни,

подвергались жестоким гонениям со стороны представителей господствующего класса и официальной религии.

В дальнейшем суфизм, помимо требования аскетизма, стал проповедовать мистицизм и пантеизм. Пантеизм и мистицизм, составляющие основу теологии суфизма, возникли под влиянием противостоящих исламу религий и религиозно-философских направлений: буддизма и неоплатонизма.

Неоплатонические взгляды, пропикшие в недра ислама, сыграли решающую роль при формировании теоретико-теологической основы аскетических течений.

Теология суфизма в основном сводится к мистикопантеистическому представлению о боге. Согласно этой теологии, мир является эманацией бога, вся вселенная — не что иное, как воплощение божества. Бог существует во всех видимых явлениях и материях природы, а они в свою очередь существуют в нем. Разнообразие мира носит иллюзорный характер, мир един — так же, как божество, разлитое в мире в виде всемирной души. Человек, как и все явления природы, является частицей этой всемирной души, и он рано или поздно сольется с ней целиком. Момент слияния с божеством — самое высокое блаженство, и каждый должен стремиться к этому слиянию, к единению с богом. Но тот, кто стремится к этому блаженству, должен отречься от всего земного, умерщвлять свою плоть и пройти определенные ступени совершенствования.

Суфизм заменил рассудочную веру в бога верой сердца. Суфизм отрицал обряды, выполнение всех тех обязательных для мусульман предписаний, совершение которых служило доказательством благочестия и правоверия. Для суфия, который стремился к единению с божеством, не имело значения различие религиозных формул, вероисповеданий, различие религиозных храмов и т. д. Это еретическое учение по сути дела отрицало ислам и было направлено против существовавших социальных отношений. Поэтому суфии подвергались жестоким гонениям. Многие суфийские деятели были обезглавлены и сожжены. Но это не дало желаемых результатов.

Тогда один из крупнейших идеологов ислама Мухаммед Газзали (ум. 1111) решил использовать проповедь смирения, широко распространенную среди суфиев, чтобы ввести суфизм в рамки официального ислама. Он вел борьбу как против нетерпимого отношения к суфизму, так и против крайних течений суфизма, и ему удалось своей тактикой привлечь основную массу суфиев в лоно официального вероисповедания. Суфизм лишился

еретического характера, и со временем часть течений суфизма превратилась в руках господствующего класса в орудие одурманивания народных масс, которых приучали к мысли о том, что они вечно должны быть голодными и несчастными.

Но часть суфийских течений все же оставалась прогрессивной и своеобразно защищала интересы народных масс. Эти суфии призывали царей и правителей не подвергать насилию и притеснениям бедный люд, не расточать народное добро, не жить в бессмысленной роскоши, вести воздержанный, аскетический образ жизни.

Физули, разделявший учения суфиев, стоял на стороне тех суфиев, которые защищали интересы народа. Произведения его полны пламенных призывов, обращенных к власти имущим, тем, от воли которых зависела судьба народа, соблюдать интересы обездоленных людей, на труде которых зиждется общество, не проматывать их добро, отказаться от грабительских войн. Проповедь аскетизма Физули возникла из справедливого возмущения пустой роскошью и развратной жизнью тех, кто грабил родину и тиранил народ ради удовлетворения своих пошлых страстей.

Для обоснования своей этики и разъяснения своих пантеистических воззрений суфизмом была разработана специальная символика, основанная на сравнении любви к богу и обычной человеческой любви. Эта символика в течение веков служила спасительным якорем для всех атеистов и вольнодумцев, стремившихся проповедовать антирелигиозные и антифеодалные взгляды.

Так, согласно этой символической «возлюбленная» и «друг» обозначают — «божество», «бога»; «вино» — «мистический экстаз»; «влюбленный» — «мистика, суфи», стремящегося к слиянию с богом и т. д.

Говоря «Когда в притче правду покажу, под видом сказки тайну обнажу, тебя в лице Лейли изображу» и т. д., Физули хочет сказать, что его поэма носит суфийский аллегорический характер, что, описывая любовь Меджнуна к Лейли, он изображает любовь мистика, путём самоотречения и внутреннего очищения стремящегося к слиянию с божеством, изображенным в виде Лейли.

Однако это утверждение поэта не соответствует реальному содержанию его поэмы и носит условный характер.

Во-первых, в своей поэме Физули с гениальным мастерством, забывая аллегории, изображает настоящие живые человеческие чувства, бушующие реальные страсти.

Во-вторых, в суфийских произведениях возлюбленная, являющаяся символическим изображением божества, никогда не умирает. Однако поэт в поэме не только заставляет умереть Лейли, но и подробно описывает ее смерть, похороны, могилу.

Помимо того, в заключении поэмы Физули, споря с судьбой, олицетворяющей современное поэту общество, сам признается, что он вывел в своем сочинении образы живых людей с плотью, кровью и костями, воспел подлинно человеческие чувства.

Этот спор с судьбой — олицетворением общества, в котором жил поэт, интересен еще и в другом отношении.

Поэт гневно восклицает, обращаясь к судьбе, что хорошим людям нет места в обществе, им всегда приходится жить в страданиях.

Поэт не соглашается с возражениями судьбы о том, что она поступает справедливо, выполняя веления всевышнего, и тем самым скрыто утверждает, что во всех несчастиях и несправедливостях, творимых на земле, виноват сам всевышний. Это настоящий, хотя и не сознательный, бунт против ислама, против бога (см. стихи «О, как ужасен небосвода гнет!», стр. 345).

Конечно, нельзя отрицать определенного суфийского налета в поэме. Этот налет был и у предшественников Физули, у одних в большей, у других в меньшей степени. Влияние суфизма особенно чувствуется в той части поэмы, где описывается смерть Ибн-Салама, после чего у влюбленных появляется возможность, наконец, соединить свои судьбы.

Все предшественники Физули (Низами, Хосров Делийский, Навои), чувствуя своей поэтической интуицией, что Лейли и Меджнун не могут соединить свои судьбы несмотря ни на что, — в этом и заключается трагическая коллизия, — не знали, как это объяснить конкретно.

Как нам кажется, именно в силу этого обстоятельства Физули, как и его предшественники, для обоснования разумности, логичности поступка героев, для которых после смерти мужа Лейли появляется возможность соединиться, вводит суфийский элемент. По трактовке Физули, как и Низами, к этому моменту любовь Меджнуна уже превращается в безумие, образ Лейли вытесняет из его головы ее самое, и он живет и дышит только мыслью о ней.

Далее необходимо подчеркнуть еще и следующий немаловажный факт. Мистическую символическую поэму суфиев простые читатели, народ всегда воспринимали не аллегорично, а в буквальном, прямом смысле. Только особо искушенные люди понимали ее в истинно суфийском плане. Не нужно забывать и того, что не

случайно небольшое прозаическое вступление Физули, о котором мы говорили, написано затрудненным языком.

Одним из существенных расхождений между поэмами Физули и Низами является также трактовка дружбы Меджнуна со зверьми. Низами объясняет эту дружбу очень просто: Меджнун давал свою пищу хищникам, и они в благодарность за это оберегали его от опасностей. В подтверждение этого Низами приводит притчу. В Мерве был правитель, который держал на цепи собаку. Всех, на кого он гневался, он бросал к собаке на растерзание. Но один из его приближенных, почуввав опасность, начал кормить собаку, и когда его однажды бросили к ней, то собака не тронула его.

Физули в этом вопросе полемизирует с Низами.

Физули говорит, что Меджнун дружил не с хищниками, а с ангелами, которые спустились на землю в образе хищников, чтобы охранять Меджнуна. Но из отдельных намеков поэта становится в какой-то степени ясным, что представляют собой эти ангелы и что поэт подразумевает под ними.

В трактовке этого эпизода чувствуется влияние античной мифологии, с которой Физули, судя по содержанию его мифологического сочинения «Матла-ул-итикад» («Восход верований»), был хорошо знаком. На основании отдельных строк поэмы можно предположить, что поэт, хотя и в своеобразной форме, использовал античное представление о том, что каждый человек излучает специальный, только ему присущий цвет. Этот цвет, невидимый для человека, доступен глазам всех животных, птиц и зверей. Один из этих цветов, красный, кровавый цвет, привлекает к себе всех, взору которых он доступен. Человека, обладающего этим цветом, не боятся птицы, животные и звери, они любят его и свободно общаются с ним. Но человек, излучающий этот цвет, осужден на трагическую судьбу, он ~~должен умереть~~ раньше положенного срока, в страданиях.

Можно заключить, что Меджнун у Физули обладал этим багряным, кровавым цветом, в результате чего его полюбили все животные.

Мы видим, что в освещении этого эпизода причудливо переплетаются два почти противоположных элемента — чисто мусульманское поверье о том, что дружившие с Меджнуном хищники были ангелами в образе животных, а с другой стороны — представление, заимствованное у античных авторов, что Меджнун излучал какой-то чудесный цвет, который привлекал зверей и птиц.

Однако не эти вопросы, не эти эпизоды составляют оригинальность поэмы, ее самобытность и отличия от поэмы Низами.

Прежде всего поэма Физули — лирическая поэма. Если в поэме Низами эпические и лирические элементы переплетаются и взаимодействуют в равной степени, то в «Лейли и Меджнуне» Физули лирические элементы занимают главенствующее место. Лиризм, напряженный драматизм и романтика — вот главная особенность поэмы Физули. Основной упор Физули делает на раскрытие внутреннего состояния своих героев, силы их любовных страданий. Для этой же цели введены в поэму такие эпизоды, как беседа Лейли с мотыльком, свечой, верблюдицей и т. д. В этих эпизодах, как и на протяжении всей поэмы, поэт с потрясающей правдивостью показывает силу чувств и страданий Лейли, которой современное ей общество запретило жить и поступать по велениям сердца. Если мотылек умирает один раз, кружась вокруг своей возлюбленной — свечи, то Лейли горит и умирает ежедневно, ежечасно; если свеча горит и страдает в течение ночи, то Лейли горит и страдает днем и ночью. Вот что говорит Лейли, например, в другой своей беседе, в беседе с верблюдицей:

Ты, с шерстью мускусной, благоуханной,
Ты, добронравная, с душой медвяной.

Босая, с непокрытой головой,
Давно ль тропию ходишь кочевой?

На путь страданий кто тебя направил,
Кто на твоей груди клеймо поставил?

.....
Как я, своею ты не правишь долей,
Как я, чужой подчинена ты воле.

В другом месте поэт влагает в уста своей героини следующие слова, которые с поразительной глубиной обобщают положение всех женщин его времени:

Письмо несчастной женщины одной,
Письмо Лейли, утратившей покой,

Высоко вознесенному Меджнуну,
Несчастьем изнуренному Меджнуну...

. . . Меня ты укоряешь справедливо,
Сношу я все укоры терпеливо, —

Но разве мало мучит горький стыд
И совесть, что мгновенья не молчит?

Себя признала я давно виновной, —
Так пусть меня простит твой суд верховный.

Ведь покупают, продают Лейли,
Купцы меня жемчужиной сочли.

И этот торг мне небом был навязан,
Мой покупатель не был мне показан.

Когда б я над собой была властна —
Я лишь с тобой была б обречена . . .

Трактовка образов главных героев поэмы абсолютно оригинальна. Ни Меджнун, ни Лейли, ни Ибн-Салам Физули не похожи на героев Низами. Это новое толкование образов у Физули проистекает из его трактовки понятия любви. Любовь у Физули изображается совершенно по-иному, чем у его предшественников. Любящий человек, по трактовке Физули, свободен от эгоистических чувств. Он должен стремиться только к счастью любимой — вот главная цель жизни любящего. Этим и обусловлено положительное отношение Меджнун к Ибн-Саламу, которого Низами называл в своей поэме «драконом, поглотившим луну — Лейли», «змеей, кольцом окружившей сокровище — Лейли», и т. д.

Меджнун не питает к Ибн-Саламу никакой злобы и ревности, наоборот — он проникается уважением и симпатией к нему, узнав о том, что он тоже любит Лейли. Ведь, рассуждает Меджнун, Лейли не любить нельзя, и тот, кто любит ее, достоин великого уважения.

Образ Лейли у Физули, пожалуй, более поэтичен и более реалистичен, чем у Низами. Лейли у Низами, несмотря на всю свою боязнь и несправедливость, более активна, она готова идти против воли родителей, открыто выражать свое недовольство поведением отца. Далее, она в доме своего мужа проявляет неслыханную для того времени смелость. Когда Ибн-Салам в первую брачную ночь хочет заключить свою жену в объятия, то она дает ему такую пощечину, что он падает, как мертвый.

Лейли у нашего автора более робкая, более женственная. Она страдает больше, чем героиня Низами, но скрывает свои

страдания. Когда ее выдают замуж, она в душе возмущается поведением родителей, но не высказывает своего возмущения, отчего ее страдания еще больше увеличиваются. В доме жениха, чтобы остаться верной Меджуну, она идет на всякие хитрости и обманывает Ибн-Салама, но не ударяет его, как Лейли у Низами. А когда умирает Ибн-Салам, она пользуется этой возможностью, чтобы открыто плакать и рыдать. Посторонние думают, что она оплакивает своего мужа, на самом же деле она оплакивает свои кручины, плачет по Меджуну.

Следует отметить еще следующие особенности поэмы.

Герои поэмы Физули — это люди его времени, они одеты в современные костюмы, окрашены колоритом его эпохи. Описывая страдания Лейли, он описывает страдания и трагедию современных ему женщин, воспевая несчастья и кручины Меджнун, он воспекает несчастья и кручины современных ему молодых людей, лишенных возможности распоряжаться своей жизнью.

Эта особенность поэмы чувствуется даже в самых маленьких деталях. Так, в предисловии к своему азербайджанскому «Дивану» поэт описывает свою учебу в медресе в юношеские годы. Описание этой школы — как там учились, как сидели мальчики и девушки — полностью совпадает в поэме с описанием школы, где учились и встретились Меджнун и Лейли. Здесь и там поэт в рассказе употребляет даже одни и те же слова и выражения.

В свою поэму Физули вводит газели. Эти газели исходят то из уст Лейли, то Меджнун. До Физули все авторы «Лейли и Меджнун» подчеркивали, что герои поют газели. Но эти газели, чтобы не ломать стихотворную форму поэмы, давались в форме маснави.

Физули отказался от этого. Он, ломая форму маснави, невзирая на традиционный канон, вводит свои замечательные газели, которые гармонируют с общим ходом повествования и изложения.

Эти газели (как и другие стихотворные формы, введенные в поэму) служат чудесной лирической икрустацией художественной ткани поэмы, украшают ее.

Справедливо можно сказать, что поэма Физули не только оригинальна и самобытна, но является одним из лучших произведений, написанных на старую тему печальной повести о двух влюбленных. Не случайно поэма на протяжении долгих веков, до настоящего времени, пользовалась колоссальной популярностью не только в Азербайджане, но и далеко за его пределами.

На тему «Лейли и Меджнун» Физули написана опера выдающегося азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова.

Перевод «Лейли и Меджнуна», притом полный, на русском языке появляется впервые. До сих пор на русском языке еще не было полных переводов поэмы «Лейли и Меджнун» Низами и Навои.

Настоящий перевод Анатолия Старостина, который отличается близостью к оригиналу, выполнен с научно-критического текста поэмы, составленного и опубликованного в 1949 году видным азербайджанским ученым Гамидом Араслы¹.

РУСТАМ АЛИЕВ

¹ В издании Г. Араслы, к сожалению, не хватает около ста двустиший, не имеющих, впрочем, непосредственного отношения к тексту поэмы и представляющих собой традиционные панегрики в честь османского султана.

ВСТУПЛЕНИЕ

О боже, молю тебя, — если в тот миг, когда по воле предопределения Лейли, воплощающая тайну истины¹, выйдет из-за завесы единения с богом² и украсит сиянием своей красоты видимую сферу, а Меджнун, дух которого блуждает по пустыне неведения, узрев сияние красоты ее, выпустит из рук узду воли; если в этот миг их родители и соплеменники, не поняв, как тешат душу и сердце блаженство и радость любви, попытаются обманом, принявшим облик увещаний, и хитростью, облеченной в добрые советы, разорвать узы слияния влюбленных и сломать цепи их соединения — да не послужит мой рассказ к замедлению снятия покрывала с Лейли, украшающей мир, и к отысканию низких помыслов в душе Меджнуна, странствующего по миру. Если же под предлогом изложения сказания какие-либо совершенные златоусты и златоустые красноречивцы захотят изобразить истинную любовь и красоту вечности, нанизать

¹ Истина — в данном случае бог.

² То есть выйдет из состояния блаженного слияния с богом, появится на свет.

на нитку стихов жемчужины тайн, собрать плоды тяжкого труда с дерева изящного слога, снять забрало с тайны и видимую завесу с сокровитного, то пусть божественная помощь и благосклонность всевышнего сопутствует им в достижении их цели и благополучном исходе их дел. Избавляя Лейли, олицетворение избранных мечтаний, и Меджнуна, воплощение красоты возвышенного, от нападок тех презренных и подлых людей, которые клеветают на стихи и изящное слово подобно тем, кто облыжно осуждает Лейли, и которые преследуют поэзию, подобно тем, кто подвергает жестоким гонениям Меджнуна. И если я, гонимый нищий, злосчастный Физули, с помощью своей ничтожно малой толики слога и бесконечно бедного красноречия, по просьбе нескольких друзей изящного и благословенных обладателей тонких мыслей, завладею сокровищницей красоты Лейли и восстановлю из развалин любовь Меджнуна, то, умоляю, да будут начертания моего пера и слова, изображенные на бумаге, благосклонно приняты взорами людей, чтобы эта книга завоевала весь мир, как сказание о Лейли, и существовала вечно, как страдания Меджнуна.

I

Ты, что любовь посеял между нами
И бытие скрепил любви словами,
Ты, вьющий волосы Лейли кудрями,
Сковал Меджнуна ими, как цепями!

II

Когда я в притче правду покажу,
Под видом сказки тайну обнажу,
Тебя в лице Лейли изобразю,
В словах Меджнуна просьбы изложу.

III

Ты ночь моей надежды сделай днем,
Пусть рок мой ходит с поднятым челом,
Пусть, как Лейли, мой стих блеснет лучом,
И, как Меджнун, он сердце жжет огнем.

*Просьба с почтительным восхвалением бога
и
вместе с благодарностью молю о
ниспослании изящного снага*

арящему щедроты без числа,
Подателю великих благ — хвала!

Он поначалу безначально вечен,
В конце концов он вечно бесконечен.

Своим искусством мир отметил он,
Все видят, как он высоко взнесен,

Единый бог, владеющий вселенной,
Великий, бесподобный, несравненный.

Украшен мир — то плод его забот,
На нить он нижет жемчуг — весь наш

Он, истины граня алмаз прекрасный,
Туманность светлой сделает и ясной.

Он скрытое всегда открыть готов,
На явное накинёт он покров,

Недаром он зиждитель мироздания,
Податель щедрой влаги в сад познания.

О боже, помоги мне, стражду я,
Смотри, как жизнь безрадостна моя!

В чем существо уменя? Я не знаю —
Я только неумением обладаю.

Невиданный предпринят мною труд —
Начало и конец меня гнетут.

То камень над дорогой, мне грозящий,
То море гневное с волной кипящей.

Коль не подашь мне помощи своей,
Коль не укажешь мне своих путей,

То как добыть рубин смогу из камня?
Задача эта будет не легка мне.

Ужели на смерть мне мечту обречь
И жемчугов из моря не извлечь?..

Итак, наполни сердце мне сияньем,
Стихи наполни чистым содержанием.

Пусть будет ясным зеркало души,
Раздуй светильник мысли, не туши.

Дай отпереть замок моих стремлений,
Дай в руки мне предмет моих влечений.

Пусть счастья моего забытый сад
Пророк с учениками оросят.

*Цветника единобожия цветок
и
сада прославления бога росток*

ы, мысль о ком блаженных согревает,
Чье имя двери действий открывает,

Чье имя — ключ от вечных кладовых,
Мир — талисман великих тайн твоих.

Ты — щедрый основатель мирозданья,
И славят все твое существованье!

О ты, связавший цепи бытия,
Податель всем питания и питья!

О ты, хранящий таинства загадок
И мира сберегающий порядок!

О ты, что расписал весь лик земной —
И в небе ясно виден почерк твой!

О ты, определитель направлений,
Рудник алмазов праведных свершений!

На мир ты щедро пролил благодать —
Свече ума ты приказал сиять!

Завеса — мир наш, от тебя отличный,
Особого скрывает мир обычный¹.

Сомнение есть ли в бытии твоём?
Ты — есть, других мы сущих не найдем.

Семь роз и девять цветников, владыка,
Цветут твоею щедростью великой.

Ты разрушаешь, созидаеть ты,
Ты правишь миром с горней высоты.

Хоть скрыл ты зревших тайн твоих сверканье,
Мысль о тебе — цветок весны познанья!

Немыслимо твои щедроты счесть,
Всем людям ты даруешь жизни честь.

Тебя весь мир возносит многоусто,
Тобой он полон, без тебя в нем пусто.

Возжегший безначальной жизни свет,
Затеплив пламя бесконечных лет,

Ты правишь нераздельно, бесконечно
И ведаешь все тайны жизни вечной.

Господь, весь мир украсивший собой,
Тобою разум восхищен людской.

Но сколько б мы тебе хвалу ни пели,
Ты больше совершил на самом деле.

Когда ты начертал природы знак,
Сказал: «Да будет» — и все стало так,

Тогда всему велел ты совершаться,
А дням, годам и месяцам вращаться.

Предрек, чем кончится круговорот¹
И в каждом круге что произойдет.

Удел назначив на земле всем людям,
Решил ты, что и где мы делать будем.

Я не дивлюсь созданиям земным —
Они по мыслям созданы твоим.

Недаром дольний мир подобен чуду —
В нем мастера рука видна повсюду.

Но ты чрезмерно древен естеством,
Мне не постичь тебя своим умом.

Нет изумленью ни конца, ни края —
То знак, что бог есть истина живая.

Как знать нам, где легла твоя стезя?
Одно мы знаем: знать ее нельзя.

Ты, заложив основы мирозданья,
Порядка обозначил очертанья.

¹ То есть мир явлений есть внешнее проявление божества и одновременно завеса, скрывающая его от глаз. Чтобы познать бога, надо проникнуть за видимость вещей.

¹ Круговорот — вращение небес; время; эпоха.

Того порядка лучше не найти,
Ты миру вечно приказал цвести.

Что мало нужно, ты и создал мало,
Так сделал, чтобы нужного хватало.

И все устроил вещи навсегда,
Что сгинули изъяны без следа.

Хоть много тайн хранят твои творенья,
Но ты — во всем, и в этом нет сомненья.

А суть твою познать не может прах —
Он знает только, сколь велик аллах.]

*Жемчужина моря восхвалений
и
алмаз рудника мслений*

*есчастен я, будь милосерд, владыка,
Иду к тебе с надеждою великой!*

Из праха к жизни вызвал я тобой,
Ты дал мне разум, паделил душой . . .

Но что душа? Прах на твоём пороге,
А разум — тропка у твоей дороги.

Я — терн в саду. Тот сад — душа твоя.
На зеркале ума — пылинка я.

Мне хвастать пред тобою было б стыдно.
Ах, если б не было себя мне видно!

Я был в небытии, лишенный сил,
Меня своим вниманьем ты почтил.

Ты душу дал мне, сердце дал в подарок,
И разум мне вручил, что чист и ярок.

Когда бы лик душа не обрела,
Меня доныне бы скрывала мгла.

Но раз ты милость оказал такую
И я теперь на свете существую,

Я благодарен за любовь твою,
Ты дал мне ум — тебя я признаю.

Я не превысил благонравья меры,
И нет во мне препятствия для веры.

Не исчезает, что ни миг, она:
Мне груда доказательств не нужна.

Стремясь к тебе, я усталы не знаю,
Но со стыдом своим как совладаю?

Пусть я не шел по правому пути
И к цели мне не удалось прийти, —

Я все же, чей бы след ни показался,
Стремясь к тебе, скорей по следу мчался.

Но так как все я видел вкривь и вкось,
Тебя, увы, найти не довелось.

Я думал, ум тебя найти поможет:
Он слаб и бога распознать не может.

Несведущий ли ум тебя найдет,
Печальный, изнемогший от невзгод?

Быть может, сам придешь ты на подмогу
И облегчишь мне трудную дорогу?

Мое упорство видя, помоги,
Направь мои неверные шаги!

О боже, верю я в твою науку,
Ты — это ты, и ты подашь мне руку.

Любить ли мир, земную эту твердь?
Живем — и ждем, когда наступит смерть...

Но мир я домом пытки звать не стану,
Не стану мир уподоблять обману!

Нет, хорошо в обители такой,
Она душе моей дала покой,

И я забыл, где прежняя обитель,
И зажил здесь, как постоянный житель.

Жилось мне сладко во дворце земном;
В другой мне вовсе не хотелось дом:

Ведь я, бедняк, рассчитывал беспечно,
Что здесь моя душа пребудет вечно,

Что лучше нет жилища для сердец,
Что благу жизни не придет конец.

Но раз твой голос, боже, указывает,
Что мир потусторонний существует,

В котором жизнь блаженно хороша,
Где сердце радо, нежится душа, —

Я всем твоим словам поверил страстно,
Поверил, что обитель та прекрасна.

Я понял: совершенных хочешь ты
Рабами сделать горней правоты,

Чтоб, на земле проживши совершенно,
Они с тобою там слились блаженно.

И я решил, забыв о суете,
Стремиться к совершенной высоте.

Сойти с дороги этой невозможно,
По ней к тебе пойду я непреложно.

Ты в первый день нам дал благую сень, —
Будь милосерд к нам и в последний день!

Когда душа, с тобой желая слиться, —
На путь, к тебе ведущий, устремится —

Будь благосклонен, как в былые дни,
И руку помощи мне протяни!

Ты дал мне душу, дал мне разуменье, —
То знаки твоего расположения.

Не будь, о боже, ныне к ним суров,
Не угнетай во мне своих даров...

Когда я этот дольний мир оставлю
И в мир иной свои стопы направлю,

Тогда они, жестокий рок кляня,
Перед тобой не обвинят меня,

Останутся довольными судьбою.
И в час слиянья моего с тобою.

*Веское свидетельство в пользу необходимости
признания творца всеблагаго*

и

*доказательство отсутствия вечного бытия
всего остального*

е, что узреть способны благодать,
Должны и сущность бытия познать;

Узнать, где тот рудник, глубокий, тайный,
Что укрывал алмаз необычайный;

Как небеса в круговорот пошли
Вкруг средоточья дивного земли,

Кто внешностью облек любое тело,
Чтобы светилось то, что лишь горело¹.

Всему причина в мире есть земном,
Но где причину причину мы найдем?

«Каф», «нун» весь мир наш дольний сотворили.
Но как они над миром воспарили?

Свет мира в божьей мастерской зажжен,
И создал бог круговорот времен.

¹ Физули сравнивает содержание (внутренность) вещи с огнем, а форму (внешность) — со светом. Без света нельзя узнать о существовании огня.

И не было б высокого чертога,
Когда б не стало вдруг султана-бога.

Ужель рисунок лучезарный тот
Без дивного художника живет?

Как найден путь к решению загадок?
Кто миру изначальный дал порядок?

Знай, появление мира, что мы зрим,
Необходимо связано с Другим.

Подумай, где лежит предел конечный —
Тогда поймешь, где проявитель вечный.

Отдай себя во власть небытия —
В нем пролегал божья колея.

В познании немыслима беспечность:
Небытие укажет нам на вечность!

Воистину, едино божество,
Во всем, что есть, — одно лишь естество.

А бытие других — лишь отраженье.
И бытие ль оно? В том есть сомненье.

Но Сущего людьми утерян след.
А «сущего» для них — на деле нет¹.

Ведь мира нет, коль поразмыслить строго:
Весь мир — пылинка на зеркале бога!

Так смолкни, ум, пристойность возлюбя:
Что знаешь — знай! Достаточно с тебя.

Исследуй внешность — большего не надо.
Пред сущностью поставлена преграда!

Не овладеть той тайной никому,
Ее постигнуть не дано уму.

Нет, в тайну смертные не проникали;
Пророк сказал: «Тебя мы не познали!»

Недаром люди все изумлены:
Господь — творец, а мы сотворены.

Увидим нить какую-то — и снова
Стоим, оцепенев: где вся основа?

Когда бы кто из нас изведать мог,
Как создает людей всевышний бог,

Тот человек по своему желанью
Начало б дал другому мирозданью.

Но так как бог, что славен и могуч,
Нам не дал к тайнам сокровенным ключ,

То нам не разгадать его величья,
Его отличие в мире — безотличие¹.

¹ То есть люди не видят подлинно существующее (бога), но считают существующим мир явлений, который, по словам Физули, не существует.

¹ То есть у бога нет внешних признаков.

*Невежества признание
и
в своих грехах покаяние*

ты, слепец, не знающий ума,
Ты, для кого весь мир — сплошная тьма!

Не говори, что небосвод¹ неверен,
Что он жесток, коварен, лицемерен!

Скажи мне, в чем повинен небосвод,
Какой ты от него изведал гнет?

Добро ль твое он отобрал жестоко,
Иль сбросил он тебя с горы высокой?

Нет, начал он круговорот светил,
В движенье чернь и белизну² пустил,

Огонь уравнивал он водою,
И воздух он остановил землю...³

Свечу твоих деяний он зажег,
Все дал тебе, чего желать ты мог.

Из ничего он создал человека,
Дал благ ему он до скончанья века.

Так поступил с тобою небосвод.
А от тебя какой ему почет?

Его неверным, подлым называешь,
И каждый миг его ты проклинаешь.

Его любовь к тебе видна во всем,
А ты ему за благо платишь злом.

О дух, незнания чашу осушивший,
Любовь к своей отчизне позабывший!

Как ты попал на этот тесный путь,
Иль из сетей не мог ты ускользнуть?

Когда ты край небытия покинул
И недоверье к бытию отринул,

От мудрости всевышней получил
Ты разум и запас душевных сил,

Чтобы, явившись в дольний мир явлений,
Ты мог на рынке мировых сомнений

Использовать богатство до конца¹,
Благоволение заслужить Творца.

Но ныне разорился ты жестоко,
Не получивши от богатства прока,

Растерян ты, печален, огорчен
И нищетою нежданной изумлен.

¹ В мусульманской теологии небосвод (небо, судьба, рок, круговорот) — сила, подчиненная богу, через которую бог осуществляет свою власть на земле.

² Чернь и белизна — ночь и день.

³ Огонь, вода, воздух, земля — четыре элемента, из которых, по средневековой философии, состояло все сущее.

¹ То есть бог дал человеку разум для того, чтобы он мог сам разрешить сомнения, встающие перед ним на пути.

Когда вернешься в прежнюю сбитель,
Ты будешь ли ее почетный житель?

Конечно, ты презрен, унижен, тих,
Стыдиться будешь прежних дел своих.

Не будь же алчным и себялюбивым,
Не будь же сластолюбом похотливым,

Что накопишь ты, всё муравьи съедят, —
И станет смертной мукой всякий клад!

И знай, кто чистого вина пригубит,
Того водоворот вина погубит!

А если будешь ты курить гашиш,
Ты им зеркало веры затемнишь!

Не бубен — грудь, на ней играть — не шутка¹,
Не увлекайся ветром, словно дудка!²

Ступай на правый путь, законный путь,
А все, что незаконно, — то забудь!

Иди, где к богу верная дорога,
Закону покорись посланца бога!

¹ То есть нельзя играть со своим сердцем так, как музыкант на бубне.

² В оригинале игра слов «х а в а» — ветер и страсть; то есть не позволяй страсти произвольно играть с тобой, подобно тому, как с помощью дуновения мы играем на дудке.

*Страница книги описания
родоначальника посланников¹*

и

*блюдо из лепестков цветника
милостей главы избранников*

ы, что царишь в сияющей дали,
Цель бытия и неба и земли!

Ведь небо — прах твоей дороги вышней,
А прах вознес до неба трон твой пышный...

Создавший книгу вдохновенных дум,
Науку веры основавший ум!

Ты, царь царей пророческого трона,
Художник справедливого закона!

Отрадный небу и земле всегда,
Ведущий книгу Страшного Суда.

О ты, глава посланников небесных,
И первый из избранников чудесных!

Ты, кем был ясный облик вере дан,
Кому творцом ниспослан был Коран.

¹ Речь идет о пророке Мухаммеде.

Ты стал султаном всех людей на свете,
Все на земле — твои рабы и дети.

Ты, светоч приближенья к божеству,
Видавший Джабрайла наяву.

Ты всем передаешь творца веленья,
И всем твои понятны заверенья.

Ты указал нам Кыблу в добрый час,
Пред богом заступился ты за нас.

След ног твоих — венец главы небесной,
Светильник славы — мысли свет чудесной.

Орудье устроенья бытия,
Кому покорны всех миров князья!

О ты, познавший сущность и явленья,
Существованья ведающий звенья!

Благодаря тебе наш род храним,
Склонились ангелы к стопам твоим!

«Йасин» — жемчужина твоей природы!
В «Таха» тебя увидели народы.

В науке ты наставил род людской!
Столица шарията¹ — город твой!

Ты, перед кем склоняются пророки,
Пред кем склонился небосвод высокий,

Хвала тебе, избранник, по делам!
Когда ты людям подарил ислам,

Ты объяснил, как этот мир устроен,
Кто в нем презрен и кто хвалы достоин,

Какие царства знает дольний мир,
Что заслужил тот иль иной эмир.

Ты рассказал нам о природе бога,
А без тебя мы знали бы немного.

Путь указав тем, кто во тьме блуждал,
Ты падшим руку милосердья дал.

Ты, проповедник стольких добрых правил,
Нам для уверток места не оставил.

Но мы, несчастные, твои пути
Не можем, как положено, блюсти.

Еще небрежны мы в повиновенье,
Еще не столь мы ревностны в служенье,

Но пусть мы виноваты и грешны —
И все же мы надеждою полны,

Что уделишь от щедрости великой
Благоговеющим перед владыкой,

Опору грешник у тебя найдет,
Печальный упованье обретет.

Ты защищаешь грешников, — не диво,
Что грешник не глядит на мир пугливо!

¹ Шарият — юридическая система ислама. Столица шарията — Мекка, создававшая нормы права для мусульманского мира.

Коль богу я покорен был вполне —
Тогда зачем заступничество мне?

Так! Ты — земного царства повелитель
И всех, кто в этом царстве, — покровитель.

И в каждом веке есть один пророк.
Один посланник среди земных дорог

Природы совершенство украшает
И мир свечою лика освещает,

Путь пролагая к милости твоей:
Так у могучих повелось царей.

Во сне небытия один из мира¹
Однажды увидал среди эфира

Венец, сиявший огненно светло, —
И им его украшено чело.

Очнувшись от неожиданного виденья,
Он получить возжаждал объясненье.

Спросил он, что же значит этот сон,
И ты ему был богом предвещен.

Весть о твоём явленье благодатном,
О счастье, что принес ты, необъятном,

Весть, что людей возносила к небесам,
Услышал первым из существ Адам.

¹ Речь идет об Адаме.

С тех пор мир полон был одним стремленьем —
К тебе он шел своим коловращеньем.

Пророков бог являл по одному,
Сказав о боге, шли они к нему.

Явился ты. Но тень не шла с тобою,
Как будто стан твой, древо молодое,

Бросал на землю радостную сень,
Но в мир иной бросал земную тень¹.

¹ По преданию, у Мухаммеда не было тени, так что он лишь осенял благодатью людей, а тень его отбрасывалась на небо.

О ночи вознесенья
и
небесного солнца восхожденья

ождала к праху зависть небосвода
Твоя благая, чистая природа.

Прельщала ангелов твоя краса,
Тебя лобзать хотели небеса.

И скорбь они великую терпели,
Мечтая поскорей достигнуть цели.

В благое время и в счастливый час
Услышан был небес молящий глас.

И Джабраил тебе дал приказанье:
«О кипарис в саду благого знанья!

Как солнце, тень отбрось на небосвод
И свой высокий совершай поход!

Встань и милость окажи, владыка,
И славу ночи приумножь великой!¹

Скорей отбрось наружный свой покров
И посети бескровельного¹ кров!

Все ангелы узреть тебя мечтают,
Свидания с великим ожидают.

В дворце небесном звездный хоровод
Давно уже тебя, тоскуя, ждет».

Ты, на Бурака сев, обрел блаженство,
И в счастья достиг ты совершенства!

В четырехстолпный дом² ступив ногой,
Ты девять сводов³ пронизал стрелой.

Стал месяц целовать твой след с приветом,
Твои глаза поили солнце светом.

С почтительным поклоном, савовит,
«Я твой слуга», — промолвил Утарид.

Нахид, с тебя свести не в силах взора,
Пир начала средь звездного простора.

А солнце прах лобзало стоп твоих,
Твоим учеником стал сам Масих.

Твой меч векам дал своды новых правил,
И в мужестве Бахрама ты наставил.

¹ Великая ночь — ночь в месяце Рамазане, когда все сущее, по мусульманскому преданию, поклоняется богу.

¹ Речь идет о боге, который, объемля собою все, не имеет крова.

² Четырехстолпный дом — небо, стоявшее, по мусульманскому преданию, на четырех столпах.

³ Девять сводов — по мусульманскому преданию, небо, состоящее из 9 сфер (9 небес, 9 сводов).

Бурджейс был рад приходу твоему,
Ты счастье сладкое принес ему.

Тебя Кейван, и радостен и светел,
Как средоточие собранья встретил.

Ты, всех светил построив племена,
Стал сеять звезды — счастья семена.

Создав другой порядок там чудесный,
Ты в пестроту одел атлас небесный,

И, оказавши воздуху почет,
Ты треном озарил весь небосвод...

Коня и Джабраила ты оставил,
Один к Единому стопы направил.

Завесы больше твой не видел взор,
И междусферный ты узрел простор.

Ты достигнул, куда не достигали,
Ты в недоступные вознесся дали.

Творцу молитвы наши ты вручил
И весть его благую получил.

И пролилась божественная милость,
И благодать творца к тебе спустилась.

От кладов знания дал тебе он ключ,
Дал в дар тебе надежды светлой луч.

Набрав жемчужин из святого моря,
Ты из полета возвратился вскоре —

Еще постель твоя была тепла
И пыль дороги взвихрепа была,

А ты уже пронзил полетом воздух
И вновь обрел себе достойный роздых...¹

Да, ты познал такую благодать,
Что время не могло о ней узнать.

И вот ты сам уведомил беспечных
И рассказал о скрытых тайнах вечных.

Широко двери милости открыл
И каждого достойно одарил...

Но если всем тобой дана награда,
Меня, великий, обижать не надо.

Несчастный Физули, я унижен,
Своими же грехами устыжен.

Рассудок слаб мой, непокорны мысли —
Спаси! Несчастья надо мной нависли!

Путеводитель в темноте ночной,
Меня ведущий узкою тропой, —

Направь туда, куда идти мне надо,
И удостой сочувственного взгляда!

¹ По преданию, Мухаммед так быстро совершил полет на небо, что не успела даже пролиться вода из наклоненного кувшина.

Чтоб я, стопы не погружая в грязь,
Шел за тобой, душевно веселясь...

Чтоб сада жизни жаждущее лоно
Дожди щедрот омыли благосклонно.

*О слабосилии своем сожаление
и
горькая просьба извинения*

Кравчий, наш кружок укрась собой,
Подай вина, будь милостив со мной!

Дай чашу, чтоб душа развеселилась,
Будь благосклонным, кравчий, сделай милость!

О, как я в доме горя одинок,
И друга нет, с кем поделиться б мог!

Соратники по битве слова сладкой
Исчезли; в царстве слова нет порядка.

Остались только мы с тобой вдвоем,
Давай украсим пиршество вином!

Я буду пить — ты только подавай мне,
Я буду петь — ты слушай, подпевай мне...

Сейчас стихами все пресыщены,
За них и низкой не дают цены.

Клянет наш век стихи, в добре изверься,
Речь мерную считает он за ересь.

И если я, готовый сердце сжечь,
Вложу его в размеренную речь,

И сотни лалов нанижу в порядке,
И сотни роз я высажу на грядки,

Не поглядевши, каждый завопит:
«Не роза — шип, не лалы, а гранит».

Во всей багдадской стороне бесспорно
Уже не славы больше стих узорный.

Сейчас и царств таких на свете нет,
Где был бы признан хоть один поэт.

Как в Хинде, в Фарсе, в Шаме, в Хорасане,
Так в Руме, и в Аджаме, и в Ширване, —

Никто не может взвесить пронизь слов, —
Иначе мы бы знали знатоков¹.

Поэзию скрывать напрасно будешь —
Так солнце не светить ты не принудишь!

Пусть камни закрывают ход в рудник —
Рубин всегда покажет всем свой лик.

Но такова круговорота воля, —
И мы стихов нигде не видим боле.

Что ж! Я плохой круговороту друг:
Ведь я не вхож в ему подвластный круг.

Он хочет мерной речи униженья,
Он хочет возбудить к стихам презренье,

А я хочу открыть простор стихам,
Когда больны они, лекарства дам.

Круговорот считает мудрость зыбкой,
Но я смеюсь над этою ошибкой.

Разрушенное воссоздать хочу,
И верю я — мне это по плечу!

Ода кравчому

О кравчий, помоги же мне в печали,
Меня оковы горя оковали!

Нам горести лечить разрешено,
Лекарство против горестей — вино!

Когда тобой спасен я буду, бедный,
Знай, помощь не останется бесследной.

Ракушка я, ты облако веслой.
Дай каплю, я дам жемчуг дорогой.

Ты солнце, я же — черный прах долины,
Огонь мне дай — и получай рубины!

Скиталец я бездомный — пожалей!
Нет у меня ни близких, ни друзей!

¹ То есть сейчас нет истинных поэтов, которые могли бы ценить стихи (взвешивать пронизь слов-жемчугов); если бы они были, мы узнали бы о них, ибо истинная поэзия становится известной вопреки всем препятствиям.

Друзья, которых нет давно на свете —
Певцы минувших навсегда столетий, —

Нагими на земной явились пир,
Но проводил их с почестями мир!

Поддержку получив в круговороте,
Был в каждом веке кто-нибудь в почете.

И сладость слов его вкусивши, встарь
Какой-нибудь его возвысил царь.

Перс, тюрк, араб поэтов привечали,
Поэтам не давали жить в печали.

Абунаваса верно оценив,
Ему дары принес Гарун-халиф.

И Низами не ведал в жизни страха
Затем, что был любимцем Ширван-шаха.

Шах Хорасана милости свои
Лил щедро златоусту Навои.

Кому чудесный жемчуг слов был нужен,
Сокровища менял на горсть жемчужин.

Теперь уж нет властителей таких,
Поэтов нет, исчез и сладкий стих,

Ушло, облекшись в рубище, то племя,
И дел его не знает наше время.

Чтоб не увял цветок стихов теперь,
Чтобы искусства не закрылась дверь,

Задумал я: высокой мерной речью
Веков обычай я увековечу...

Отныне я вступил на славный путь,
И мне теперь спокойно не заснуть...

Решил поэзии веленьям внять я,
Слаганье стихов — мое занятие.

Но только людям мира я не люб,
Они сочли, что дерзок я и туп.

И стоит мне сказать одно лишь слово,
Готовы все корить меня сурово.

Завистники, исполнены вражды,
Меня клянут, желая мне беды.

Но будет все ж конец хуленью злomu —
Еще меня оценят по-иному...

Поэты отошедших вдаль веков,
В цветник являясь, чтоб нарвать цветов,

Здесь находили и траву и розы,
Что не боялись ветра злой угрозы.

Собравши розы, для меня она
Оставили теперь шипы одни.

Пир бытия собою украшая,
Они, приятных, новых яств вкушая,

Отведали и чистого вина,
А мне досталась гуша лишь одна.

Но будет гуша для меня отрадой,
Лишь только б скорбь не стала мне наградой.

Обращение к кравчему с просьбой о вине

сжался, кравчий, дай вина скорей,
А выпью чашу — новую налей!

Смотри, не доверяй круговороту
И заглуши вином мою заботу.

Серебряный кувшин ты в руки взял —
Вливай бальзам в мой золотой фиал.

Я одинок, достоин сожаленья,
Будь добрым, дай вина мне в утешенье.

Здесь, на пиру, достаточно забот,
А помощи никто не подает.

О помощи! Тебе не будет стыдно,
А равнодушие будет мне обидно!

Когда не знаешь ты, кто я такой, —
Зулмат, в котором ключ воды живой, —

Вино объявит — я его пьянее,
Огонь объявит — я горю сильнее.

Поможешь мне в лихой мсей судьбе —
Бог будет помогать всегда тебе.

Я, как Муса, слыву красноречивым,
И чародеям всем кажусь я дивом,

Я мудрый вавилонский чародей,
И сам Харут не столько знал затей.

Мой разум овладел словесным царством,
Я властвую над этим государством.

Когда начну я пение касьд,
Мой сокол в выси горние летит.

Газель иной раз мне дарит забвенье,
Ей душу придает мое терпенье.

И маснави нередко я пою —
Из моря чистый жемчуг достаю.

На языках людей, любимых мною,
Я сочиняю с легкою душою...¹

Исполнен благородства и умел,
Хочу я ныне, как всегда хотел,

Чтоб в эту лавку, полную товаром,
Не заходил мой покупатель даром.

¹ Физули писал стихи по-азербайджански, по-персидски и по-арабски.

*Причина сложения этого дастана
и
источник печали неустанной*

Кравчий, видишь, я изнеможен,
Я горестью жестокой сокрушен!

Твоя рука одна лишь мне поможет,
И кто другой меня утешить может?

Как трудно жить мне! Помогите мне, друг,
Твое вино излечит мой недуг!

Лишь от тебя я жажду исцеленья,
Не уменьшай ко мне благоволенья...

... Однажды пил я чистое вино —
Мне закружило голову оно.

Весна сменила осень дней нежданно,
Стал сердоликом цвет лица шафранный.

Толпа друзей со мною собралась, —
Веселье, кравчий, звонкострунный саз.

И что, казалось, быть могло бы краше,
Чем до краев наполненные чаши!

Все больше наслаждался я вином,
Все больше возбуждался я вином.

Тот пир казался радостным цветеньем,
Я пел, как соловей, объят томленьем...

Веселье, как вино, лилось рекой,
Утрачен был душевный наш покой.

Раскрылись тайны, что в сердцах таились,
И все слова притворные забылись.

Речистый полугай¹ души моей
Стал отражаться в зеркале друзей.

То были люди румского предела,
Весь мир давно их слава облетела.

С глубокой мыслью справились они,
И знанием прославились они.

Все тонкости наук они познали
И жемчуга в беседе рассыпали

Один из них стал вспоминать стихи,
Произведенья Ахмади, Шейхи.

Другие не жалели восхвалений
Для Джалили и Низами творений.

Известно было им, что у меня
Довольно красноречья и огня.

¹ Попугай на Востоке — символ красноречия.

А так как я пустился хвастать, пьяный,
Они решили вскрыть мои изъяны —

Пусть в меня для пробы стаю стрел,
Чтоб мог я показать, что я умел.

Сказали: «О владелец кладов тайных,
О взвешиватель слов необычайных!

Иран узнал Меджнуна и Лейли,
А тюрки сказ о них не обрели.

Так изложи дастан тот знаменитый,
И старый сад прекрасный обнови ты!»

Я, отрезвев, уразумел тогда:
Их предложение — душе беда!

В короткий стих вмещу ль все бури страсти?
Сказанье это — целый клад несчастий.

Бедой был начат бедствия разгул,
Конец в ничто навеки потонул.

Лучисто не искрится это зелье,
И в песне этой не блеснет веселье.

Подумать обо всем — мутится ум!
Становишься и мрачен и угрюм.

Будь лик сказанья радостен и светел,
Его вниманьем каждый бы отметил.

Когда б дастан приятен был уму,
Мудрейшие стремились бы к нему.

Сам Низами о том сказал в смятенье,
Когда свое он пачал изложение:

«Приятность, радость — вот орудья слов,
Они дают основу для стихов.

Просторною должна быть площадь слова,
Чтоб вдохновенью гнать коня лихого.

В песках пустынь иль по граниту гор
Как можно слово гнать во весь опор?»

Когда пришлось учителю так трудно,
Что ум ученика измыслит скудный?

Моя задача новая тяжка,
Печальна, неприятна и горька,

Но как спастись от этой мне напасти,
От горя, от беды, от злых несчастий?

Нет, что там извиняться без конца!
Пора начать в надежде на творца!

Здесь нужен ум, высокий и правдивый,
И стих, понятный людям и красивый.

В печальном буду странствовать краю,
Со мной разделит кто судьбу мою?

Лишь тот, кто много претерпел страданий,
Был стоек на дороге испытаний. —

Того я в спутники себе возьму, —
А неженка в дороге ни к чему.

Я в дальний путь коня седлать не буду
С моим пером проникну я повсюду.

А ясный, увлекательный рассказ,
Изящный слог — мой путевой запас.

Итак, скорей в дорогу без печали,
И терпеливо одолеем дали.

А ты, судьба, неверною не будь
И хоть на краткий срок нас не забудь.

Пример любовных стремлений
и
начало книги мучений

Садовник сада повестей нетленных,
Гранивший камни сказок драгоценных,

Бросая розы мысли на дуга,
Слова нанизывая — жемчуга,

Так тонкость мысли показал чеканной,
Изящество работы филигранной.

*

В стране арабов жил достойный муж,
Сиявший в стане благородных душ.

Всех превзошел он доблестных и честных
И был главою всех племен окрестных.

Его любили Басра и Багдад,
Любой араб служить ему был рад.

Но он душой отверг покоя бремя
И по пустыне странствовал все время,

И ставил, что ни день, в кочевье скор,
У нового источника шатер.

Среди отрадных этих путешествий
Он слышал отовсюду гул приветствий.

И мускусный шатер¹ любил народ,
Как ночь судьбы², что радость всем несет.

Пускай в степи песок и камень жалкий,
Но ступит шейх — и расцветут фиалки.

Когда тюльпанный цвет горел кругом.
Его шатер тюльпанным был клеймом³.

Всего избыток у него великий,
И только нет наследника владыке.

Когда его погубит небосвод,
Кто от него наследство переймет?

Давно людей не стало бы на свете,
Не будь детей: дают бессмертье дети.

В потомстве существует человек,
Им поколенья держится и век.

Дитя — твоя душа. Ты умираешь
И в нем потомству имя оставляешь.

¹ То есть черный мускус в восточной поэзии употребляется, во-первых, как синоним благоухания, а во-вторых, как синоним черного цвета.

² Ночь судьбы — то же, что «великая ночь» (см. примечание на стр. 60).

³ «Клеймо тюльпана» — черное пятно на дне чашечки цветка тюльпана. В восточной поэзии — символ горя.

Счастливец тот, кто дожил до седины,
И знает — у него достойный сын,

Который сан его не опозорит,
Который в славе с лучшими поспорит.

Но если счастье сын в вине нашел,
И если груб он, непокорен, зол,

Он от хулы спастись не будет властен,
Несчастна будет мать, отец несчастен.

Так вот: почтенный этот, славный шейх,
Любимый всеми, благонравный шейх

Молил о сыне выси небосвода,
Желал он страстно продолженья рода,

Брал много юных луноликих жен, —
Был каждый сад обильно орошен.

Давал обеты. На святых могилах
Он побывал — немало посетил их...

И после многих жалоб и тревог
Высокий небосвод ему помог.

Открылись двери милости предвечной,
И внял господь мольбе его сердечной.

Зажглась свеча стремлений, и казна
Его деяний — жемчуга полна.

Резец судьбы во чреве постепенно
Чертил рисунок четкий, драгоценный.

На дереве желаний — сочный плод.
Раскрылась роза в цветнике щедрот.

Взошла Луна, когда настали сроки,
Залило Солнцем окаем далекий...

Обрадован отец, ликует мать!
Как любо им подарки раздавать!

Явился, благодатью озаренный,
Малютка, из небытия рожденный.

Он солнцу уподобился красой,
Сравнялся б даже он с самим Исой.

И вот, на белый свет едва лишь выйдя,
Он стал степенать, судьбу свою провидя.

Он с первых дней в грядущее проник —
И безотраден был младенца крик.

Он говорил, что бытие ужасно,
Для благородных лишь ничто прекрасно.

Кто в сеть существованья попадет,
Того лишь горе и злосчастье ждет.

Судьбу свою всем объявляя внятно,
Так осуждал он этот мир превратный:

«О мир коварный, полон ты невзгод,
И кто по доброй воле их снесет?»

Но я готов твои делить страданья,
Я слаб, но не пугаюсь испытанья...

Где сколько б ни было тоски, смелей
Ее мне в сердце горестное лей.

Пусть полон горя я людского буду, —
Лишь меньше горя стало бы повсюду.

Пусть мне сужден раба скорбей удел,
Я им ни с кем меняться б не хотел.

Я об утехах жизни не мечтаю:
Я к бренности доверья не питаю.

Любовь! Я странником — беднягой стал,
В юдоли скорби я бродягой стал.

От горя избавления не знаю,
Пришел — и возвращения не знаю.

Будь сплосходительна к моей мольбе —
Позволь навек покорным быть судьбе.

Здесь, на пиру¹, кровавые потоки,
И виночерпий здесь — палач жестокий.

Дай кубок мне с вином, чтоб дни мои
Я прожил в опьяненье, в забытии,

Чтоб свой забыл рассвет многострадальный,
Забыл времен круговорот печальный,

¹ Пир — в данном случае жизнь.

Чтоб мира я не видел существо
И кривизну не замечал его».

Кормилица склонилась над бедняжкой
И смыла кровь с него, вздыхая тяжело,

Его омыла горьких слез ручьем
И кровью напоила с молоком.

Он с ликованием принят был родными,
Они младенцу дали Кейса имя^Δ

Кормилица внимательна была,
Заботлива, старательна была,

А он все плакал в горе неизбывном,
Не рад ее заботам беспрерывным.

Движение каждое и каждый стон
Показывали, как терзался он.

И кровью молоко ему казалось,
Казалось, туча стрел в него вонзалась.

Покой от обольщений он терял,
Но сердца обольщеньям не вверял...

Вот как-то раз, младенца развлекая,
Кормилица гуляла молодая.

Увидела красавица одна,
Что жизнь его мучения полна,

Взяла многострадального младенца
И уняла печального младенца.

Малютка сразу прекратил свой крик —
Доверчиво к ее груди приник.

Ей улыбался с ясными глазами,
Отпустит — заливался вновь слезами.

Поняв печального младенца нрав,
Младенцу дали пери для забав.

О матери с кормилицей нимало
Теперь его душа не тосковала.

Любовь в природе мальчика была, —
К возлюбленной она его влекла.

С рождения был Кейс с любовью дружен,
Затем ему был лик прекрасный нужен.

Когда младенец красотой пленен —
В нем, значит, лик любви запечатлен.

Все видели — несчастным мальчик станет
И от любви цвет дней его увянет

Рассвет подобный землю озарит,
Поднявшись, солнце землю покорит.

Заботясь о младенце луноликом,
Кормилица, в старании великом,

Растила этот месяц молодой, —
И стал он полной, ясною луной.

А Время постепенно, равномерно
Его вином любви поило верной...

Все больше разливался хмель в крови,
Давила все теснее цепь любви...

Но дальше колесо времен вращалось,
Уж десять лет страдальцу исполнялось...

Отец, как требовал того адат,
Назначил обрезания обряд.

Со всей страпы в одном собрали он месте
Людей почета, доблести и чести.

Он столько роздал всякого добра
И столько золота и серебра,

Что бедняки нужды не опасались,
Но разоренья богача боялись.

Отец для всех такой устроил пир,
Которого еще не видел мир,

И даже сам Джамшид во время оно
На этот пир воззрел бы благосклонно.

Закончили обряда строгий чин;
Настало время, чтоб учился сын.

И вот закончены приготовления —
И мальчик в школу послан для ученья.

*Основа основ несчастий
и
начало губительной страсти*

той школе девушки учились с ним,
И каждая лицом — что серафим.

Казалось, гурии в раю собрались,
А юноши с гилманами равнялись.

Коль девушки и юноши друзья,
К любви ведет их каждая стезя.

Коль девушка посмотрит шаловливо
И, улынувшись ласково-игрово,

На юношу внимание обратит, —
Кто против обольщенья устоит?

Глаза одной прекрасней всех там были,
Она и Кейс друг друга полюбили.

Ее увидев, совершенный ум
Растерянных собрать не мог бы дум.

Она тряхнет волнистыми кудрями —
И обовьет мучения цепями.

Прекрасен и бровей изгиб крутой,
Влюбленных поражал он красотой.

Ресницы — копий дождь кровопролитный,
Колол копьем и взгляд лукаво-скрытный.

Лоб — океан, скорбей мятежных полн;
И волосы над ним мятежней волн.

Черней сурьмы пленительные очи,
Казалась родинка чернее ночи.

Ланиты были розовой румян.
Румяны перед ними — что шафран¹.

Глаза бы только на нее глядели,
Ее из виду потеряв, пустели.

В рубинах жемчуг² — словно капли рос
Меж лепестками ярко-красных роз.

Слова из уст текут сладкоречиво,
И мертвеца ей разбудить не диво.

Стан — что самшит. А подбородок? Он
И округлен и сладко раздвоен.

Небесной негой тело отливает:
Так рыбка в море красоты сверкает.

У глаз газельих соколиный взгляд,
А речи слаще всех других услад.

¹ То есть ее щеки были настолько розовы, что румяна казались перед ними бледными, подобно желтому шафрану.

² Рубины — здесь губы, жемчуг — зубы.

Движенья рук иль ног людей чаруют,
Мизинец, ноготок — людей чаруют.

Безмерно дорогая красота,
Прекрасный образ, милая мечта.

Мир в волосах ее — тенетах — бился,
Весь мир в красавицу Лейли влюбился.

Ее увидев, Кейс затосковал
И, полон страстной муки, горевал.

Красавица же в Кейса взгляд вперяла
И, сто услад найдя, покой теряла.

Он ей казался бедствием времен,
Ведь в мире не было таких, как он.

*Здесь описан Меджнун влюбленный
и
лик его, страстью опаленный*

Как кипарис, он прям, высок и строен,
Сад рез — его дыханья недстоюн.

Изящества родник — его уста,
Сердца пленяет стана красота.

Великий труд — сказать, как он прекрасен,
Скорей скажу — здесь всякий труд напрасен.

Глаза — нарциссы; каждый глаз — колдун.
А брови над глазами — буквой «нун».

Его лицо пленительней тюльпана,
А прядь волос — что «лам» благоуханный.

Уста его чаруют слух и взгляд,
Понять ли тайну, что они таят?

Ключ к тайнам тем — кудрей изгиб единый,
Ключ сладких вод — то губ его рубины.

Его лицо — что светлый ключ впотьмах,
Сурьмы прекрасней под ногами прах.

И столь же он прекрасен был душою...
Когда Лейли он полюбил душою,

То, если б в зеркало он посмотрел
И облик свой в том зеркале узрел,

Он был бы преисполнен восхищенья,
Забыв Лейли, тревоги и томленья...

Два кипариса, красотой равны,
Друг другом сразу были пленены.

Они вкусили преизбыток страсти
И вместе пили злой напиток страсти,

Их увлекло водоворотом бед,
Различья между ними сгинул след.

Их естество теперь единым стало,
Одна душа в обих обитала.

Бывало, с Кейсом разговор вели,
Но отвечала за него Лейли,

А если ждали от Лейли ответа, —
Кейс говорил. Обычным было это.

Они учили верности урок,
Огонь любви их все сильнее жег.

И вот, когда Лейли читать хотела,
Не в книгу — в Кейсово лицо глядела.

Рисуя, видел Кейс любимой бровь —
Ее лекалом сделала любовь.

Рисунками менялись повседневно
И спор вели в рисунках задумчиво.

Все спорили, каков любви предел,
Друзей высокий славил удел.

Созданьям чистым жизнь дарила сладость,
Они великую познали радость...

Любовь укрыть в толпе людской нельзя,
В любви на миг найти покой нельзя.

Когда пылаешь ты любовным жаром,
То приготовься и к упрекам ярим.

Огонь любви рожден был красотой,
И воля закалилась силой той!

Их неземное счастье истомило
И свет рассудка их совсем затмило.

Язык был точно связан, — так несмел.
Боясь раскрыть их чувства, он немел.

Но средство новое они открыли:
Бровями и глазами говорили.

Один лишь устремит на друга взгляд,
А брови, отвечая, говорят.

Но даже и такие разговоры
Все ж вызвали людские разговоры.

Не говори: «Ну, что — народный глас?»¹
Зрачок — в глазу. Ему ль не нужен глаз?

Меж тем друг к другу их сердца привыкли,
Друг другу в глубь сердец они проникли.

Завеса тайны пала в должный срок,
Любви не страшен стал любой упрек.

Не скрыта правда пеленою дымной, —
Они узнали о любви взаимной.

На зеркале услад — пылинки след.
И как теперь избавиться от бед?

Двух несравненных разошлись дороги —
Исчезли для беседы все предлоги.

Чтоб тайну скрыть надежней и прочней,
Они притворно власть признали Дней².

Лишь иногда, на миг какой-то краткий
Встречался Кейс с любимой украдкой.

Несчастный Кейс, оставив круг наук,
Забыв урок, просил ее: «Мой друг, ↓

Невежда я и мучаюсь жестоко,
А ты прекрасно знаешь суть урока.

Открой же мне скорей познания дверь,
Тебе я все прочту — а ты проверь».

¹ Игра слов: «мардум» по-азербайджански — «человек» и «зрачок».

² В смысле времени, судьбы.

И на доске писал он против правил,
Писать себя с ошибками заставил,

Чтобы ошибка поймана была,
Чтобы улыбкой роза расцвела,

Чтобы сказала: «Ты ошибся. Скверно.
Ты скоро позабудешь все, наверно».

Так ухитрялся с ней он говорить,
Чтоб сердце посторонним не открыть. →

Когда играли дети в хороводе,
Кричали, веселились на свободе,

Любимой изъяснял он горечь мук,
«В иной, — мечтал он, — стать бы с нею круг».

Слова его другим невняты были,
Одной Лейли они понятны были.

Когда домой из школы дети шли,
Вновь Кейс хитрил, чтоб увидеть Лейли.

Нарочно он, бывало, книгу спрячет,
А сам идет и потихоньку плачет.

Когда Лейли мимо него пройдет —
«Ты не видала?» — спросит и вздохнет.

Хотя б на миг вкусить свиданья сладость
С возлюбленной, дарящей сердцу радость.

В письме все время упражнялся он,
Две буквы выбрав среди всех писем.

Писал он, «лам» и «йа» бессечно множа,
Прочитывал и вновь писал все то же.

«Они, — он думал, — лучше всех других,
И грамота нужна мне лишь для них».

*Лейли упреками матери смущена,
и
осенью сменилась счастья весна*

ейс прибегал к подобным ухищреньям,
А время шло своим коловращеньем.

Обман в любви отрады не дает,
В страну любви закрыт обману вход.

Кто любит, тот не может быть двуличен.
Ты любишь — к пересудам стань привычен.

Переходила весть из уст в уста,
Повсюду говорила суета:

«Кейс — раб Лейли, любовью ослепленный.
Лейли на Кейса смотрит благосклонно.

Такие слухи, наконец, дошли
И до вниманья матери Лейли.

Тогда она в отчаянье и гнѣве
К розовоустой обратилась деве

И, языками пламени горя,
Язык свой развязала, говоря:

«Ах, сколько сплетен о тебе, бесстыдной.
Ужель не слышишь клеветы обидной?

Зачем себе же причиняешь вред,
Чтоб доброй славы стерся всякий след?

Я слышу о тебе дурные вести —
От них ущерб твоей и нашей чести.

Нежней ты розового лепестка,
Но только слишком разумом легка.

Ты, как тюльпан, всех красотой прельщаешь,
Но почему лицо ты открываешь?

Не будь же своевольна никогда,
Не забывай девичьего стыда.

Не нужно всех картин быть отраженьем¹,
Не будь с водою ты сходна теченьем².

Запомни — освежает рот вино,
Но, жидкое, стекает вниз оно³.

Не нужно, как стекло, быть острой, твердой,
И, как нарцисс, быть хмурою и гордой.

Скрывай лицо, хоть ты и хороша,
Как скрыта в теле чистая душа.

¹ То есть не гляди на всех красавцев.
² То есть не будь легкомысленной, непостоянной, как вода.
³ Продолжение предыдущей мысли. Не уподобляйся жидкости, ибо любая жидкость стремится вниз, к земле, и потому низка.

Ты бойся бури, как свеча боится;
От вздоха бури свет свечи затмится.

Не кукла ты — зачем тебе наряд?
Ты — не окно. Пусть скромным будет взгляд¹.

Как чаша круговая, не кружись ты,
И; как напев, под ладом хоронись ты².

Во все углы, как тень, ты не гляди,
Не стой с чужими, с ними не сиди.

Ты простодушна, все вокруг — лукавы,
Не стала б жертвой ты недоброй славы...

Я слышу, что любви ты предана,
Ты в незнакомца, слышу, влюблена.

Тебе любовь и вздохи не пристали
И не к лицу любовные печали...

Юнец влюбленный нас не удивит,
Но девушке любить — позор и стыд.

О свет моих очей, отрада взора,
Ты на семью не навлекай позора.

Мы так гордимся именем своим
Перед народом знатым и простым.

¹ То есть не уподобляйся окну, которое без разбора глядит на всех.

² То есть будь молчаливой, как музыкальный инструмент чанг: пока его не тронут — до тех пор напев скрыт под ладом, черточкой на грифе. Тут же игра слов: «парда» — лад и занавес.

Как мы теперь в глаза посмотрим людям?
Сама подумай, чем гордиться будем?

Я на тебя руки не подниму, —
Но что отцу скажу я твоему?

Что о таких делах отец твой скажет?
Он, гневом распалясь, тебя накажет.

Ты лучше школу сразу же бросай —
Абджед узнав, о большем не мечтай

Забудь перо, забудь свои уроки:
Писать иглой на тканях будешь строки.

Про школьных и не вспоминай друзей,
Есть кукла у тебя — дружи ты с ней.

Будь, словно кукла, домоседкой вечной,
Ужель тебя прельщает первый встречный?

Как Алконост, затворницею будь,
Найди себе теперь укромный путь —

Все ветры пусть гремят молвою ложной,
Тебя увидеть будет невозможно.

Блажен, кто дома дочку бережет.
Не знать ему мучительных забот.

*Лейли уклончиво матери отвечает
и,
уйдя из школы, в заточенье скучает*

ейли, услышав матери упреки,
Решила в сердце: «Чародей жестокий,

Судьба, вершительница злобных дел,
Нелегкий начертала мне удел.

Разлукою сменились дни свиданья,
Мне суждено сгореть в огне страданья!»

Что сделать, что сказать могла она?
Ведь хитростью была она бедна...

Но все ж решила проявить упорство:
«Прибегну, — мыслит, — к помощи притворства».

Слезами сад укоров оросив,
Она сказала, очи опустив:

«О мать, подруга дней моих мгновенных,
О мать, ларец богатств моих нетленных!

Мне эти все неведомы слова,
И речь твоя понятна мне едва.

С ребенком, глупым и неискушенным,
Ты говоришь о юноше влюбленном.

Мне неизвестно, что произошло
И что меня коснуться бы могло.

Я о любви ни с кем не говорила,
Лишь ты о ней мне кое-что открыла.

Что за любовь, скажи, в ней смысл какой,
Скорее тайну до конца раскрой!

О, будь моей звездой путеводной,
Чтоб больше мне не мучиться бесплодно.

Учусь не самовольно в школе я,
Твоей не преступила воли я.

То в школу мне велишь ходить, стараться,
То школы мне велишь остерегаться.

Какое же мне слово повторять?
Чему, скажи, должна я доверять?

Я слушала тебя не без испуга:
Выходит, я свеча¹ дурного круга?

Вожу я дружбу с тем, кто непочтен,
К чьему-то горю я попала в плен?

Но на чужого глаз не подниму я
И в школе время провожу, тоскуя.

¹ Слово «свеча» часто употребляется у Физули в значении средоточия, центра.

Учитель был всегда моим врагом
На чтении простом и хоровом.

Так что ж еще, скажи, бывает в школе?
Ужели есть отрада в школьной доле?

Подобных слов не повторяй, прошу!
И мне, несчастной, доверяй, прошу!»

Услышав, что Лейли ей отвечала,
Мать, прекратив упреки, замолчала.

Увидела: чиста ее Луна,
И о любви не ведает она.

Неверен приговор суда людского,
Напрасно люди говорят сурово:

«Лейли бесстыдно в Кейса влюблена»,
Нет, эта злая выдумка смешна.

Теперь, когда в душе росло сомненье,
Она нашла душе успокоенье.

Остаться дома дочери пришлось.
Ее глаза — источник жгучих слез.

В созвездье обрело покой светило;
Судьба в ларце жемчужину укрыла.

Рубин укрыт в глубь каменной гряды,
Нащли сосуд для розовой воды¹.

¹ Все четыре стиха означают: она была заперта дома.

Застлало очи темпотою безбрежной,
Надежда мглой сменилась безнадежной.

Вдыхала. Но ужели вздох тоски
Раскроет розы сердца лепестки?

То плакала, исполнена страданья,
Взрастят ли слезы дерево желанья?

То извивалась, словно волосок,
Что в горести спустился на висок.

Душа ее, как тонкий рот, сжималась,
Томила тело и глаза усталость.

Ей не избыть свою печаль самой,
Подруги нет — и надо быть немой.

К огню мечты свеча стремится взглядом,
Хотело б сердце быть с мечтою рядом.

Великой горестью сокрушена,
Решила терпеливой быть она.

И, плача, песню скорби начертала
И про себя свою газель читала.

Газель Лейли

С любимым навсегда судьбой разлучена, скорблю жестоко.
Судьба не снизойдет к мольбам, и я страдаю одиноко.

Коль вздохами своими сжечь я девять не смогу небес, —
Тогда какая польза мне в огне, взносящемся высоко?

Я тайным горем сражена — но горе горшее того,
Что мой любимый не узнал страданий тайного истока.

Со мной беседовал мой стон, но, наконец, унесся он, —
Наскучив мной, он улетел и разлился везде широко.

Зачем еще мне говорить о тайных горестях моих?
Устам и так не удержать признаний скорбного потока.

Свидетель бог, — любимый мой всегда живет в моей душе,
Хотя любимого теперь не видит плачущее око.

Душа покинет плоть мою, но след моей любви к тебе
Навек останется в душе — так он запечатлен глубоко.

О ветер, сделай милость мне, уже сегодня, может быть,
О стройном кипарисе весть ты принесешь мне издалека.

О Физули, душа скорбит — разлука ей несет печаль,
Но кто узнает про печаль души, терпящей злобу рока!

Окончание главы

Дай, кравчий, мугского вина скорей,
Чтобы забыть мне этот мир скорбей!

Скорей, иль душу мне отравит горе,
Скорей, иль сердце окровавит горе!

Когда вино мой ум не унесет,
То колесо судеб мой ум сожжет.

Ах, это колесо непостоянно,
Оно виновник гнета и обмана.

Его вращается неверно ось —
Кому страдать от рока не пришлось?

Когда сведет он вместе двух влюбленных
Иль двух людей, страдаьем изнуренных,

То разлучать их любит он всегда,
Чтоб овладела душами беда!

Какая же таится в дружбе мука,
Когда за нею следует разлука!

Рассказ о состоянии Меджнуна

адовник драгоценных слов-услад
Так в старину украсил этот сад:

Прекрасный кипарис в саду страданья,
Кейс, знавший горе, муки и терзанья,

С отрадной мыслью в школу приходил:
Он там без грусти время проводил.

Он красоту живописал любимой,
От скорби отдыхал неизлечимой.

Однажды Кейс знакомым шел путем
Прекрасным утром, радостью влеком.

Он входит в школу, весело мечтая,
При мысли о любимой расцветая.

Но гурии в раю — он видит — нет!
День наступил, но где же солнца свет?

Без солнца день подобен темной ночи,
И темнота ему застала очи.

«Рок — чародей. Непостоянен он.
Сейчас он чем-то новым увлечен.

Наверно, розе, — мыслит Кейс в тревоге, —
Шипами злобы выстлали дороги».

Заплакал он, надежду потеряв:
«Несправедлив, — решил он, — неба нрав!

За что ты, небо, душу мне терзаешь,
К отраде сердца путь мне отрезаешь?

Не виден мне к заветной цели путь —
Ужели я виновен в чем-нибудь?

Меня ты поначалу одарило
И радостью свиданий окрылило.

Зачем же ныне твой круговорот
Обрушил на меня столь тяжкий гнет?

Тебя сожгу я жгучими слезами
И так раздую этих вздохов пламя,

Что ты печаль почувствуешь мою
Под сводами, под всеми девятью¹.

О старец, наш учитель! Сделай милость,
Чтоб волшебством здесь пери вновь явилась.

Пекись не только о моей судьбе:
Что горе мне — то горе и тебе.

«Алиф», теперь прощайся с прямизною,
Своей не обольщайся прямизною.

¹ По верованью мусульман, небо имело девять сводов.

Ведь ты, «Алиф», поклонник красоты:
Она ушла — зачем же медлишь ты?

Ты, «Нун!» Бровей любимой ведь не видно, —
Ужель тебе существовать не стыдно?

Эй, «Мим!» От взоров скрылся милой рот. —
Его изображение пусть уйдет!

Чернильница! Пора скорбей настала:
Души твоей заржавеет зеркало.

Теперь, вдали от мускусных кудрей,
Вода пойдет из печени твоей¹.

А ты, перо, ты слезы проливаешь
И в беспокойстве мечешься, блуждаешь.

Сегодня ты — и в том причина мук —
Не знало поцелуя нежных рук.

Дощечка!² Пусть о ней воспоминанье
Прольет печаль в любые начертанья!»

↳ Так этот пленник яростных скорбей
Ходил, стеная, в школу много дней.

До вечера терпели дети муки
От стонов мученика злой разлуки.

А ночью он рыдал, и слезы лил,
И мысленно любимой говорил:

¹ То есть только черные кудри Лейли придавали чернилам их цвет, а теперь они превратятся в воду.

² В мусульманских школах писали на дощечках вместо тетрадей.

«О свет очей и радости примета,
Я без тебя совсем не вижу света!

Зачем со мною дружбу ты вела?
Зачем потом так далеко ушла?

Зачем, меня пленивши красотою
И опьянив любовною мечтою,

Потом в похмелье бросила меня,
В печальной келье бросила меня,

Огнем разлуки сердце опалила,
Глаза водою скорби напоила?

Огонь печали ярко занялся,
Зарей вечерней взвился в небеса.

Глаза не сохнут, слезы проливая,
Слезами залиты моря до края.

Теперь в любимой не нуждаюсь я, —
Пусть будет лишь со мной мечта моя.

Но, может быть, мечта моей любимой
С другим — пусть он умрет, огнем палимый.

Вином любви я терпким опьянен
И злой разлукой разума лишен.

Рок! Спутником моим беду не делай:
Раскрою всем твоё насилье смело!

Кто пьян, тот воли потерял и след,
К безумному доверья вовсе нет.

От горя жизни нет душе мгновенной —
И мир забыл я суетный и бренный.

И стала сладость горькая скорбей
Великой, вечной радостью моей.

Душа мертва, вот смерть и не тревожит:
Она отнять одно лишь горе может.

Горю я, как свеча в ночи скорбей,
Я жертва своеволия страстей.

Пуškai я буду слезы лить в несчастье,
Пусть голову отрубит меч ненастья,

Я все же не отвергну власть любви,
Губительную, злую страсть любви.

Я плачу, утопая в море муки,
Мечусь, истерзанный тоской разлуки.

А если в книге жизненных дорог
«Твой день настал» — напишет мне мой рок,

То буду я своей доволен долей,
Не захочу другой по доброй воле.

«Без света солнца не бывает дня», —
Сказали люди это для меня.

Коль ту, что солнце для меня, не вижу,
Я вовсе никакого дня не вижу.

Никто не знает о тоске моей,
Я сам не знаю, что мне делать с ней;

Как ни стеной, тоска одолевает,
Ее, как пламя, ветер раздувает».

Тут, вспомнив дни свиданья, он запел,
Больной, газель страданья он запел.

Газель Меджнуна

Прекрасны были дни, когда я был с моею дорогой,
Блаженство встречи с ней вкушал, я с нею нежился душой.

Сад радости моей не знал осенних, злых холодов,
И дней моих разлуки почь не крыла вечной темнотой.

Теперь, друзья, судьба меня с луноподобной развела,
Судьба — мой враг, но почему она поссорилась со мной?

Пусть стон влюбленных до небес доносится — что до того!
Ведь луноликих повидать не даст и этот стон сплошной.

Но все же я от всех людей скрывал бы и разлуки боль.
Когда бы плач мой мне помог проститься с горем и тоской...

Мне в книге жизненных путей заставкой радость сделал
рок,
Но не украсил остальных страниц он буквицей цветной.

Неблагосклонно, Физули, светило счастья ко мне:
Не позволяет и на миг с любимой встретиться Луной.

*Лейли увидала Меджнуна,
и
перед очами солнца в полную луну превратился
любви полумесяц юный*

так, тот пленник страсти очень скоро
В глазах людей стал знаменем позора.

Меджнуном стали Кейса звать тогда,
И сделала его иным беда...

Когда весна всю землю сзарила
И новым годом¹ мир весь наделила,

Не стала роза укрывать лица
И песнью ранил соловей сердца.

Налил вином — росой прозрачной, чистой —
Тюльпан свой кубок ярко-золотистый.

А там и розы с молодой травой
Рубинами горели с бирюзой.

Товарищи Меджнуна увидали,
Как плачет он, несчастный, и сказали:

«Что плачешь ты, страдания любя?
Настало время роз, не мучь себя!

¹ Новый год в мусульманских странах праздновался весной.

Нам радоваться нужно в это время,
Забыв печали, бедствий, горя бремя.

Ты ведь не туча, что ж дождем кропишь!
Не горный ты поток, что ж ты кипишь!

Как роза, грудь не рви, не будь травой:
Земле не быть постелью пуховой¹.

Не весь же век печали быть рабом,
Пойдем же погуляем, отдохнем.

Пойдем на луг, там пить вино ты будешь,
Развеселишься, горести забудешь.

О кипарис наш стройный, отдыхай,
Бутоноустый, смейся и играй.

Зачем ты горю предаешься, чистый?
Не век же будут времена тернисты.

Желаний роза, верь нам, расцветет.
Тебя, быть может, скоро счастье ждет.

И на весенний луг когда мы выйдем,
Быть может, мы мечту твою увидим.

Меджнун решил отправиться на луг,
На краткий час избавиться от мук.

Прогуливался, слезы проливая,
О виданном тотчас же забывая.

¹ То есть не спи вместо постели на земле, как трава.

То тайны сердца травке он вверял,
Тюльпаны в верной дружбе уверял.

Тюльпан к очам прижавши воспаленным,
Его считал тоскующим влюбленным.

Иль думал о нарциссовых глазах:
«Глаза любимой», — и стонал в слезах.

Фиалкам излагал свои печали,
Чтобы они любимой рассказали.

Всем соловьям сказал он о себе,
Всем горлинкам о злой своей судьбе.

Как только видел он цветок красивый,
Он снова начинал стонать тоскливо.

И дальше, дальше направлялся он,
Куда стремил его немолчный стон.

И вот пришел тропинкой нелюдимою
В любимый уголок своей любимой.

Сюда, оказывается, пришли
Давно подруги-гурии с Лейли.

Давно здесь лунолика гуляла,
И тень ее тюльпаны оживляла.

Шатром зеленым был украшен луг,
Вокруг луны светился лунный круг.

Шатер был нежному цветку подобен,
А лик Лейли в нем — лепестку подобен.

Лейли столкнул с Меджнуном снова рок,
Впал в море скорби горести поток.

То не Лейли, а светоч, всем светящий,
То не Меджнун — огонь души горящей.

То не Лейли, а гурия в раю,
То не Меджнун, а свет в ночном краю!

То не Лейли — звезда красы великой,
То не Меджнун — страны любви владыка.

То не Лейли — таких не знает свет.
То не Меджнун — подобных в мире нет.

Лейли — то деревце в саду несчастий,
Меджнун — то месяц неба вечной страсти.

Лейли — луна на небе красоты,
Меджнун — султан над краем маеты.

Лейли — царица сборища прекрасных,
Меджнун — дервиш на улице несчастных.

Лейли услада — грустный взгляд очей,
Меджнунна радость — скорбных слез ручей.

Лейли — к веселью красоты стремленье,
Меджнун — любви невольное мученье.

Лейли всечасно радует сердца,
Меджнун — людей печалит без конца.

Лейли красой сверкает совершенной,
Меджнун — любовь к той красоте петленной.

Лейли — то перл девичьего стыда,
Меджнун жемчужиною горд всегда.

Увидеть друга — вот Лейли стремленье,
Меджнун к Лейли стремится в опьяненье.

И встретились два кипариса вновь,
Опять свела возлюбленных любовь.

Гранит ударился о грани стали, —
Покой и воля искрами сверкали.

Сердец их струны зазвучали в лад,
Рыданием был этот миг богат.

Она взглянула — усладила око,
А он взглянул — и скован был жестоко.

На море бед взвихрился ураган,
Меджнун упал без чувств, от страсти пьян

Не мог он предаваться лицезренью:
И на земле простерся бледной тенью.

Лейли не поднимала глаз на мир
И не могла взглянуть на свой кумир.

Достигли крайности ее страданья, —
Она упала наземь без сознания.

Водою брызнувши в лицо Лейли,
Ее подруги в чувство привели.

«Лейли! — они кричат сомкнувшись тесно,
Не стало бы родителям известно,

Что ты с чужим знакомство завела
И сердце в плен красавцу отдала.

Пристойно ль это для девицы скромной?
Ты станешь жертвою беды огрэмной.

Так безрассудно поступать нельзя,
К беде нас эта приведет стезя».

Собрав шатер с поспешностью великой,
Они с красавицею луноликой

Вернулись, чтобы ни отец, ни мать
О происшедшем не могли узнать.

Сидели в замке, проронить не смея
Ни слова про сокровище и змея¹.

* * *

Опомниться Меджвуну тут пришлось:
Он пробужден ручьем кровавых слез.

И что ж он видит? Нет его кумира!
Есть тело, прах — душа ушла из мира!

Он здесь, безумный, гурья ушла,
Его с собою сердце унесла.

Он платье разодрал, открывши вежды,
Отрекшись от себя и от одежды.

Бурнус пурпурный наземь бросил он,
Кровавыми слезами облачен.

¹ Здесь под «сокровищем» имеется в виду Лейли, а под «змеем» — Меджвун.

Подобен он каламу был вначале¹,
С чалмою черной — знаменьем печали.

Но пламя вздохов до главы дошло
И черную чалму его сожгло.

Рубаху он с себя сорвал с презреньем,
Швырнул ее, как саван, с отвращеньем.

Искатель бедствий туфли бросил прочь, —
Влюбленным кандалы носить невмочь.

Просил прощенья у друзей и близких,
Сказал: «Немного вас — людей, мне близких.

Любовью одержимого увлек
Любви разбушевавшийся поток.

Вам лучше и не знаться бы со мною,
А то вас той же захлестнет волною.

Ведь я клеймом позора заклеюмен,
Огнем безумной страсти я сожжен.

Когда огонь тот западает в душу,
Он скоро всю дотла сдает душу.

Забудьте о несчастьи моем,
Не загорайтесь вы моим огнем.

Пусть мой огонь ответа в вас не будит,
Из-за меня хоть горя вам не будет.

¹ К а л а м (тростниковое перо) сверху обматывался черной тканью, для того чтобы его удобней было держать.

Страсть дни мои одела в черный цвет.
Пришла любовь — и воли больше нет.

Ведь я — гнездо покинувшая птица,
В него я не желаю возвратиться.

Зачем о доме говорить? Туда
Не будет мне возврата никогда.

Когда отец мой выскажет желание
Узнать о сыне, о его страданье —

Пусть на себе одежду разорвет —
Ему принес несчастье небосвод.

Скажите: «Старец, бедами богатый,
Не плачь и не рыдай из-за меня ты,

Не жалуйся на горькую напасть,
На то, что скорби отдан ты во власть.

Отец! Ведь прежде я не знал мучений,
Земных или небесных тревожений.

В бытии¹ не видел я забот,
Ни горестей, ни тягостных невзгод.

Извечно пребывал в благом незнании
Любви и красоты очарования,

Но ты, меня призвавши к бытию,
Тем самым радость умертвил мою.

Мне было бы пужно стать твоей утехой,
А я тебе стал к счастью помехой.

Я мертв. Но ты покорен будь судьбе —
Живи и жди наследника себе.

Прости! Хотя тебе я сделал больно,
Я удалился от тебя невольно».

Я прежде был желанием томим,
Хотел я ведать счастье жизни с ним —

Но слезы страсти путь мой затопили,
Колючки бедствий душу мне пронзили.

И, написав отцу письмо в стихах,
Друзьям он передал его в слезах.

Газель

Я, увидав простор любви, схожу с разумного пути.
Мудрец! Увидев мой позор, не укоряй меня, прости!

Ты в горе ворот разорвешь, а я лишен одежд стыда.
Увы! Ведь у меня теперь одежда чести не в чести.

В пустынях диких буду жить — в обитель счастья не приду:
Зачем мне мрачный ад, когда лишь к свету я хочу идти!

Я разума приказ не чту, но не из прихоти пустой:
Любви-султану должен я покорность вечную блюсти.

Хоть вразумляют все меня, корят, хулят, но обо мне,
Как о царе земной любви, им спор приходится вести.

Молчи, аскет! Мне не забыть любовных мук, тоски по
ней —

Не надо рая, гурий мне, — а ты, коль хочешь, к ним ~~иди~~.

¹ То есть до рождения.

Мечтать мне сладко о кудрях, изогнутых, как лук, бровях,
Велик я, словно шах Хосров, — меня спеша превознести.

Стремится к славе человек — и я прославиться хочу:
Я славен пьянством¹, Физули, я у безумия в сети.

К о н е ц г л а в ы

Тот, кто в науке сведущ был любовной,
Закончив свой завет немногословный,

В пустыне поселился, как дикарь,
Уйдя от всех, с кем близок был он встарь.

Как солнце, там бродил он одиноко,
Бродил бесцельно, забредал далеко.

О камни спотыкаясь, слезы лил,
Все камни он в рубины превратил.

Когда он плакал горькими слезами,
Окрестности он заливал ручьями.

Как туча горя, лил он слез дожди,
Он вздохи-молнии таил в груди.

Как бушевал дождя поток могучий!
Одна лишь капля из нависшей тучи

Пустыню залила б волной морской!
Когда б лишь искра молнии такой

Упала вдруг в бушующее море —
Оно бы высохло от вздохов горя...

Пустыня стоном поллилась глухим,
И звери стоном вторили своим.

Те стоны небосвода достигали,
Те огненные вздохи мир сжигали.

¹ Здесь «пьянство» понимается иносказательно — опьянение любовью.

*Отец Меджнуна о происшедшем узнает
и
Меджнуна в пустыне мучений застаёт*

скатель кладов драгоценных слов
Так начинал раздачу жемчугов:

Друзья, в печали сердцем утомившись,
С Меджнуном против воли распростившись!

Вернулись — и в смятении большом
Отцу его сказали обо всем.

Старик, узнав о том, как сын несчастен,
От стонов удержаться был не властен.

Он побежал, как бурная река,
Глаза в слезах — два светлых родника.

Искал он сына скорбно, безуспешно,
Искал его в пустыне безуспешно...

По вот он видит точку вдалеке —
Там распростерт страдалец на песке.

Как бы скалой тяжелою раздавлен,
Лежит Меджнун в пыли, весь окровавлен.

Теперь уже не роза он — шафран,
Самшитом был, а стал тростинкой стан.

Лица его зеркало запылилось
И ржавчиной беды времён покрылось.

«Алиф» от муки превратился в «Даль»,
Калам подковой сделала печаль.

Он змей любил, водился с муравьями,
Спал на песке, усыпанном щипами.

Шипов уколы беспощадно злых —
Открыли окна в дом скорбей лихих.

Меджнуна облик увидав печальный,
Стоял, молчал старик многострадальный.

И долго так стоял он, молчалив,
И в сына неподвижный взгляд впериw...

И вдруг воскликнул, у беды во власти:
«О соловей в саду моих несчастий!

Поведай мне, что сделалось с тобой,
Мне тайну сердца скрытую открой!

Кем ты лишен был самообладанья,
Кем отдан ты в плен черного страданья?

Каким же беспокойством ты томим?
Каким же духом злым ты одержим?

Чего ты ищешь? В чем твоя кручина?
Твоих рыданий, вздохов где причина?

На дне морском жемчужина мечты?
Достану я, как только скажешь ты!

Попала ль в ад надежд твоих лампада?
Скажи, я выручу ее из ада!»

«Да, ты умен, — Меджнун ему в ответ, —
Ученый муж, дающий мне совет.

Но кто ты? И к чему увещеванья,
Бесплодные попытки врачеванья?

Нет, не трудись! Иди своим путем, —
К тому же ты мне вовсе незнаком.

Ты про Лейли мне не сказал ни слова,
А я и слушать не хочу другого».

«Я твой отец, взгляни-ка на меня,
А ты — огонь от моего кремня!»

«Отец» и «мать» — мне это непонятно,
Мне лишь любимой имя благодатно».

Упорством небывалым поражен,
Отец поверил: сын ума лишен!

Решил старик вступить на путь обмана:
«Идем, тебя Лейли ждет неустанно.

Лейли у нас в гостях, любимый сын,
Нам сыплет жемчуга, ища рубин»¹.

Услышав о Лейли упоминанье,
Меджнун подумал: «Сбудется желанье».

Встал на ноги, сказав: «Готов к пути!» —
Готов в Каабу грез своих идти.

Пошли они в печали нестерпимой.
Вот, наконец, пред ними дом родимый.

Меджнун стремился лишь к Лейли одной.
А не к отцу, не к матери родной.

Отец его увещевал немало,
И мать увещевала, умоляла.

¹ То есть плачет (сыплет жемчуга), думая о тебе (ища рубин).

*Здесь мать Меджнуну дает наставленья
и
в саду укоров собирает ключки сожаленья*

уши блаженство, свет моих очей,
Ты избран быть одним в душе моей.

Своим народом ты обязан править
И благодетством род отцов прославить.

Ты должен следовать делам царей
И сделать доблесть участью твоей.

С бровями ты не можешь быть в разлуке —
Найди успокоенье лучше в луке!

Полет ресниц ты видеть захотел?
Стремись к полету смертоносных стрел!

Что юной чаровницы стан самшитный?
Люби кося удар кровопролитный.

По родинке иль по кудрям печаль?
Смотри на точки и на буквы «Даль»!

Ты увлечен бровями и очами?
Пусть «Айн» очами будет, «Шун» — бровями.

К чему плоды тебе — ты кипарис.
Свободным будь, быть пленником стыдись!¹

Ты — как рубин, таким и оставайся,
При виде солнца в цвете не меняйся.

Не радуйся, как легкий пузырек²,
Что в голове гуляет ветерок.

У ветерка ты где найдешь устои?
Развеять разум для него — пустое.

Вкруг свечки не кружись; в огне любви
Сгоришь! На помощь разум призови.

Беда тому, кто вкруг свечи кружится, —
Увидишь сам, он в уголь обратится.

Презри услады сердца и очей,
Красавиц избегай, вина не пей.

Кто льнет к вину и девушкам сверх меры,
Не может мужем быть ума и веры.

Где ум и вера у того, кто пьян,
Кто идолопоклонством обуян?

Не слушай и стихов: они ужасны!
Тот лжец, кто говорит: «Стихи прекрасны».

Смелее к знаниям пролагая путь,
Лентяем и гулякою не будь.

¹ Согласно мусульманскому верованию, кипарис считается благородным деревом, так как он вечно зелен.

² Речь идет о пузырьках на поверхности воды. Здесь же игра слов. «Хава» — воздух, ветер, а также страсть.

Росток в саду надежды благородной!
Ужель тебе позорить нас угодно?

Возлюбленную ты легко найдешь,
Пока с отцом и матерью живешь.

Племен арабских сотни многолюдных,
И в каждом сотни есть красавиц чудных.

Тебе мы всех подряд покажем их,
Стремясь к свершению надежд благих.

Одной из них, пленительной и стройной,
Назначим стать твоей женой достойной.

Потом и свадьбы подойдет пора,
Не пожалею на нее добра.

Отвергни лишь постылое дикарство,
Помилуй род наш, дай от бед лекарство.

Послушать, наконец, ты должен нас.
Довольно! Не терзай нас каждый час!

Один мудрец хулил влюбленных глупость
И так стихами осуждал их тупость:

Газель мудреца

Любви не предавайся, друг: любовь — недуг души ужасный,
И что любовь — недуг души, теперь для всех на свете ясно.

В любовном торге для себя ты, друг мой, выгод не ищи:
Убытком выйдет нам барыш, когда торгуемся с прекрасной.

Дугой изогнутая бровь — кинжал, что жизнь твою прервет,
И смертоносною змеей язвит нас локон сладострастный.

На луноликих поглядишь — и кажется прекрасным лик,
Но все они беду сулят, когда посмотришь беспристрастно.

Любовь мучением полна — суди хотя бы по тому,
Что тот, кто влюбится, всегда рыдает горестно, злосчастный!

Глаза красавицы забудь, от них ты жалости не жди:
Разит смертельно взгляд очей, убийца он людей опасный!

А скажет Физули тебе: «Красавицы верны друзьям» —
К словам поэта стал бы ты питать доверие напрасно.

*Меджнун отвергает родительский совет,
и
скорби отца исцеления нет*

Меджнун в ответ родителям своим
Так отвечал, печалаями томим:

«Отец и мать, души моей дышаще,
Отец и мать, души моей желанье!

Я знаю — я пред вами виноват,
Упреки ваши заслужил стократ.

От сажи дыма вздохов стал я черен.
Я тяжкою виною опозорен.

Раскаяньем себе я сердце жгу,
Но что, скажите, сделать я могу?

Пленен любовью, я простился с воле
И я своей не управляю долей.

Мой ум ослаб, любовью побежден,
Душа в томленье, мой кумир силен.

И тело и душа полны тоскою,
И лишь одним я сердце успокою.

Я даже «я» лишился своего
И никогда не возвращу его.

Но таково судьбы определенье,
А людям нет от рока избавленья.

Когда бы рок мне радость дал в удел,
Ужель бы я печали захотел?

Больной в болезни вовсе б не нуждался,
Когда бы он здоровьем наслаждался.

Когда бы нищий поднялся на трон,
То к попрошайству не вернулся б он.

И что судьба на небе расположит,
Никто на свете изменить не может.

Что о здоровье говорить моем:
Не станет розой шип, а та — шипом.

Земли, воды природа — постоянна.
Об измененье думать даже странно.

Вода — ужели может вниз не течь?
Огонь горящий может ли не жечь?

Когда еще я в глуби был утробы,
Творец пером дал очерк мне особый, —

Он страсть живую влил в мой бедный ум
И оковал цепями страстных дум.

Мои суставы, кости, мышцы, жилы
Наполнились одним — любовью к милой,

А в сердце — горе поднялось на трон,
И я навек покоя был лишен.

Повиноваться должен я приказу,
Царем скорбей с рожденья стал я сразу.

Коль в страсти нет начала и конца,
Не знают излечения сердца.

Я стал светильником в дворце разлуки,
Усладу я нашел в сердечной муке.

Кто горе хочет у меня отнять,
Меня невольно хочет притеснять.

Когда вся жизнь свечи в ее сгоранье,
То для нее огонь — благодеянье.

Тот, кто готов огонь отнять у свеч, —
На гибель их готовится обречь.

Решив меня избавить от печали,
Любовью, знайте, вы вражду назвали!

Я в море страсти к милой погружен,
Мечом любви безумной поражен.

Лишь от одной я исцеленья жажду,
Лишь от одной я утоленья жажду.

Лишь в ней лекарство от тоски моей,
Забудьте всех — но помните о ней.

Вы говорите, много есть на свете
Прекрасных дев, людей влекущих в сети,

И даже говорите, что нашли
Красавиц, затмевающих Лейли.

Молю вас, так мне говорить не надо:
Где в мире есть подобная отрада?

Когда по розе плачет соловей,
Тюльпан его спасет ли от скорбей?

Я не Хосров: он то в Ширин влюблялся,
А то Шаккар он сердцем предавался.

По одному я следую пути —
И у меня измена не в чести . . .»

Родителям принесши извиненье,
Он прочитал газель им в подтвержденье.

Газель печального Меджуна

Любви не может излечить, о врач, целебная трава:
Ведь тело будет не легко тебе отсечь от существа.

Того влюбленным не зови, кто скажет: «Злые времена!»
Нет, кто любовью опьянен, времен не знает естества.

Известно всем, как отличить от степи можем город мы,
Но кто в степях любви живет, тот различает их едва¹.

¹ То есть влюбленный не обращает внимания на внешний мир.

Тот, кто способен понимать, что на земле творится с ним,
Тот не испытывал еще лица любимой волшебства.

Когда с любимой ты — одно, душа и плоть разделены;
Душа, о плоти не забыв, для подлинной любви мертва!

Враги кричат, что Физули с любимой воедино слит.
Они всегда безбожно лгут, но эти правильны слова!

*Отец Меджнуна в жены ему Лейли просит,
и
отец Лейли на Меджнуна жалобу приносит*

Кравчий, чистого вина налей,
К пределу подошло число скорбей.

Скорбь — этот враг души несчастной, бедной,
Быть может, сгинет от вина бесследно...

* * *

Словесных покупатель жемчугов
Так оживлял торговлю рынка слов:

Старик, сраженный мукою жестокой,
Подумал о Лейли нарциссоокой.

Теперь он понял: лишь с Лейли одной
Меджнуни найдет и счастье и покой.

Он, сватовство сочтя необходимым,
Сказал о том всем людям многотимым.

Надежд исполнен, все готовил он —
В Каабу счастья ехать на поклон.

Отец Лейли, когда о том услышал,
Навстречу этому посольству вышел.

Мне не нужны хвалесные слова, —
Могу сказать: «Я — наших дней глава!»

Деяний пальма плод мне подарила,
Мне жемчуг длань господня подарила.

И вот решил я — жемчугу под стать
Рубий его достойный отыскать.

Чтоб жемчуга с рубином сочетание
Исполнило души моей мечтанье.

Я в россыпи отправился с киркой,
Все камни перебрал своей рукой.

Хоть рудников я посетил немало,
Достойных там рубинов не бывало.

Но слышал я — есть у тебя один,
Достойный лучших жемчугов рубин.

Будь добр и сжался надо мной и сыном,
Мой жемчуг осчастливь своим рубином.

Пусть кипарис мой розу осенит,
Да вознесется счастье их в зенит!

Прошу я: внемли мне, не будь холодным,
Чтоб древу добрых дел не быть бесплодным

Посев желанья влагой ороси,
Потом — что хочешь у меня проси.

Сокровищами одарю такими,
Что лик земли укроется под ними.

И столько дам камней я дорогих,
Что не отыщешь ты казны для них».

Тот, кто для кипариса был защитой,
Змей, охранявший этот клад укрытый,

Ответствовал любезно: «О мудрец,
Пленный чадом, как и я, отец.

Мы оцепь рады твоему приходу,
Нас к самому ты поднял небосводу...

Но нас весьма смутила речь твоя —
И что тебе сказать, не знаю я.

Родство с тобой почетно и желанно,
Но у тебя наследник очень странный.

Безумцев презирают меж людей,
И что безумцу в дочери моей?

Не мне красу Лейли хвалить в гордыне:
Она урод и жалкая рабыня.

Но пусть рабыня — человек она,
Ведь и к рабыне жалость быть должна.

Ужели пери с дэвом подружится?
Не повторяй подобной небылицы!

Сокровища безумцам не дают,
Им, как зверям, развалины — приют.

Ты прежде должен нрав его исправить
И от безумия его избавить.

Тогда Лейли — его. Иди же в путь,
Чтоб сыну разум поскорей вернуть.

*Отца Меджнуну разочарование
и
другого средства искание*

от славный муж, отмеченный почетом,
Пришел домой, подавлен тяжким гнетом.

И в горе говорит Меджнуну так:
«Исполнится мечта, исчезнет мрак!

Не надо горевать — здесь нужен разум,
Отец Лейли не встретит нас отказом,

Но только ты разумным стань скорей,
Послушай мнение опытных людей:

Скорей признай ты разума господство,
И лишь ему вручи ты руководство».

«Наставник мой, — сказал Меджнун ему,
Кто раб любви — подвластен ли уму?

Когда б я мог располагать собою,
Когда бы роковой не шел тропюю,

И мог бы освещать рассудком путь, —
Я повод воли мог бы натянуть.

Тогда бы этой не было печали —
И разумом меня б лечить не стали.

Лекарствами не вылечить мой сглаз, —
К чему же горе множить в сотни раз?

Моя болезнь, как прежде, неизменна,
И мой ответ все тот же, откровенный.

Найди же способ, мудрый человек,
Чтоб исцелить меня ты мог навек,

Чтоб о Лейли мне позабыть любимой —
Тогда ты счастлив будешь, многотимый!»

Печальный старец, узник всех скорбей,
К спасенью сына стал искать путей.

Лишь мысли о врачах — ему услада.
Где есть врачи; — он соловей их сада.

Всем о своей рассказывал беде,
Лекарства от нее искал везде,

Но все врачи со всех пределов света
Тому больному не нашли шербета.

Он побывал во всех святых местах,
Он целовал святых порогов прах.

Он жертвы приносил любой святыне,
Молился, щедро сыпал благостыни,

Но мудрецы со всех концов земли
Вернуть бедняге разум не смогли.

Испробовали сотни врачеваний
И сотни хитроумных волхвований.

Ничто не помогло рабу судьбы:
Не выйдут из оков ее рабы.

И, наконец, советуют от бедствий
Спасения искать в последнем средстве:

«В Каабу, старец, сына отведи,
К стопам творца с мольбою припади.

Пусть обойдет Каабу — от обхода
Исчезнет, может быть, твоя невзгода.

Священный камень сына исцелит,
Хотя б он был не человек — гранит».

*Бедный Меджнун в Каабу приходит
и
исцеления страсти своей не находит*

збыть желая поскорее горе,
Старик носилки приготовил вскоре.

Отправились святейшей из дорог
В то место, что благой отметил бог.

Войдя в Каабу, старец достохвальный
К Меджнуну обратился: «О печальный,

Лицом к святыне встань, поклон отдай,
Достоинство, приличие соблюдай.

Чистосердечно помолиться надо,
Исполнить требования обряда.

Проси, чтобы господь тебе помог,
И, может быть, поможет вышний бог.

Он здесь молитвы наши принимает,
Свое нам милосердие являет.

Покайся — что же лучше может быть?
Здесь можешь из ключа спасенья пить».

Меджнуц, святыней этой вдохновленный
И страстную любовью опьяненный,

В горячей, скорбной, искренней мольбе
Каабе так поведал о себе:

«О камень достославный, величавый,
Прибежище людей, покрытых славой,

Могучих Кыбла, светоч их вдали,
Ты, амбровая родица земли.

Ты, чья одежда — верных всех примета,
И одного с ковром пророка цвета¹,

Благоуханный куст молитв-цветков,
Сокровищница счастья жемчугов.

Ты, постоянный друг моих страданий,
Хотя не знающий, как я, скитаний;

Ты, красящий одежду в черный цвет,
Скрывая в сердце страсти яркий свет, —

Скажи мне, кто тебя любовью манит?
Перед тобой твой друг, он не обманет.

Блаженство ты сумел вкусить, любя,
Что Кыблой мира сделало тебя.

Господь! Святыни той чудесной ради
И чистоты ее небесной ради,

Упрочь дворец моей любви, чтоб он
Каабы был прочнее утвержден.

¹ То есть черного цвета.

Мне в сердце влей любовное томленье —
Хочу страдать я в вечном упоенье.

От жгучего любовного огня
Горение — блаженство для меня!

И где печаль бы люди ни встречали —
Хочу я быть в плену у той печали.

От разума, коль хочешь, отрешай
Одной любви, молю я, не лишай,

И наслажденьем будет мне страданье,
Коль свет любви подарит мне сиянье.

Спаси меня в пустыне от обид.
Среди людей неправота царит.

Дай мне местечко в уголке вселенной,
Где б я не видел облик их презренный».

Паломник, жертва горестной судьбы.
Просил творца принять его мольбы.

Забыл он, что влачит страданий бремя,
Одну газель читал он вслух все время:

Газель нежного Меджнуна

Страданиям любви, господь, всецело посвящай меня,
С любовной мукой ни на миг, молю, не разлучай меня.

Измученного не лишай ты благосклонности своей,
И впредь бесчисленным скорбям вседневно поручай меня.

Да, я страдания люблю и сам страданиями любим.
О господи, пока я жив, страданий не лишай меня.

Чтобы неверным не могла любимая меня назвать,
В любовных муках буду тверд — и ты не размягчай меня.

Прекрасней делай с каждым днем мою любимую, господь,
Тоской по милой с каждым днем все больше сокрушай меня.

Уничтоженье с нищетой теперь меня к себе влекут, —
Зачем почет и слава мне — страданьем насыщай меня.

Пускай в разлуке с дорогой так истончится плоть моя,
Чтоб ветер утренний донес к любимой невзначай меня.

Меня, подобно Физули, надменности не отдавай,
Себе же самому во власть, молю, не возвращай меня.

Из Каабы возвращение

и

Меджнун с дикими зверями общение

ачин прослушав речи и конец,
«Его услышит бог», — решил отец.

Сказал себе: «Неисцелим он вовсе! —
Теперь к скорбям похуже приготовься».

Рыдал, стонал и горько плакал он,
Был скорбен каждый безотрадный стон.

Печального отца Меджнун оставил
И в дикую пустыню путь направил.

Бежал он, полный одиноких мук,
Туда, где жил его бесценный друг.

Днем шел он вслед за слезными ручьями,
В ночи ему светило вздохов пламя.

Он пыль пути к любимой вспоминал,
И шел вперед, и горестно стонал.

*Меджнун с горою беседует
и
вместе с горным источником на все горе сетует*

и пред горой могучей оказался, —
Ее хребет людей не опасался,

Свою вершину к солнцу подняла,
Как меч разя небесного орла¹.

Во всех карманах — лалы и топазы,
Невиданно прекрасные алмазы.

Заискивало море перед ней,
Прося бесценных одолжить камней.

Ее просил пустынный край окрестный
С ним поделиться силою чудесной.

Ключей она таила без числа, —
Для них родною матерью была.

Господь ее назвал благословенной,
Ее считали «колышком вселенной»².

Меджнун, на эту гору поглядев,
Запел приветно-огненный напев.

Он пел, горячим опьянен напевом,
Звучал ответным горный склон напевом.

Меджнун решил, что это друг его;
Душою овладело торжество.

Сказал: «О небосвод! Нашел я друга!
Мир обошел и вот — нашел я друга».

Он размотал клубок любовных бед:
«Отшельница! Прими же мой привет!»

Ты знаешь о беде моей сердечной,
Пусть осенит тебя творец предвечный.

Я вижу, ты в печали, влюблена,
Несчастных жалоба тебе слышна.

Я верю — друг ты настоящий, верный.
Влюбленных горе — как гора безмерно.

Ты камнем в грудь ударила себя.
Из глаз-ключей ты слезы льешь любя.

Но в чем искать причину огорченья?
Иль ты в сетях несносного мученья?

Бьет кровью из груди живой родник, —
Взрастил какие розы твой цветник?

А сердце все водою источилось,
Чьей красотой, скажи, оно пленилось?

¹ То есть ее вершина (меч) достигла солнца (небесного орла).

² То есть одним из колышков, на которых укреплен центр небосвода.

Давай беду оплакивать вдвоем
И голоса в один поток сольем!»

Гора рыдала, видя, как страдал он,
С горою вместе горестно рыдал он,

Затем в пустынный вновь пошел простор,
В край, где его Лейли стоял шатер.

*Меджнун газель освобождает от сетей
и
излагает основы своих скорбей*

Меджнун увидел сети для газелей,
Они в степи безрадостной чернели.

И в них газель, несчастна и слаба, —
Велела так жестокая судьба.

Согнул ей шею рок, связал ей ноги,
Ее глаза — в слезах, душа в тревоге.

Меджнун стоял, печалился над ней,
Глядел — и слез кровавых лил ручей.

Снести жестокость не хватило силы,
Он кротко произнес: «Охотник милый,

Ведь ты же — человек, так неужель
Не пожалеешь бедную газель?»

Охотник, сжался над душой несчастной,
Не совершай жестокости напрасной.

Не надо быть безжалостным, ловец,
Сам головой заплатишь под конец.

Ловец, отдай газель скорей мне в руки,
Не предавай газель ты смертной муке.

Ловец ответил: «Я охотой жив,
Когда бы я, к тебе свой слух склонив,

Газель щадя, ее в живых оставил, —
Без пищи я б детей своих оставил».

Одежду передал Меджнун ловцу —
Без листьев стало легче деревцу.

И снял он путы с пленницы прелестной
И жизни дар ей возвратил чудесный.

К ее щеке прильнув, он издал стон,
Глаза прижал к глазам, и плакал он:

«Ты — легкий ветерок в степи безбрежной,
С глазами нежными, с походкой нежной,

Травинка у пустынного ручья,
Жасмин, попавший в дикие края.

Любой страны ты б украшеньем стала,
Прекраснее ты нежной розы алой.

Несчастливого в пустыне не забудь —
И направляй мой одинокий путь.

О, подружись со мною, горемыкой,
Побудь теперь со мной в пустыне дикой.

От влажных глаз не убегай слезой,
Остапись здесь и будь всегда со мной.

Глаз родники послужат водопоем,
Обитель здесь же мы с тобой устроим,

В моей глазнице ты найдешь покой.
Ресницы, слезы — не трава ль с водой?

О ты, глазами схожая с любимой,
Мне облегчай мой гнет невыносимый.

Когда я вспомню о ее глазах,
Ты успокой повергнутого в прах».

Так человечью суть в себе смирил он,
И тем газели сердце покорил он.

И не одна газель из тех степей
С Меджнувом подружилась вслед за ней.

*Меджнун о своем горе голубку объявляет
и
сокровенную тайну раскрыть его умоляет*

борван, шел равниной он пустынной,
В тенетах — видит — голубок невинный.

Что ни ячейка — то врата скорбей,
Здесь каждый миг ждут беды голубей.

Меджнун смотрел — душа от боли сжалась,
Как бурный ключ, в нем закипела жалость.

И начал он охотника просить
Несчастливого на волю отпустить.

Сказал охотник: «Я несчастен тоже, —
Мы судьбами между собою схожи.

Когда б я голубей освобождал,
То пленником страданий я бы стал.

Коль возместить ущерб ты в состоянии,
Тогда исполню я твоё желание.

Меня избавь от горя моего —
И от печали избавляй его».

Тотчас Меджнун снял с пальца жемчуг чистый,
Яснее голубиных глаз, лучистый.

Меджнун тот жемчуг ловчему вручил —
И голубь вновь свободу получил.

Прикинув к лапкам голубя глазами,
Меджнун их красил в алый цвет слезами.

Он птице тайны сердца раскрывал
И сотни страстных песен напевал:

«О ты, высоколетний, быстрокрылый,
Друг всех страдальцев, вечно верных милой!

Твоей одежды блекло-синий цвет
И голос, полный отзвуками бед, —

Все о печали говорит жестокой.
По ком же ты в такой тоске глубокой?

Коль, мира облетатель, ты влюблен,
То знай — и я любовью ослеплен.

Побудь одно мгновение со мною, —
Тебе сокровищницу тайн открою.

Себе гнездо в моих кудрях ты свей,
Клюй зерна слез моих, их влагу пей.

О вестник быстрокрылый и чудесный,
Тобой изведен каждый путь небесный!

Письмо моей любимой отнеси,
Ей весть от нелюдима отнеси, —

Скажи, что я страдаю в отдаленье,
И принеси ответ мне в утешенье.

Когда увидишь ты любимой дом
И будешь облетать его кругом,

Пусть хоть один твой круг моим пребуде
Тебя душа вовеки не забудет.

Проси зерна, усевшись на порог, —
Чтоб оставаться там — оно предлог.

И от меня — молю, тоской волнуем, —
Прильни к порогу с нежным поцелуем».

И сетовал несчастный и тужил,
А голубь тот отныне с ним дружил,

На голове Меджнуна жил вседневно,
И тот о нем заботился душевно.

Его природа столь была блага,
Что всем животным стала дорога.

И хищники пришли в его пределы,
Птиц и зверей там сонм собрался целый.

Страдалец стал царем страны скорбей,
Жил под охраной воинства зверей.

Питал он к людям только отвращенье,
Врагом свое считал он отраженье.

Свою он отогнать готов был тень,
И дымом вздохов свой он застил день.

*Новое о Лейли сообщение
и
любвых превратностей изложение*

обессилен, кравчий, от похмелья,
Приятное вино мне даст веселье.

Несчастен я, не медли, послужи —
И ножкой рюмки руку поддержи¹.

Ты рассказал, в вине какая сладость,
И этот пир устроил нам на радость.

Так всем поочередно паливай,
Простым и знатным чарку подавай.

Не забывай о сущности Меджнуна, —
Налив ему, налей подруге юной.

Садовник слов, красноречивый перс,
Самшит сажая, грудь земли отверз:

Весну средь дуга верности духовной,
Тюльпанный сад горы тоски любовной,

В ком верности был неизменен зов,
Жемчужину печальных жемчугов,

¹ То есть дай вина, помоги мне.

Подобно кладу, в замке укрывали.
Упреки-цепи ноги ей сковали.

Ей были чужды радости и смех,
Забав она чуждалась и утех.

Она отца и матери боялась,
От всех подруг печально удалялась.

К Лейли красавиц влекся целый рой,
Как мотыльки кружатся над свечой,

Чтоб душу от скорбей и бед избавить,
Чтоб чаровницу чем-то позабавить,

Рассказывали с тысячей прикрас
Тот вль другой сладкоречивый сказ,

О прежних повестях напоминали,
Окончив повесть, снова начинали.

Но ей утеха не была нужна —
Всечасно ранила себя Луна.

И, горько плача от жестокой боли,
С подругами не забавлялась боле.

Им басма — украшение бровей,
Ее душа чернеет от скорбей.

Те родинкой себе украсят щеки —
Она оденет в синь¹ свой стан высокий.

Узор шелков — мечта их суеты,
Ее влечет узор одной мечты.

От хны их руки были, словно розы,
Но кровью руки ей одели слезы.

Игла и шелк бедняжку не влекли,
Но по респницам реки слез текли.

Они о золотой парче мечтали,
Для ожерелий жемчуга низали, —

Она низала, с завистью в крови,
На нить мечтаний жемчуга любви.

Она сильнее Меджнуна помешалась.
Когда «Меджнуун!» кричали, откликалась.

Когда же уходили все, в ночи
Она, усевшись около свечи,

Ей поверяла все свои печали,
Все тайны мук, что душу омрачали.

¹ Синий цвет — цвет траура.

Разговор Лейли со свечой¹

и

[просьба указать лекарство душе больной]

акрывшая глаза, тоски полна,
В оковах ноги, голова черна² —

Давай-ка станем верными друзьями,
Поделится сердечными скорбями.

Скажи, свеча, какого горя гнет
Тебя, как слабую тростинку, гнет?

Зачем ты с головы до ног пылаешь
И дымом сердца облик свой скрываешь?

Своей основы существо открой!
Тебе огонь стал жизненной водой!

Откуда влага глаз, души пыланье,
И где источник твоего страданья?

За что всю почь ты мучиться должна,
И влагой и огнем окружена?

¹ Свеча на востоке — светильник с фитилем, погруженным в масло.

² Здесь пламя свечи сравнивается с глазами. На свечу надет колпачок — ее глаза закрыты. Ее ноги в оковах — она прикована цепочкой. Черная голова — сгоревший фитиль.

Ты, гаснущая утром, — как бывает,
Что влага твой огонь лишь раздувает?

Ты мной, сожженной, не пренебрегай
И горя моего не отвергай.

С тобой я схожа верностью неложной,
И все же я тебя верней, возможно.

Ты ночью лишь охвачена огнем,
А я горю и по ночам и днем.

Тебя, свеча, порывы ветра губят,
Моя душа порывы страсти любит.

Ты можешь, проливая слез ручьи,
Всем людям тайны раскрывать свои.

В любви ты не закалена сурово,
Все, что на сердце, высказать готова.

А я — твердыня пустоши скорбей —
Таю, как флейта, страсть в груди своей.

Нет, дружбы с первым встречным не вожу я,
Под страхом казни тайны не скажу я.

Тебе поверить я б могла беду,
Но твердости в тебе я не найду.

Рассказы краткие бедны и плохи,
Иных — боюсь: тебя расплавят вздохи.

Я другу раз открыла свой недуг,
Но спутником моим не стал мой друг.

Он вынести не мог такой печали, —
Мои страданья в степь его умчали.

С тобой об этом речь не поведу:
И ты меня покинешь на беду.

Но со свечой что говорить напрасно?
Она не даст совета — это ясно.

И обратилась к мотыльку Лейли:
«Услышь печаль, пойми тоску Лейли!»

*Лейли тайну свою мотыльку раскрывает
и
горе свое ему перед ним изливает*

незда любви крылатый обитатель,
И сладких вод любви почной искатель!

Ты, верности любовной образец,
Влюбленный, ты — влюбленности венец.

Полжизни дашь, чтоб увидеть кумира,
За миг его любви отдашь два мира.

Прославленный за преданность свою,
В любви стремишься ты к небытию¹.

Давно известен ты во всей вселенной,
Пример любви ты самой совершенной.

Однако хоть страдалец ты, как я,
Едва ли столь могуча страсть твоя.

Ты — опьянен, в движенье неустанном,
Я скована томленьем постоянным.

¹ То есть мотылек всегда стремится к огню — к своей же смерти.

Тебя хоть ночью друг спасет от мук,
А мне одна разлука только — друг.

Ты душу, как нисар, огню бросаешь,
Себя от муки этим ты спасаешь.

А я хочу душою горевать,
Сто душ имея, вечно тосковать.

Ты говоришь — душа тоской одета,
Но где же, покажи, тоски примета?

Взор полон ли горячею слезой?
Где вздох горячий, леденящий твой?

Где стойкость перед гнетом и страданьем,
Готовность к самым тяжким испытаньям?»

Да, в мотыльке нашла она изъян,
Бальзамом он не может быть для ран.

Осталось ожиданье и терпенье
И к облегченью мук своих стремленье.

До ночи, усыпляющей людей,
Был напоен слезами луг очей.

Когда же тьма окутывала зренье
И нисходил покой на все творенья,

Когда был друг и недруг усыплен
И только горемык не трогал сон, —

Тогда Лейли в пустыню выходила,
Рыданьем вдоволь душу отводила,

Бросала к небу вздох печальный свой
И тайны раскрывала пред луной.

*Лейли с луною говорит
и,*

подобно солнцу, страстным огнем горит

ты, порою, как мой стан, кривая,
Порою полная и налитая!

То явишься, как горький мой недуг,
То исчезаешь, словно ты — мой друг!

По переменам тем судить нетрудно —
Полна любви ты к солнцу безрассудной.

Ты от разлуки ныне так худа,
В тоске и горе бродишь ты всегда.

Когда знакома ты с любовной мукой,
Смотри, как я измучена разлукой.

На пламя страстных вздохов погляди,
От тяжких мук меня освободи.

Пройди, луна, все дальние просторы
И все пустыни осмотри и горы.

Где милый мой, надежд моих оплот,
Мой царь царей, спаситель от невзгод!

И Расскажи, как мучусь я, больная,
Печальной правды вовсе не скрываая.

Всю ночь томилась до утра она,
Смятением до краев была полна...

Когда же утром пташка запевала,
То иначе бедняжка тосковала:

«Во мне закваски жизни больше нет,
К утру остался от нее лишь след.

Уже пропущен миг благоприятный,
Когда я все сказать могла бы внятно...

Сейчас проснутся недруги кругом,
Нельзя о горе рассказать моем.

Я звездочка в созвездье страстной муки,
Свеча, горящая в дворце разлуки.

Днем я в тюрьме, чуть ночь — свободна я,
Днем смерть моя, а ночью — жизнь моя.

Ночь для меня подобна дню отныне,
Любя, я дня не вижу благостыни».

*Лейли свои жалобы утреннему ветру вручает
и
надеждой свое горе облегчает*

от, к ветру обратясь, с тоской в груди
Лейли сказала: «Ветер, погоди!

Султану — славословие от нищей,
Тайком от всех спеси в его жилище.

Узнай, кто исцелитель бед его,
С кем он, когда со мною нет его.

В ком он находит ныне утешенье,
И помнит ли меня он в отдаленье?

Ты так ему скажи: «О царь царей!
От нищей отвернись — и не жалея...

Ведь ты меня прекрасной прежде видел,
В весенней радостной одежде видел, —

Теперь я — горя и беды раба,
Как осень я желта, худа, слаба.

Но коль меня твои не ищут взоры,
Что сделает лишенная опоры?

Да, я, как желтый лист, измождена.
Ты — юн, и свеж, и светел, как луна.

Но пусть я в прахе, пусть я в униженье,
Я на твое надеюсь снисхождение.

Как прежде, милосердным пребывай,
Старинную приязнь не забывай».

Так, звездочке подобная бессонной,
Она всю ночь томилась потаенно;

Рыдала, в скорбную одевшись тель...
Когда же новый занимался день,

Она себя завесой укрывала,
Невыразимо мучилась, страдала.

Неизлечимой горести полна,
Так проводила день и ночь она.

Ту, что была нежней прекрасной розы,
Днем страх одолевал, а ночью — слезы.

*Лейли весной в саду гуляет
и
от новых мучений себя избавляет*

Весна, весь мир в живой одев наряд,
Всем чистым принесла своих усад.

Блестящим стало времени зеркало,
Земля небесным цветом замерцала.

Алхимик-ночь чудесным волшебством
И утро благовонным ветерком

Поникший стан фиалок распрямили
И росу жемчугом росы омыли.

Была омыта амброю земля,
Покрылись пылью мускусной поля.

Из туч катились вниз камня града:
Им гсловы бутонов бить отрада.

Деревья раздавали тут и там
Из хлопка пластыри своим цветам¹.

А запах сладостный травы зеленой
Был нежной данью розе благовонной.

¹ То есть на деревьях появился пушок.

И украшали весь простор земной
Рубином — розы, травы — бирюзой.

Звала бутоны роза с дальней грядки.
Они раскрыли лепестки-загадки.

И четырех стихий всю благодать
Народы стали ясно понимать.

Кружимы ветром, лепесточки лилий
Своею тенью землю осветили,

И появились ручейки в тени,
И если б оросили сталь они, —

И сталь мгновенно душу обрела бы,
Себе язык, — иль меч, — она нашла бы.

Так время красило луга, поля,
Подобной небу стала вся земля.

И солнце, неизменный светоч мира,
Всю землю освещая из эфира,

Сплетало так своих суждений нить:
«Нельзя от неба землю отличить»,

Повсюду цветники несли отраду,
Повсюду людям пир давал усладу,

Повсюду счастье полнило людей.
Всем, давши чару, говорили: «Пей!»

И все же знала мать Лейли печальной:
Нет больше счастья у многострадальной.

На кипарис и розы не глядит,
И постоянно уст бутон закрыт ...

Мать, не скупясь, из местностей окрестных
К Лейли красавиц собрала чудесных.

На луг пошла прекрасная Луна,
С цветами познакомилась она.

Хотела мать играть ее заставить,
Развлечь игрой и от скорбей избавить.

И девушки невинные пошли, —
Казалось, не касаются земли,

Там сняли с лиц они покров приличий
И скромности отбросили обычай.

На путь игры, веселья и забав
Их влек игривый, шаловливый нрав.

То песню звонко, сладкозвучно пели,
Сливая с соловьями голос в трели,

То в танцах изгибали стройный стан —
И кипарис стыдом был обуян.

Но не была Лейли веселью рада,
От этих игр в душе росла досада.

Весна и луг питали в ней тоску,
А розы делали сильнее тоску.

Она хотела, от людей далеко,
Своей томиться скорбью одинокой.

Но девушки тревожили ее
И тем страданья множили ее.

Игра подруг бедняжку изнурила,
И вот она, хитря, заговорила:

«Подружки, почему мы все сидим,
Как это не наскучит вам самим?»

Давайте-ка мы в поле погуляем,
Побегаем на воле, погуляем.

Передники надев, без дальних слов,
Пойдемте лучше — наберем цветов.

Кто больше соберет, пускай гордится:
Ту наречем тогда цариц царицей».

И каждая пошла своим путем,
Все поле словно занялось огнем.

Лейли осталась без красавиц-лилий,
Глаза, как облака, все жемчуг лили.

*Лейли скорбь свою облаку повторяет
и
тайну своей любви ему поверяет*

сетуя на горький свой недуг,
Лейли сказала облаку: «Мой друг,

Слезами ты вознесено высоко,
И все ж страдаешь ты не так жестоко.

Оставь же громы, молнии, дожди,
Не спорь со мной, несчастной, подожди.

Когда я утром горестно стенаю,
До неба вздохи огненно вздымаю

И проливаю жгучих слез ручьи, —
Взгляни на злоключения мои...

Когда воды в тебе на миг убудет,
Пусть это робости в тебе не будит, —

Из глаз моих ты слезы собери —
И морю их потоками дари!

Будь, облако, мне постоянно верным,
Исполни просьбу, другом будь примерным.

Лети скорей к Меджнуну в дальний край
И от меня Меджнуну передай:

«Любимый мой, моей души отрада,
Кому всегда больное сердце радо,

Я без тебя измучена тоской,
Не знаю, где мне обрести покой.

Ты посмотри, как я бледна, страдаю;
Кровавыми слезами я рыдаю...

В душе моей и в теле силы нет.
Глаза не знают, что такое свет.

Душа моей души, очей стремленье,
Уже пришла пора для сожаленья.

Не знала я, что есть беда в любви
И что не так светла звезда любви.

Ты думал, что страдаешь одиноко —
Но я с тобою мучаюсь жестоко.

Меня ты отдал в руки всех скорбей,
И с каждым днем мой жребий тяжелей.

Все горе мира мне одной досталось,
А что тебе, любимый мой, осталось?

Ты скажешь: «Я — мужчина», горделив.
Но ты, гордясь, совсем несправедлив.

Пусть я сорняк, который топчут ноги,
Пусть я всего лишь пыль твоей дороги,

Но разве ты лишишься красоты,
Коль, месяц, луч свой праху бросишь ты

Ужели никогда, о жемчуг чистый,
С тобой не встретится сорняк тернистый.

Умывшись беззаботности вином,
О друге ты не забывай своем!

О милый друг мой, искренний и верный,
Один меня достойный, беспримерный,

Приди ко мне, не забывай приязнь,
Препебрежение для меня, что казнь.

Тебя влюбленным люди называют, —
Такие ли влюбленные бывают?

Кто занят ремеслом — будь в нем ретив;
Ты любишь — почему ты нерадив?

Коль ты влюблен, тогда неутомимо
Кружись вокруг обители любимой.

Ты почему-то край мой позабыл...
Быть может, ты другую полюбил?

Ты говоришь, я твой кумир любимый, —
Так приходи, душе дай мир, любимый.

Когда бы мир душевный — твой удел —
На миг моей душою овладел,

Когда б, предав меня немой печали,
Мне кудри злобно шею не сковали,

Когда б не знала я колец ножных —
Сковавших ноги мне оков стальных,

Когда б меня минуло поруганье —
Я в жизни знала б лишь одно желанье:

Подобно тени, свет всегда любя,
Не отставать, о свет мой, от тебя.

Но я в плену — что сделать я посмею?
Связали ноги мне, сковали шею...

Для изъяснения этих черных мук
Газель мою послушай, нежный друг»:

Газель нежной Лейли

Мне горько: я любви сетями со всех сторон оплетена,
Мне не понять, какой бедою навеки я покорена.

Язык не может слова молвить, а ноги с места не сойдут, —
Увы, я так несчастна, будто в палатах бедствий я — стена.

И у меня теперь нет силы о боли сердца рассказать,
Ведь я тягчайшим из недугов — разлукою — поражена.

Укоров я страшусь жестоких — к чему же это привело:
Вокруг меня чужие люди, от близких я отчуждена.

О розан, больше не скажу я, как сильно я тебя люблю:
Затем, что, все тебе раскрывши, была я в прах превращена.

Терпенье, разум, сердце, вера покинули меня навек,
Я по соленым побережьям теперь бродить осуждена.

О Физули, я даже память совсем утратила теперь,
Увидевши прекрасный образ того, кому душа верна!

*Лейли во дворце горя рыдает,
а*

Меджнун по долине любви блуждает

се плакала Лейли, не утихала
И вдруг волшебный голос услышала:

Меджнуна песню кто-то пел вдали —
И вот что в ней слышала Лейли:

«Ты, про любовь блаженную кричащий,
Лейли превыше меры возносящий!

Знай, что молва людская неверна,
Знай, что Лейли Меджнуну не равна.

Пусть верно, что Лейли многопечальна,
Она не как Меджнун многострадальна.

Иглою персты исколоты Лейли —
Его мечи пронзить бы не могли.

Лейли унять желает страстно горе, —
Меджнун свое растит всечасно горе.

Лейли утеха — шелковый паряд,
Меджнун оковам, как наряду, рад.

Меджнун навеки отдан в плен печали.
Таких скорбей в Лейли мы не видали.

Меджнуна мучит лихорадки жар:
Лейли несет ли исцеленья дар?

В сетях Лейли он пленник изнуренный,
К кому Лейли, скажите, благосклонна?»

Лейли, внимая чутко песне той,
Напев печальный позабыла свой.

Теперь, увы, ей тоже стало ясно,
Что искру с пламенем равнять опасно.

Скорбей, страданий, горестей, невзгод
Щедрей Меджнуну сыпал небосвод.

*Лейли в плен к Ибн-Саламу попадает
и,
лишась любимого, родной дом покидает*

тронитель-чудодей палат словесных
Так выстроил чертог словес чудесных.

И в поле от Лейли бежал покой,
Она вернулась, скорбная, домой,

И там она нарядно разоделась,
Но цель при этом тайная имелась:

Ей скрыть ручей кровавый удалось,
Когда надела платье цвета роз.

Скрывая вздохи скорби неумной,
Фиалковый платок надела темный,

И заглушил сердечный тихий стон
Ножных колец неугомонный звон.

Решила: слезы скрыть от взглядов нужно!
И повязалась ниткою жемчужной.

Закрыв лицо старушечьей фатой,
Согнула, как больная, стан прямой.

Хоть жемчугов она таила клады,
Искали мотыльки в свече отрады¹,

Такой красы она была полна
И небом так была одарена...

В просторах аравийских необъятных
Жил некий муж тогда, из самых знатных,

Избранник среди избранных людей,
Прославленный на родине своей.

Он светел был умом, лицом прекрасен,
В поступках и речах своих был ясен.

Счастливец был угоден небесам,
Счастливица имя было Ибн-Салам.

Тот феникс, драгоценный, благородный,
Чистосердечный и с душой свободной,

Отправился на ловлю, легкокрыл...
Под ним орел², в перстах же сокол был

И вдруг издалека Лейли увидел,
Как будто чудо он вдали увидел...

Он был ошеломлен, он был разбит,
Зажегся так, как ртуть в огне горит.

К себе домой ловец вернулся вскоре
И сразу там лишился чувств от горя...

Посвататься решил он наконец;
И здесь помог ему один мудрец.

Мудрец низал свои слова умело, —
И камень пронизать он мог бы смело.

И мудрый вскоре начал сватовство,
Жених богатством одарил его,

Сказал, что если сбудется желанье
И явью станет сердца упование,

Отдаст он все сокровища земли,
Отдаст он даже душу за Лейли.

Отец и мать, услышав тайну сердца,
Не стали отвергать единоверца.

У Муштари теперь Зухра — жена,
И Солнцу отдана была Луна...

Когда дошла до слуха Ибн-Салама
Благая весть, подобие бальзама,

На море счастья волны поднялись,
Отрады ветви высоко взнеслись.

Он сыпал драгоценности без счета,
Всех одарять — ему одна забота.

Он много роздал злата, жемчугов,
Обогатив окрестных бедняков.

Лейли терпела горькие мученья,
Несло ей злые беды обрученье.

¹ То есть хотя она постоянно горько плакала (жемчуг символизирует слезы), она привлекала к себе внимание влюбленных.

² То есть конь, быстрый, как орел.

*Ноуфал с Медждуном встречается
и
этим жемчугом чистым наслаждается*

кравчий, горем вновь душа полна,
Подай мне чашу, полную вина!

Мне, как былинке бедной, одиноко,
О, защити меня от злого рока,

Ты одиноким людям помоги, —
Тебя мы не забудем — помоги.

Обетов не давать пустых старайся,
Обеты дал — исполнить их старайся...

.. Преданий и сказаний острый меч
Так обагрён был кровью новых сеч:

Был некий муж — достойный и счастливый,
Прославленный и многосправедливый.

Побед труднейших много одержал
Тот славный муж, по имени Ноуфал:

И он прошел любовною дорогой,
Злых горестей и он изведal много.

Раз чтение услышал он стихов, —
Медждуна потаенных жемчугов.

Ему и стих понравился прекрасный
И строк звенящих смысл, печально-ясны:

«Кто их писал?» — осведомился он.
Сказали: «Тот, кто страстью поражен,

Он ходит, опозоренный молвою,
Среди зверей — и летом и зимою».

Ноуфал хотел на бедного взглянуть, —
В пустыню с войском он направил путь.

А там Меджнун рыдает одиноко,
От разума и радости далеко.

Он дикими зверями окружен,
Он в крепости дикарства заключен.

И войны, в смятенье и в печали,
Тот страшный круг насильно разорвали.

Вступил Ноуфал заботливый в тюрьму,
Стал говорить почтительно ему:

«Зачем в пустыне этой ты страдаешь,
Сокровища напрасно расточаешь?

Зверям откуда сан известен твой?
Своей беседой братьев удостой.

Отверженным ты не живи в пустыне, —
К разумным должен ты вернуться ныне.

От гамаюна счастья все хотят,
И лишь от змея мы добудем клад¹.

Поверь — тебя спасет моя забота,
В своей судьбе жди завтра поворота.

Коль нужно золота иль жемчугов,
Не пожалею даже сто выюков.

А если все решать придется битвой, —
Мы кровь прольем, а ты займись ловитвой².

С тобою будет милая твоя,
А от тебя прошу лишь дружбы я».

*Меджнун говорит Ноуфалу о судьбине злобной
и
беды свои излагает подробно*

Меджнун сказал: «Единственный на свете!
Знай, снять с души моей печали эти

Пытались многие наперерыв...
Не овладел красавицею див¹.

И золота рассыпали немало,
Но мне алхимия не помогала.

О щедрости твоей гласит весь свет, —
Но что мне делать, коль удачи нет?

Сурьма, я знаю, улучшает зренье,
Но если я незряч, — к чему лечение?

В судьбе моей не вижу правоты,
Боюсь, что не исполнятся мечты.

Зачем мой злобный рок тебя тревожит?
Твое участие скорбь мою умножит.

¹ Меджнун сравнивает с дивом себя.

Любимой все равно мне не видать,
Зато друзья врагами могут стать.

Я знаю, что судьба моя несчастна,
Желать мне блага — для меня опасно.

Газель прослушай про судьбу мою,
Я эту песню без конца пою:

Газель Меджнуна-страдальца

Я верности всегда хотел, но всюду только гнет я видел,
Куда я только ни смотрел, повсюду зла оплот я видел.

Я сетовал на жизнь свою, просил бальзама для нее,
Но та, что мне должна помочь, сама едва живет — я видел.

Душа моя скорбна — никто печаль изгладить не сумел,
Мой друг о верности твердил, — он лицемерно лжет —
я видел.

Ручей схватил я за полу, — он увернулся от меня;
Я верил зеркалу, но в нем себя наоборот я видел.

Я на порог надежды стал, — смятение встретило меня;
Искусства нить я в руки взял, змею среди болот я видел.

Сто раз показывал мне рок звезду моих судеб, увы,
Мне страшно было и взглянуть, — она звезда невзгод —
я видел.

О Физули, ты мне прости, что на людей я не смотрю:
Все зло на свете — от людей, — ему потерян счет — я
видел.

*Ноуфал надежду в Меджнуна вселяет
и
приятной беседой его воодушевляет*

оуфал ответил: «Муж красноречивый,
Меня не отвергай ты горделиво.

Могуществом своим прославлен я,
И мужеством от бед избавлен я.

Коль будет у тебя приязнь людская,
То не страшна опасность никакая».

Меджнуну радость обогрела грудь, —
Он одичалости покинул путь.

Пыль с головы стряхнул страдалец бледный,
И ногти с рук остриг скиталец бедный,

Его одели, голову ему
Закутали в красивую чалму.

На пир пошел отшельник одичалый,
И сок лозы он пил прозрачный, алый.

И, как Меджнуну прежде обещал,
Помочь ему решил теперь Ноуфал.

Он взял перо — и, приложив старанье,
Составил племени Лейли посланье:

«О люди, почитаемые мной!
Зачем к друзьям пылаете враждой?

Прозящему вы милость окажите,
Лейли с Меджуном узами свяжите.

Тюльпан и розан разве не равны?
Самшит и кипарис равно стройны.

Ужель они друг друга недостойны?
Нужны ли с чувствами влюбленных войны?

Когда ваш род нам уступить готов, —
Надарим золота и жемчугов.

Но если будете чинить препоны,
То вступит в дело меч наш закаленный!»

Узнав о множестве нависших бед,
Сказало племя коротко в ответ:

«Мы не врачи — безумным не поможем,
Без одержимых обойтись мы можем.

У вас запасов жемчуга не счесть, —
Но и у нас его немало есть!

И не грозите вашими мечами:
Оружием и мы владеем сами!»

*Ноуфал с племенем Лейли вступает в бой
и,
победы не одержав, трубит отбой*

слышав, как ответ составлен был,
Ноуфал красавиц и вино забыл.

Воззвали трубы, силы собирая,
Ноуфал повел их за пределы края.

Увидев, как опасность к ним близка,
Собрались и противника войска.

И обе стороны, в бесстыдном рвенье,
Пошли поспешно на базар сраженья.

Настал рассвет. Коварством обуюн,
На Сирию румийский шел султан¹.

И звезды в бегство обратив, светило,
Подняв свой щит, без промаха разило²,

И каждый яркий солнечный кинжал
Кольчугу небосвода поражал.

¹ Здесь с румийским султаном сравнивается солнце.

² То есть в свете солнца постепенно исчезали звезды.

Как будто шахматы перед игрою,
Стоят два войска. Приступили к бою.

Копье разило насмерть; кровь лила,
С тугой сорвавшись тетивы, стрела.

Копье прямей, чем стан девичий стройный,
Стрела острей, чем взгляд любимой знойный.

И делал вмиг стальной язык мечей
Телами хладными живых людей.

Глаза кольчуг, исполненных любовью
К скорбям народа, лили слезы с кровью.

Броня и кости в схватке роковой
Дробились, сломленные булавой.

Гром пушек, молний сабельных сверканье
Грозы напоминали бушевацье.

Щиты к броням решили так прильнуть,
Чтоб копьям не найти меж ними путь.

Меджнун стоял печально в отдаленье
И пристально оглядывал сраженье.

Стоял бесстрашно он, как гордый стяг,
В душе его царили скорбь и мрак.

Хоть привели его к Ноуфалу беды,
Другому стану он желал победы.

Кричал он громко, заглушая всех,
Но он желал, чтоб враг имел успех.

Друзья о нем в заботе постоянной, —
Он — для врагов удачи молит брашпой.

Коль враг мечом дорогу проторит, —
Он бога горячо благодарит.

А кто падет из племени любимой, —
Он стонет в горести неукротимой.

А иногда, разгневан, разъярен,
Своих бойцов кипжалом косит он.

И кто-то так сказал ему с тревогой:
«Врагу победы просит кто у бога?»

Мы за тебя и душу отдаем,
А ты душою заодно с врагом.

Все это безрассудным мы считаем,
Ужели ты безумием терзаем?

Меджнун сказал: «Любимой жертва — я,
Слиянье с нею — вот мечта моя.

Любимой племя противостоит нам, —
Мне ль их сражать в бою кровопролитном?

Любимой против нас идут войска, —
Моя ль на них поднимется рука?

Свиданье с милой счастьем я считаю,
Вот я об их победе и мечтаю.

Убит ли буду, в плен ли попаду,
С любимой моей я встречи жду,

Тот стан — источник радости блаженной,
А в этом стане я — в оковах пленный.

В тяжлом пыле затрудненъ я:
Друзья теперь — враги, враги — друзья

Пусть друг меня сразит и уничтожит,
Тем опечалить он меня не может.

Он мне лишь ликование принесет,
С ее душой слиянье принесет».

Признал боец Меджнуна благородство
И чувств его и мыслей превосходство...

В сердцах бойцов сгушался темный мрак,
И чуть не победил Ноуфала враг.

И ничего Ноуфал не смог добиться,
Хоть дотеппа войскам велел он биться.

Когда сгустила ночь седой туман
И звезды захватили неба стан,

Шум битвы становился глуше, глуше,
И смерть щадила доблестные души.

Войска ушли от поля битвы прочь,
Друг против друга отдыхали ночь.

Ноуфал с друзьями поделился тайной,
Сказал им: «Я в тревоге чрезвычайной.

Меня отважней в целом мире нет,
Я — солнце в небе боевых побед.

Не ведает преград мой меч булатный,
Не знаю равных я в потехе ратной...

Но кто же здесь из боевых мужей
Победе верной помешал моей?

Бог не дал мне победы в этой битве, —
Должно быть, чьей-то он внимал молитве».

Его спросили: «Стран далеких свет!
Ты слышал о Меджлуне или нет?

Ведь войско на смерть за него готово,
Но против нас и мысль его и слово.

Мы за него с врагом ведем борьбу,
А он с врагом связал свою судьбу».

Ноуфал, когда услышал эти речи,
На миг забыл мечты о новой сече.

Он знал, что благороден друг его
И бог услышит слово мук его.

Сильна Меджнунова молитва, значит,
Недостижимо цель теперь маячит,

Меджнуну и Лейли мешает рок,
Найдется ль человек, чтоб им помог?

Боясь, чтоб счастье вдруг не отвернулось,
Ему в бою уже не улыбнулось, —

Подумал он: «Я неразумен был,
И если бы победу я добыл,

То про Лейли не стал и вспоминать бы,
Не стал бы никогда желать их свадьбы».

*Победа Ноуфила во втором сражении
и
данного им обета исполненъе*

огда прошел румийский злой боец
Весь край сирийский из конца в конец

И войско тюрок мир весь изумило,
Когда арабов храбрых разгромило¹,

Войска, почтив обычай вековой,
Возобновили на рассвете бой.

Богатыри громадными мечами
Броню рубили, лили кровь ручьями,

Прощались души с домом их земным,
А стрелы — окна открывали им.

Увидев в головах приют несчастий,
Ум убегал, спасаясь от напастей.

Качались стрелы с перьями в бронях,
Как будто роз бутоны на ветвях.

Ноуфал добился славы и величья,
От первого сражения в отличие,

¹ То есть утром, см. примечание к стр. 186.

Склонился враг пред волею судьбы,
И о пощаде раздались мольбы.

Отец Лейли, главы не покрывая,
Потоки слез кровавых проливая,

Сказал покорно: «Господин мужей,
Премудрый, справедливый царь царей!

Коль за Лейли ты начинал сраженье,
Во мне ты встретишь лишь одно смирение,

Но принято в обычаях людских;
Одна не может выйти за двоих,

А у Лейли есть обрученный некий,
Она ему принадлежит навеки.

Но коль ты враг обычаям таким —
Бери себе, не отдавай другим.»

Добычей ветра лепесток не делай,
Пусть нашей чести цвет не блекнет белый»

Ноуфал ответил: «О избранный муж,
Насилье — не для благородных душ.

Ты суд найдешь во мне и добродетель,
Жемчужных кладов щедрый я владетель.

Я не насильник, не честолюбив,
Мой камень пробный — верен, справедлив,

И для меня нет ничего постылей
Творившихся над слабыми насильий.

Своекорыстность вовсе мне чужда,
Я о себе не думал никогда.

Искал я исцеления для друга,
Искал лекарства для его недуга,

Но понял я — так решено судьбой, —
Что излечен не может быть больной.

Стыжусь я этой столь жестокой битвы,
Раскаянья полны мои молитвы.

Мне не нужны твоё добро, семья:
Тебе охотно их оставляю я.

Иди и никакой беды не бойся,
И никогда моей вражды не бойся».

Он этим положил конец борьбе,
Сбираться стал на родину к себе.

Меджунун не удержался от упрека —
И властелина укорил жестоко:

«Я вижу, ты давал пустой обет —
Свои слова исполнил ты иль нет?»

Скажи, к тому ль душа моя стремилась?
Кому нужна бессмысленная милость?»

Высокой тенью осеняешь ты —
У цели вдруг меня бросаешь ты».

Хоть все ему советовали дружно:
«Тебе давно Лейли оставить нужно,

Тебе подругу мы найдем всегда,
Найти красавиц можно без труда!»

Но не спасли Меджнуна от напасти:
Чрезмерно прочны были цепи страсти.

Меджнун бежал, одежду разорвав, —
В пустыню влек его безумный нрав.

*Меджнун оковы на себя надевает
и
под видом пленника стопы свои к дому
Лейли направляет*

аз утром, по пустыне отдаленной,
Бродил Меджнун, зверями окруженный.

И вдруг увидел: там старик идет,
А с ним в цепях закованный бредет.

Страдальца пожалел многострадальный, —
И молвил он: «Скажи, старик печальный,

В чем он виновен, этот пленник твой?
Мне эту тайну, грешному, открой!»

Тогда старик открыл завесу мысли:
«Он — друг мой, во врагах его не числи!»

Меня гнетут несчастья и семья,
И бедностью разбита жизнь моя.

А он еще бедней, чем я, страдалец,
Бездомный, сирый, нищий он скиталец.

И вот мы с ним взялись за «колдовство»,
Что день — у нас другое «волшебство».

Мы на обман пустились, голы, нищи,
Чтоб детям раздобыть немного пищи.

Он якобы кого-то убивал,
Я в цепь его за это заковал.

Вот я хожу с ним, «фокусник» завзятый,
Он — «кровник» и должник мне кровной платы,

И должен он кривляться много дней,
Чтоб заслужить свободу от цепей.

Все, что своёй он выпросит мольбою,
То по крохам мы делим меж собою.

Все, что судьба ни уделяет нам,
Условились делить мы пополам».

Меджнун сказал: «Зачем, старик суровый,
Ты на разумного одел оковы?»

Коль состраданье есть в твой груди,
Меня сковав, его освободи!

И за тобой последую, как тень я, —
Мне подадут, услышавши моления.

Но много ль я, иль мало получу, —
Все до последнего тебе вручу.

Я по земле пройду тебе в угоду,
Как ходит Муштари по небосводу.

И раннею иль позднею порой,
Быть может, рядом окажусь с Зухрой».

И вот старик, на выгоду в надежде,
Освободил закованного прежде.

И скован был Меджнун, печален, нем;
Он показал пример безумцам всем.

Меджнун излагает перед цепью глубину своих мучений
и
разматывает цепь своих злоключений

Звон цепи слыша, с воплями созвучный,
Сказал Меджнун: «Товарищ перазлучный!

Казну страданий стерсгущий змей,
Основа бедствий и уток скорбей.

Ста ртами ты гласишь о скорбной муке;
Ты двинешься — несутся горя звуки.

В отверстиях ты с головы до ног,
Так легче укорять тебе злой рок.

Коль на любимую взглянуть желаешь,
Ты сотней глаз для взглядов обладаешь!»

Чтоб снова на любимую взглянуть,
Меджнун со стариком пустился в путь.

Так, милостью божественной ведомый,
Пришел он вдруг и в край Лейли знакомый.

С Меджнуном на цепи старик бродил
И от шатра к шатру его водил.

К жилищу милой подошел влюбленный
И вдруг не выдержал, ошеломленный:

«Прошедший мир упал, завидев дом,
Упал гуляка перед погребком»

Со стоном повалился на пороге —
Лейли его услышала в тревоге.

Печальным вздохом разодрал шатер,
Вперила в угнетенного свой взор.

Увидела — невидим тот страдалец,
Зачах, ослаб от горя тот скиталец.

Подобно брови сган в дугу свело,
Сиянье взгляда горем унесло,

Душе он был худым подобен телом,
Застыла скорбь во взгляде омертвелом.

Царица красоты, его любя,
Позволила ему узреть себя.

В ней сердце горестное трепетало,
И вот — стихи такие прочитала:

Газель Лейли

Иль сжалился любимый мой над горькой участью моей,
Вступив сегодня, наконец, в лачугу злых моих скорбей?

Быть может, это слезный дождь настолько благодатным
был,

Что роза в цветнике моем так расцвела, всех роз пышней?

Я знаю, что горит огонь печальных вздохов, потому
Что в ночь разлуки свет свечи разлился ярче светлых дней.

И эту встречу, может быть, я просто сном бы назвала,
Когда бы сон доступен был для плачущих моих очей.

Быть может, это лишь мечта, что вижу пред глазами я, —
Могла ль мечтать я повидать мою мечту, что всех милей?

Любимый в гости к нам пришел — душа, отдай свое добро,
Истрать на гостя, сердце, все, чем ты владеешь, не жалей.

О Физули, мой милый друг пришел, чтоб душу взять мою;
Но он ведь сам — моя душа, и мне не жаль души своей.

*Меджнун говорит Лейли о себе
и
о своей печальной судьбе*

Меджнун, взглянув печально на нее,
Раскрыл ей сердце скорбное свое.

К ее он обратился правосудью,
До звезд исторгнув стон горящей грудью:

«Царица и владычица моя,
О расскажи мне, в чем виновен я!

Я твой приказ пограть не постыдился?
Иль, может быть, с врагом я подружился?

Не паговор ли злобных языков,
И не коварство ль здесь клеветников?

Я — почитатель этого порога,
Зачем меня с него толкнули строго?

И кто виной того коварства был,
Виною моего мытарства был?

Я от порога твоего далеко,
Изнеможен, страдаю одиноко.

Сегодня я томлюсь от горьких мук,
А завтра мне страданье — лучший друг.

В пустыне изнываю я все время, —
Ни друг, ни близкий не разделит время.

А ты спросить не хочешь обо мне:
«Как ты живешь в далекой стороне?»

Мне равнодушие твое так странно —
Ужель я заслужил твой гнев неожиданно?

Но если в гневе ты права своим —
Гляди, с повинной я пришел в твой дом.

Став на колени, цепь надел на шею, —
Даруешь ли прощение злодею?

Любой приказ готов исполнить я,
Лишь не исчезла бы любовь твоя!

Рази меня ресницами-мечами
Иль шелковыми удуши кудрями,

Но лишь в глазу соринки не оставь,
От гнева только своего избавь.

А если не изъявишь мне прощенья,
Меня убьет твое пренебреженье.

Ты амбровых владычица кудрей,
Твой клад — краса, и каждый локон — змей!

Твоими очарованный кудрями,
Я полонен безумия цепями.

Меня сковали горе и недуг,
И сумасшедшим я отныне друг.

Любовь одни печали мне припосит,
Но песнь моя любви у бога просит.

Газель Меджуна

Твой локон — еретик, сломил всю крепость веры изначальной.
Теперь заплачет и гяур над долею моей печальной.

Тебя увидеть трудно мне, когда ж тебя увижу я,
То сразу же потоком слез я ослеплен, многострадальный.

Насилий много ты творишь, а вдруг не хватит больше их?
Насильем меньше омрачай ты зеркало души кристальной.

Но неизбежна скорбь моя, и кто б меня ни посетил,
Уходит так, как будто он обряд свершает погребальный.

Ведь каждое звено в цепи имеет звонкие уста,
И горе тайное мое всем звон поведает кандалный.

О Физули, печаль времен смертельно ранила меня, —
И вот покорно я пришел царице жаловаться дальней.

Конец главы

Так он рыдал от горя и невзгод,
Прося смягчить любовный тяжкий гнет.

Затем, опять порвав и сбросив цепи,
Он от людей бежал далеко в степи.

Он изнемог, разбит, истерзан был
И, пьян своей печалью, страх забыл.

Его толпою дети провожали,
Смеялись злые, добрые рыдали.

*Меджнун — слепец мнимый,
Он сбивается лицемерия любимой*

тремься к своей любимой, он опять
Сумел предлог для встречи отыскать.

Закрыв глаза, Меджнун сказал: «Ослеп я!
Не вижу мира я великолепя!»

И, стариком незрячим притворясь,
Пошел с сумой, не открывая глаз.

И путь его привел неотвратимый
Туда, куда хотел он: в дом любимой.

Чтобы Лейли услышала его,
Кричал он: «О мой друг и божество!»

Лейли, еще укрытая в жилище,
Услышав зов, узнала, кто тот нищий.

Она из дома вышла в тот же миг
И нищему слепцу открыла лик.

Успевши лицемерьем насладиться,
Меджнун сказал сияющей царице:

«О бесконечной радости залог!
Стремлений сердца и любви исток!

Глаза мои закрыты — то не диво,
В них ключ реки могучей и бурливой.

Когда бы мне открыть глаза пришлось,
Мир потонул бы в море горьких слез.

Когда с тебя я не спускаю взора,
Становишься ты жертвою позора.

Глаза мои тебе несут беду.
Я в жертву их принес. Прощенья жду

Закрыв глаза, пришел в дворец к тебе
К твоим стопам кладу их, не робея.

О нежная моя! Ты мед и меч!
Прости иль голову снеси мне с плеч!

О гурия, войдя в твои палаты,
За свет моих очей хотел я платы.

С тобою встретясь, потерял я страх,
Что буду я в убытке на торгах.

За след стопы глаза тебе вручил я,
И выгоды не мало получил я.

Хоть пищий я, кумир души моей,
Но я — твой друг, не избегай друзей.

На поле дней ты горе посадила,
В саду сердечном древо бед взрастила.

Плоды приносит дерево в саду:
Оно несет мне слезы и беду.

Пройдись по полю этому и саду,
Найдешь плоды, несущие отраду».

Все высказал безумный странник тот,
В пустыню страсть опять его несет.

Как Ибн-Салам стремился к Лейли,
но
черные тучи утро его надежд заволкли

Кравчий, дай покой сердцам смятённым,
Несчастливым душу дай, души лишённым.

Вином чистейшим опьяняя нас,
Чаруя и увеселяя нас,

Спроси о том, как мир наш колобродит,
Как вянет радость, как печаль приходит.

Коварен мир, родитель всех невзгод,
Нешостоянен в беге небосвод.

Трудясь, богатства многие хотели,
Однако им другие завладели.

Вот дерево: водою возвращено,
Оно огнем жестоким сожжено.

Нас к цели подведет лишь провиденье, —
Оно лишь даст вкусить нам плод стремленья...

... Пред Ибн-Саламом к цели путь открыт.
Итак, узнав, как дело обстоит,

Собрал людей он славных, именитых,
Созвал мужей державных, сановитых.

И с ними все для свадьбы он послал,
Что можно пожелать бы — все послал.

И в даре том, неслыханно богатом,
Табун коней — и каждый кован золотом.

Рабов, рабынь прекрасных он прислал,
Вьюки одежд атласных он прислал.

Атласношерстные пришли верблюды,
На них холмы сластей и лакомств груди.

Здесь амбра, мускус — тысячи лотков,
Там жемчуга и золота сто вьюков.

И, ношей заплативши драгоценной,
За душу полным весом дали вепо.

Лейли узнала о насилье том —
К ней осень ворвалась в весенний дом.

Глаза надежды пыль скорбей застлала,
И с дерева мечты листва опала.

Утратив радость в горестном чаду,
Лейли нашла великую беду.

Искала розу — шип нашла колючий,
Искала свет — попала в пламень жгучий.

И свадьба горестью омрачена:
Среди веселья всех — Лейли грустна,

Служанка кудри заплести старалась
И родинку ей навести старалась.

Но тщетны все труды: Лейли вздохнет —
Рассыплет кудри, родинку сотрет.

Пред басмой полумесяц не склоняла
И с глаз сурьму слезами размывала.

Цепь-ожерелье сбросила она,
А гребень унесла волос волна.

Вздохнет она — и зеркало тревожит:
Оно печали отражать не может.

И хна не поцелует пог Лейли —
Лейли, в цепях, склонилась до земли.

Огнем ланит она венец сжигает,
С презреньем благовонья отвергает,

И, не боясь клеветников-шипов,
Как роза, разрывает свой покров,

Рыдает и стенает сиротливо:
«О небо, — молвит, — ты несправедливо!

Того ли я хотела, небосвод?
Как верила я в твой круговорот!

Друг, с кем свиданье — для меня отрада,
Совсем не тот, чьей стать женой мне надо.

Тот — на странице верности значок,
А этот — незаполненный листок.

Тот — кормчий моря радостей духовных,
А этот — раб мирских страстей греховных.

Тот ближних всех на путь добра привел,
А этот с самого начала зол.

Тот все огдать своей любимой жаждет,
А этот, коль не все захватит, страждет.

С Меджнуном мы друг другу отданы,
И нашу мы любовь хранить должны.

Когда вершили договор жестокий,
Тебя забыли, небосвод высокий.

Зачем грозить нам гнетом самым злым?
Ты сжался над несчастьем двойным!

Взяв у друзей, не будь ты щедр с врагами,
Не делай бедных — богачей рабами.

Идущего по горькому пути
Меджнуна ты бесчестным не сочти.

Ты ж, Ибн-Салам, ты вызываешь жалость.
Ведь над тобою время посмеялось:

Оно зовет безумную «Лейли»,
Тем именем тебя в обман ввели.

Искал ты счастья — встретился с напастью,
Ты клад искал — я змей с раскрытой пастью.

Но разве я скажу, что ты неправ?
Ты сделал милость мне, меня избрав.

От матери с отцом меня возьмешь ты,
И от двойного горя уведешь ты¹.

С презрением, угнетенная тоской,
На свадебный убор взирала свой,

И, неба колдоватность вспоминая,
Читала эта гурия земная:

Газель Лейли

О небосвод, презрев меня, ты совершаешь произвол,
Я роз просила у тебя, шипов насыпал ты в подол.

Ни разу не вращался ты, как я хотела бы того,
Насилье надо мной — вот гвой всегда излюбленный глагол!

Не знаю я, зачем меня ты так стремишься унижать.
Меня любил весь мир, а ты лишь в прахе место мне нашел.

Надеялась сначала я: увижу радостные дни,
А ты вокруг темницы бед ограду новую возвел.

Рукой насилья разорвав терпенья моего фату,
Ты горе скрытое мос на шумный торг людской привел.

Ты не позволил, чтобы я погибла, верная любви,
Мою ты верность, честь мою, как жерновами размолот.

¹ То есть раньше Лейли страдала от родителей, а теперь она будет страдать только от Ибн-Салама.

Меня отдав чужому, ты, должно быть, друга моего
Теперь вручил чужой во власть — мой жребий истинно
тяжел.

Да, верно, Физули, ты знал, как переменчив небосвод,
Когда ты в этом мире все не стоящим вниманья счел.

Конец главы

Все, кто видал мучение ее
И к блеску отвращение ее,

Решили так: «Должно быть, та бедняжка,
Страдалница, болеет очень тяжело.

Иль сердце тем ее поражено,
Что с домом ей расстаться суждено».

Все говорили: «Да, цветок прекрасный,
К родителям привязана ты страстно.

Теперь пора прощания пришла,
Жизнь на чужбине будет тяжела —

Стони и плачь — бранить за то не будем,
Приходится стонать в разлуке людям.

Но, как уж повелось между людьми,
Ты постони — и после стон уйми.

Жизнь не прожить в девичестве беспечно,
С отцом и с матерью живут не вечно.

И как глотнешь напиток забвения —
Забудутся отец и мать твоя».

Лейли в ответ на те слова кивала,
Но людям свой недуг не открывала

И не хотела, скромность возлюбя,
Людским укорам подвергать себя.

Ведь как бы дева ни любила страстно,
Забуть о чести — для нее опасно.

Она одна, кругом — не счесть врагов, —
Как ни противься, а не снять оков!

Чтобы людских укоров не стыдиться,
Лейли пришлось для свадьбы нарядиться.

Она наряды красила собой,
Сверкая в них небесною красой.

И небо, увидав ее, вскричало:
«Меджнуна тверже ввек я не встречало».

Внушала без наряда грусть она,
В наряде радовала всех Луна.

И солнце лика ярко так сияло,
Что ореолем лик ей закрывало.

Но тайная невеста тьмы ночной
Зашла послушно в брачный свой покой;

Свет неба побежден был черным мраком,
И свечи звезд зажглись под зодиаком,

И жемчуга их осветили ночь,
И дню подобно расцветили ночь.

Дев розоликих собралось немало,
И каждая в руках свечу держала.

И вот устроили веселый пир
Пятьсот красавиц — каждая кумир.

Сто Лун, сверкавших дивной красотой,
Кропили стежки розовой водою.

И розоликих сто ходили там,
Пахучей амброю кадили там...

Сто сладкоустых пели безмятежно
В лад с песней саза, сладостной и нежной.

А сто нарциссов потчевали всех
Вином — источником хмельных утех.

Сто роз держали на подносах злато,
Чтобы супругов одарить богато.

Невесту усадили в паланкин,
Как предписал старинный строгий чин.

Но мучилась, печальная, страдала, —
В пути, многострадальная, рыдала,

Веселье ей совсем на ум не шло,
Как щепку по реке, ее несло.

Вот к дому жениха Лейли приводят;
Родня, подруги — все теперь уходят.

Цветник принять красавицу готов;
Одна осталась роза, без шипов¹.

Осведомило счастье Ибн-Салама:
«Луна, которой жаждал ты упрямо,

Пришла сюда». Жемчужину ища,
Он к ней явился, страстью трепеща.

Увидел: светоч скрыло покрывало,
В тени лицо, что сердце зажигало.

И страсть великим вспыхнула огнем,
Неукротимо разгораясь в нем.

Хотел сорвать фату, узреть отраду —
И между ними устранить преграду.

Лейли сказала: «Слава всех времен,
О ты, могущественный вождь племен!

Твое величье мне давно известно,
О тонкости твоей молва чудесна.

По всей вселенной, истину любя,
Все справедливым признают тебя.

Ты не с богатой встретился, а с нищей,
Не гостя — пленница в твоём жилище.

Я пленница — ты не пытай меня,
Я нищая — не угнетай меня.

Измучены моя душа и тело,
Дошли страданья сердца до предела.

В дни школьного ученья моего,
А значит, и мученья моего,

Я некоего мужа повстречала,
Он дэвом был — как скоро я узнала.

Отродье сатапы, безумец тот
Преследует меня, не отстает.

Он об одном лишь мне твердит все время:
«Ты замуж не иди в людское племя.

Когда порушишь волю ты мою,
Тебя и мужа тотчас я убью».

Сто разных мер, одна другой хитрее,
От ига не могли избавить шею.

Поток несчастий был неотвратим,
Отец и мать не совладали с ним.

Друзья старались долго, безуспешно,
Родители терзались безутешно.

Любима стала бесноватым я,
И отвернулись от меня друзья.

¹ То есть без подруг и родичей.

Прибывши в край, где мы живем смиренно,
Ты эту повесть слышал несомненно.

Когда явился ты ко мне домой,
Решив купить бесценный жемчуг мой,

Я снова дэва вижу пред глазами,
И меч он сжал могучими руками.

Твоей женою быть мне не дано,
Иначе нам несчастье суждено.

Тебя прошу я потерпеть немного:
Ищи лекарство, уповай на бога.

Быть может, цели, призрачной теперь,
Достигнешь — отворится счастья дверь,

Замолкнет слово ненависти вражьей,
И цель блеснет — для нас обоих даже.

Душа глупца рассказом сражена.
Он мыслит — правду говорит жена.

Бойтся он: «Слияние с любимой —
Душе и сану вред исправимый».

Глупец великой страстью обуян,
Но помешали жизнь ему и сан.

Да, в мире часто, кто богатства хочет,
Нередко об убытке сам хлопочет.

Стремленье к милой нам приносит гнет,
И змей того, кто ищет клада, ждет.

Тем, что любимой о любви ты скажешь,
Ты к испытаньям сам себя обяжешь.

Коль вынесешь ты стойко гнет обид,
Она тебя немедля исцелит.

Увидит — ты к страданью неспособен, —
Ты, значит, и к слиянью неспособен...

...Страх Ибн-Саламом бедным овладел,
Ему разлуку принеся в удел.

И вот к Лейли не подходил он больше,
С ней разговор не заводил он больше,

Но горе стойко он переносил,
У всех лекарства от него просил.

Он вещунов разыскивал повсюду:
«Для бешеного цепи, — мнил, — добуду».

*Верный Зейд Меджнуна посещает
и
о браке Лейли с Ибн-Саламом его извещает*

ворец легенд, известный казначей,
Так начинал рассказ короткий сей:

Был у Меджнуна друг один примерный,
Он звался Зейд — друг искренний и верный,

Высокою известный красотой,
Духовною чудесной красотой,

Пленился он Зейнаб, кумиром дивным,
Ее любил в стремленье неизбывном.

Немало видел он любовных бед,
Был скорби в нем глубоко врезан след.

И потому страдалец этот юный
Сочувствовал несчастьям Меджнуна.

Своей любовью он делился с ним,
Считал его учителем своим.

Когда узнал бедняга достоверно,
Что замуж вышла та больная серна,

К Меджпуну он отправился тотчас,
Ручьи кровавых слез струя из глаз.

Согнулся вдвое стал его прекрасный,
Хотел сказать, — не может, — все напрасно.

Меджнун ему: «О мой любимый друг,
О мой несчастьем томимый друг!

Ты кажешься сегодня очень странным:
Ты бодрым был всегда и неустанным.

Ты почему сегодня огорчен,
Расстроен, сил и бодрости лишен?

Или Луна в созвездье Скорпиона?¹
Зачем ты здесь, в степи опустошенной?

Ужли ты обижен злой судьбой?
Скорее расскажи мне, что с тобой!»

Сухую щепку Зейд зажег печальный,
Сказав ему: «Меджнун многострадальный!

Потухла счастья твоего звезда:
Тебя постигла горькая беда.

Твоей любимой Ибн-Салам владеет,
А над тобою горе тяготее.

Она вошла свечой в постылый дом,
Довольствуйся теперь своим огнем.

¹ Здесь под Луной подразумевается возлюбленная Зейда.
Смысл: «Или твоя возлюбленная угнетена горем?»

Лейли врагу подругой стала ныне,
Что ж! Обрети теперь покой в пустыне!

Бесплодно оказалось рвенье все,
Вздох утренний, ночное бденье все».

Меджнун, рассказ услышав леденящий,
Взметнул до неба стон, огнем горящий.

Страдалец бедный среди своих зверей
Предался скорби и беде своей.

И птицы незнакомые рыдали,
И даже насекомые стонали.

Перу подобно, слезы лить он стал,
Подобно свитку, стан свой изгибал.

Он в руку взял перо, вздохнул глубоко —
И в свитке написал слова упрека.

*Меджнун Лейли послание пишет,
и
письмо его укоризной дышит*

письме сначала он упоминал
Теорца миров, начало всех начал,

Кто людям приоткрыл завесу тайны
И создал мир красоты необычайной,

Того, кто зеркало шлифует дней,
Кто завивает локоны ночей.

Посеяв семена хвалы достойной,
Стал горе излагать он лани стройной.

«От страстотерпца, пленника тоски,
Безумца, чьи страданья глубоки,

Письмо, печали полное безмерной
И горести жестокой, беспримерной,

Красавице, чей нрав несправедлив!
Ты мучишь друга, верность позабыв.

Ты розой для врагов благоухаешь,
Меня же ты, как острый шип, терзаешь.

Зачем же ты нарушила обет?
Иль сговора меж нами больше нет?

Покоя в одипочестве лишилась?
И мужа ты приобрести решилась?

Ужели так в шатре твоём темно,
Что обойтись без свечки мудроно?

Недуг сердечный так расстроил тело,
Что ты найти лекарство захотела?

Ужели так увял твой кипарис,
Что без воды нельзя и обойтись?

Какого в сад злодея ожидаешь,
Что вход в него шипами заграждаешь?

Тебе беда какая-то грозит?
Но муж тебя, поверь, не защитит!

Ты почему меня совсем забыла?
Забыв меня, другого полюбила?

Иль слез моих кровавых бурный ток,
Всечасно льющийся на твой порог,

Хоть на мгновение иссяк, не льется,
Иль сердце у меня в груди не бьется?

Зачем же быть неверными, зачем?
Дружить с друзьями скверными зачем?

Раскрыв для друга нового объятья,
Ужели шлешь ты старому проклятья?

Иль скажешь, что измучена ты мной,
С ним веселей досуг проходит твой?

Напрасно верил я твоим обетам
И думал — ты верна святым обетам.

Но вижу — верности ты лишена,
Ущербна стала полная луна.

Со мною ты дружила постоянно,
А сердцем отдалась во власть обмана.

Ты на словах всегда была со мной,
Но, вижу я, тобой владел иной.

Я посрамлен соперником ничтожным,
Хоть не считал такой позор возможным.

И в том твоя вина, о мой кумир,
Хоть виноват и коловратный мир.

Так розовый бутон к шипам снисходит,
Раскроется — друзей других заводит.

Шипы бутон избавят от тревог¹,
Из розы же — аптекарь выжмет сок.

О ты, по ком все сердце истомилось,
Чей гнев велик и чья ничтожна милость.

Ты, что забыла верность прежних дней,
О ты, опора тела, свет очей.

О ты, бальзам моих душевных бедствий,
О ты, товар на торге сумасшествий!

¹ То есть защитят его.

Ты, красоты звезда, в почи луна,
Стройна, горда, изящна и нежна.

Я в прах самой природой предназначен
Я злоязычен, обликом я мрачен.

Ты от меня испуганно бежишь,
Как будто мной поругана бежишь.

И я готов с тобою согласиться —
Тебя я недостойн, о царица.

Мне б видеть хоть в мечтах твои черт
Пусть будут о другом твои мечты.

Но много есть людей, — то помните и
Которым разговор о нас отрада.

И, видя слез обилие мое
И падо мной насилие твое,

Кого они неверной называют
И на кого презренье изливают?

Ты хочешь, чтоб об имени твоём
Никто и слова не сказал добром?

Отвергла давний ты людской обычай,
Любви к другому стала ты добычей:

Ведь много есть влюбленных, как и я,
Ты взглянешь — вырастает их семья.

Хотел бы я тебя совсем не видеть
И, отомстив тебе, тебя обидеть.

Найти себе любимую, как ты,
Но суетны об этом все мечты.

Меня твой брак, Лейли, привел в смятеньи
Не помню я себя от изумленья:

Ведь ты источник жизнь дающих вод,
В моей душе твоя душа живет.

В моей душе твой образ — вечный жител!
Зачем же у тебя другой властитель?

Но может быть, обманут Ибн-Салам,
Лишь блеск доходит твой к его глазам?

Он лишь мечту, лишь образ твой лелеет,
К тебе напрасно страстью пламенеет?

Пусть им владеет гордость, суета:
С ним рядом не Лейли, но сон, мечта.

Ужель Лейли любимого забудет?
Ужель она дружить с другими будет?

Жемчужина в венце! Иль нет, венец!
Достигла цели ты! Пути конец!

Дойдя до совершенного предела,
За пиршеством с друзьями ты сидела.

Блаженно трепеща, я долго ждал,
Что вспомнишь ты того, кто так страдал.

Ты не сказала: «Я рабом гладею,
Мое ярмо ему согнуло шею».

Пусть так! Но почему же, мой кумир,
Меня не пригласила ты на пир?

Мне сетовать на бедность — святотатство:
В душе моей — несметные богатства.

Но если ты решила: «Беден он,
Заботами всегда обременен!» —

То и тогда — сказала бы хоть слово,
Зачем молчать так долго и сурово?

Но от тебя вестей не слышу я.
Ужель так холодна душа твоя?

Живущая во мне, со мной враждуя,
Пусть для тебя хоть недругом слышу я,

Привычек ты не забывай своих,
Не забывай своих друзей былых.

И, радуясь и веселясь с другими;
Хоть изредка мое припомни имя.

Прослушай песню о моей судьбе,
Ее почаще напевай себе:

Песня

Объясни, почему, если в сад ты выходишь,
то с тобой постоянно бывает другой?
С ним сидишь на пиру, говоришь с ним любезно,
у меня отнимая душевный покой!

Неужель это честно: дворец обещаний,
не смущаясь, разрушить своей же рукой?
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

Беспрестанно внимая чужим уговорам,
накопец, ослабев, поддалась ты на них,
И, внимая наветам соперников злобных,
осушила любовную чашу других.
Так забыла ты сговор, свои обещанья,
голос совести, прежде столь громкий, затих.
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

Ты к другому теперь воспылала любовью
и забыла высокую нашу любовь.
А меня разлюбив, предалась ты насилью
и готова теперь проливать мою кровь,
Ты забыла наш сговор и все обещанья
и теперь не желаешь припомнить их вновь:
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

Без вины я осгавлен, покинут тобою,
бэрегись! Ведь такая дорога крива!
Все заботы твои я делил неизменно,
ты ж другим понесла утешенья слова.
О скажи, неужели таков твой обычай,
неужели приязнь у тебя такова?
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

Ты, подобно врагу моему — небосводу,
положила начало жестокой вражде,

Честь и доброе имя, известное людям,
ты теперь предала поруганью везде.
Веселила других, а меня бессердечно
предала ты тяжелой, суровой беде...
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

Ныне духом окреп я — и больше не буду
горевать и стонать о душистых кудрях,
Сердце алою кровью не будет сочиться,
если вспомню о сладких рубинах-губах.
Ты ведь мне не верна, и при мысли о прежнем
не появятся слезы в печальных глазах...
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

Ты терпенья меня и покоя лишила
обещанием новых пленительных встреч,
Жажду глаз моих ты утолить не желала
и решила меня на разлуку обречь,
Словно я — Физули, озлобленное время
не устанет меня злою мукою жечь.
О жестокая, где же святые обеты,
где любовный союз, что связал нас с тобой?

К о н е ц г л а в ы

Когда закончились пера страданья,
Вручил он Зейду горькое посланье.

И, окрыленный скорбным тем письмом,
Зейд полетел обратно голубком.

Вот у высокого порога храма
Он вызвал, скрыв своей облик, Ибн-Салама.

«Я маг, — сказал, — гадаю по рукам». —
Его радушно встретил Ибн-Салам.

Когда сказал он Зейду про печали,
Что жизнь Лейли несчастной омрачали,

Зейд молвил: «Исцелить ее могу
И для нее молитву берегу».

Поддавшись на обман, его поспешно
К Лейли препроводили безутешной.

И вот когда увидел Зейд Лейли,
Цветы высоких целей расцвели.

Зейд на Лейли свой взгляд безмолвно вскинул,
И, с места встав, к Лейли посланье вынул.

Письмо Меджнуна он обლობызал,
«Молитва здесь», — склонившись, он сказал.

Лишь передал письмо волшебник мнимый,
Лейли узнала: пишет ей любимый!

Увидела она: записка та
Молитвам Амра с Зейдом не чета.

Взглянула на письмо, поднявши вежды,
Изорвала своей души одежды.

Решила: «Это бог послал мне сам!» —
И приложила письмецо к глазам¹.

¹ Приложить письмо к глазам — знак почтения и повиновения.

Чтоб жемчуга из моря глаз всбрало,
Рубины сердца влажные¹ вшитало,

Чтоб этих драгоценных камней клад
Его умножил цену во сто крат.

Рассыпав жемчуг, в глуби глаз укрытый,
Она прочла листок, слезой облитый,

И каждый поняла она намек
И каждый скрытый поняла упрек.

Ей причинило боль посланье это —
И вот приспело время для ответа.

*От Лейли к Меджнуну ответные строки,
ее просьбы, мольбы и упреки*

так она вела своим пером:
«Письмо во имя бога мы пачнем,

Воздвигшего союзов брачных зданье,
Дарящего детей и достоянье,

Творца вселенной в древние года,
Кем начата явлений череда,

Владыки на престоле небосвода,
Кем вечно украшается природа!

Письмо несчастной женщины одной,
Письмо Лейли, утратившей покой,

Высоко вознесенному Меджнуну,
Несчастьем изнуренному Меджнуну.

Шипы — твоя постель, ковер твой — прах,
Ты счастьем забыт, глаза — в слезах.

Меня ты укоряешь справедливо,
Сношу я все укоры терпеливо.

Но разве мало мучит горький стыд
И совесть, что мгновенья не молчит?

Себя признала я давно виновной, —
Так пусть меня простит твой суд верховный.

Ведь покупают, продают Лейли,
Купцы меня жемчужиной сочли.

И этот торг мне небом был навязан, —
Мой покупатель не был мне показан.

Когда б я над собой была властна,
Я лишь с тобой была б обручена.

Да, я достойна горького укора,
Все ж от меня не отвращай ты взора!

Ведь я не жемчуг, чтобы ювелир
Спешил меня купить, забыв весь мир.

Пред Ибн-Саламом, плача и горя,
Ночной свечой и солнцем дня горю я.

Но он издалика мой видит свет,
Меж нами близости супругов нет.

Лишь издали лучи мои сверкают,
Вблизи мои лучи его сжигают.

И ты не думай, что довольна я, —
В тенетах бед живет душа моя.

Я даже выйти из дому не смею,
Себя ударить силы не имею.

А если вдруг расплачусь, то должна
Предлог придумать, чем огорчена.

Тоскуя по родителям, стенаю,
Друзей и родичей я вспоминаю.

То будто рассердилась на швею,
Хочу одежду, мол, порвать свою:

Подол-де плохо сшит, малы карманы,
Тут недостатки есть и тут изъяны!

Когда тебя хочу увидеть вновь,
Увидеть, как живет моя любовь,

То к роднику тогда я отправляюсь,
Как будто в омовении пуждаюсь, —

Снимаю там одежды, а потом
Я спутываю волосы над лбом,

И, глядя на свое же отраженье,
Я вижу в нем твое изображенье.

Я не пошу чужие жемчуга
И не лобзаю своего врага.

От ветра только шея ждет касанья,
А губы ждут от воздуха лобзанья.

Как душу в горе сохраню моем?
Я сражена страдания мечом!

Мне саван — красный полог тот постылый
Не замуж вышла я — взята могилой!

День и ночь от укоров твоих горько плакала я, Физули;
Но и слезы и вздохи мои уничтожить любовь не могли, —
И лекарства от скорби моей не найдется в пределах земли. —
Разве мало мне бед от судьбы, чтобы мучил меня даже ты?»

Конец главы

Поведав слово скорби сокровенной,
Она сказала: «Лекарь совершенный!

Ты спас меня молитвою от мук,
Печаль исчезла, кончился недуг.

Что предписал ты — мне всего полезней.
Молитва исцеляет от болезней.

Свою молитву каждый день пиши,
Чтобы сберечь мне тело для души.

И у себя письмо нашла я тоже —
Возьми его и посмотри построже,

Ошибок не содержит ли оно,
Ведь мне самой заметить мудрено,

Его улучшить приложи старанье,
Исправь погрешности правописанья».

Письмо с почтеньем Зейду подала, —
Теперь его завершены дела...

Меджнуна охватил восторг великий.
Он жемчуг получил за сердолики!

О, как он рад был этому письму.
Подарку от его Лейли ему!

*Отец Меджнуна дает ему совет,
но
не может избавить его от бед*

уж, сей рассказ нам изложивший славный
Такой дал очерк буквице заглавной:

Отца, чьей скорби не было конца,
Меджнуна изнуренного отца,

День ото дня тоска все жгла жесточе,
И дня не мог он отличить от ночи.

Всю власть старик утратил над собой,
Утратил радость днем, а в ночь — покой.

Не находя в печали утешенья,
Не мог принять он ясного решенья.

Однажды рассказали старику,
Понякшему в печали старику:

«Вчера отец Лейли — богач презренный,
Невежественный, черствый и надменный,

Так пред главою рода, что есть сил,
Несчастливого Меджнуна поносил.

«Безумный тот Меджнун перед другими
Позорит наше племя, наше имя.

Он нам беду несет который раз!
Так он навлек Ноуфала гнев на нас.

Пока Меджнуна рок не уничтожит,
Он пашу честь легко похитить может.

В природе злой всегда живет беда;
Должны мы быть настороже всегда».

Ведь дело здесь в твоей, не нашей чести,
Он враг — его ты опасайся мести.

В твоём несчастье — польза для врагов, —
И ты к их нападеью будь готов.

Сын — не чужой тебе; его жалея,
Предупреди намеренья злодея».

Старик, в пучину горя погружен,
Был этой страшной вестью поражен.

И вот побрел он, одинок, в пустыню.
Нет, побежал он, как поток, в пустыню;

Хоть вел его ручей кровавых слез,
Нигде следов Меджнуна не нашлось.

Когда же свет дневной сменен был ночью,
Когда весь мир земной пленен был ночью,

Примет не мог он различить сквозь тьму,
И стало тяжело идти ему.

Он брел, кружил, немало сделал петель,
И вдруг он огонек вдали заметил!

И старец к огоньку смелей побрел,
Как будто ночью светлый день обрел.

Решил: «Там, верно, родственное племя...
Костры разложены в ночное время...»

Как мотылек, он на огонь летел,
Все пристальней и пристальней глядел...

И видит: тот огонь любовь раздула,
От вздохов он, а не от саксаула.

И оказалось, то Меджнун вздыхал,
И пламень вздохов тот не затухал.

Отрекся от земного он предела,
От головы и глаз, души и тела.

Он власти и богатств не стал искать, —
Совсем забыл он и отца и мать...

Умчали ветры листья доброй славы,
Он от судьбы последней ждал расправы,

Старик, увидев сына своего,
Кровавою слезой омыл его.

Сел, плача, и, терзаем злой тоскою,
Стер пыль с его лица своей рукою.

Тот околдованный взглянул в слезах,
Спросил: «Ты кто? Не вижу я впотьмах.

Ты от нее? Тогда давай посланье,
Луны прекрасной доброе сиянье.

А если ты прохожий человек,
Тогда ищи себе другой ночлег».

И начал так старик свои советы:
«О ты, кем дни мои всегда согреты!»

Ты — светлый жемчуг ночи, я — ларец,
Измученный страдалец, твой отец.

О урожай посева жизни зрелый,
Отрада и услада жизни целой!

Ты — воздух, а душа моя — алмаз,
Алмаза блеск без воздуха погас...

О свет очей родительского счастья,
Светящий мне и в ведро и в ненастье!

В тебе найду опору — так я мнил,
Источник чести, гордости и сил.

Когда престол наш опустеет славный,
Все припадут к твоей руке державной.

Тебя увидев, вспомнят облик мой,
Навек прославлен буду я тобой.

Но с детства, опьяненный, безрассудный,
Ты по пустыне стал бродить безлюдной.

Ты по пути любовному бродил,
И мир тебя простил, не осудил,

Ведь в каждом возрасте свои веленья,
И не всегда на все есть позволение.

В любви и благо можно почерпнуть,
Любовь для юных — к совершенству путь.

Теперь твой разум стал острее и строже,
Способен жить ты, совершенства множа.

Пора покончить с этою бедой,
Чтоб слухи не чернили образ твой.

Ты нерадив был — будь же ныне дельным,
Не предавайся странствиям бесцельным

Скажи — зачем ты дружишь со зверьми,
Ужели не приятней жить с людьми?

Зверь зверю брат, а птице родич — птица,
Друг с другом им и свойственно водиться.

О, пожалей несчастного отца,
Которого страданьям нет конца.

И так мой мускус камфарой стал белой¹,
О солнце утра, мне вреда не делай!

Мой стан согбен, о сын любимый мой,
И, значит, мне пора уж на покой.

Я времени раздавлен игом злым
И скоро с миром подружусь загробным.

¹ То есть я поседел.

Тебя хочу я в сани утвердить
И на ковер узорный усадить.

Не нужно постоянно опьяняться,
Сын, идолам не нужно поклоняться.

Сверх меры опьянение любя,
Ты, сын мой, изуродовал себя.

Когда к тебе на миг вернется разум,
Своей ты жизни устыдишься разом.

О мой кумир, поклонник суеты,
Когда же кончишь опьяняться ты?

Неправедно живешь ты, неприглядно,
Постыдно, неприютно, безотрадно.

Себя красавице отдать сумей,
Известной всюду верностью своей,

Чтоб, если на дороге горы пыли,
Ее одежды все же чисты были...

Та соколица сядет поутру
К тебе на перст, к другому — ввечеру.

Считая ложь особою заслугой,
Она чужой теперь слывет подругой.

Ты у страданья тяжкого в плену;
Она твоим врагам несет весну.

Ты лучше этот бред оставь любовный,
И душу ты в печи не плавь любовной.

К тому же не навек нам жизнь дана.
Представь: любимая — твоя жена, —

Придет разлука — рано или поздно, —
Нет, лучше, не сливаясь, жить с ней розно.

Оставь же ты бродяжничества путь,
О бзге помни, о другом забудь.

В конце концов душа пребудет с богом,
Бог — слово, будь же с ним ты каждым слогом.

Непослушанья богу нет страшней,
Бог создал время, мастерскую дней,

И тем, кому на то пора приспела,
В той вечной мастерской найдется дело.

И каждому из смертных по делам
Воздаст награду старший мастер там.

Входящий в мировую мастерскую,
Потрать лишь на добро ты жизнь земную!

Сын! Мне из мира уходить пора, —
От бренной жизни уж не жду добра.

Пора времен оставить быстротечность,
Достойно отпести пожитки в вечность!

Прислушайся, мой сын, к словам моим,
Богатств моих не отдавай чужим:

Я собирал их, рук не покладая —
Ужели все возьмет рука чужая?

Твоя любовь, поверь, не навсегда,
Настанет день — и кончится беда.

Когда твоя судьба от сна проснется
И пыл от долгих поисков уймется,

Боюсь, в другом я буду бытии,
Исчезнут и богатства все мои,

А ты, несчастьем угнетен жестоким,
Останешься навеки одиноким.

Итак, будь дальновидней и умней,
Предвиденье — опора наших дней».

Мудрец умолк. Недаром он старался, —
Меджунун его словам на миг поддался,

И, чтоб его не смели упрекнуть,
Решил вступить он на разумный путь,

Порвать все путы гибельной напасти,
Не быть рабом своей безумной страсти.

«Мечты любовные, — решил он, — тлен»,
Решил любви покинуть вечный плен.

Но стран любви безжалостный владыка
Смирил Меджнуна силою великой.

«О мне принадлежащий целиком!
Что твоего в имуществе твоём?»

Души не тронь — она мое владенье,
Не тронь и тела — то мое именья.

Теперь мне душу с телом дай твоим
И поступай как хочешь с остальным».

Кровь у Меджнуна в жилах закипела,
Душа в нем соловьиная запела:

«О ты, вещатель истины святой,
Ты, что изгнать недуг желаешь мой!

С твоею речью я вполне согласен,
Я вижу — каждый твой совет прекрасен.

Была бы мне твоя полезна речь,
Когда б я ею мог не пренебречь!

Мне б слушаться тебя всегда и всюду, —
Но я, что ни услышу, то забуду.

Как речи я запомню существо,
Коль я себя не помню самого?!

Любовь всецело овладела мною,
Теперь не знаю я пути к покою.

Хотел бы разума признать я власть, —
Став на пути, мне заявляет страсть:

«Меджунун! Не можешь ты любовь отринуть
Извечную любовь нельзя покинуть!»

Я угнетен, отец, моей виной —
Оставь меня, раз ты оставлен мной.

Давай свои благие наставленья,
Но знай, что мне не надо исцеленья!

Любовь моя поднимется — лишь тронь! —
Как ветром раздуваемый огонь.

Ведь мы всегда разбить стекло сумеем,
Однако же разбитого не склеим.

Зачем меня зовешь обратно в дом?
Взгляни, как мчится время колесом!

Коль ты уйти от времени желаешь,
Зачем меня на свете оставляешь?

Даешь богатство мне, меня любя,
Представь, что сын твой заменил тебя,

Стал твоему богатству он радеть,
Но он уйдет — придет чужой владетель».

Царь, кем горда любовная страна,
Зенит страданий, горестей луна,

Вздыхая, умоляя о прощенье,
Отцу поведал про свои мученья.

Вдруг тело сына скорчилось от мук,
И засочилась кровь из тонких рук.

Отец смущенный с рук не сводит взгляда,
Меджнун ему: «Отца, скорбеть не надо:

Пустили кровь кумиру моему,
Ножом разрезал руки врач ему.

Но боль любимой и меня задела,
У нас душа одна лишь на два тела.

Двоичности сердец исчез-и след,
У каждого — души особой нет.

Ведь я — Лейли. Она — одно со мною:
Живут два тела лишь одной душою.

Любимой хорошо — доволен я,
Любимая страдает — болен я».

Старик, сыновье увидав упорство,
Решил: здесь не простое непокорство.

Он понял — не простая прихоть тут,
С любовью хитрым быть — напрасный труд.

Итак, отец оставил уговоры,
Упреки он оставил и укоры

И сыну, плача и скорбя, сказал,
Ему, лишь истину любя, сказал.

*Отец Меджнуна от спора отвергается
и,
полон тоски, с сыном прощается*

частливой нашей доли жемчуг чистый!
О ты, зеркало нашей веры истой!

Лишь об одном мечтает твой отец:
Чтоб выслушал его ты наконец.

О сиром позаботься хоть немного —
Ведь ждет меня неблизкая дорога.

Нарушил я блаженный твой покой,
Так счастлив будь — расстанусь я с тобой.

Но только на меня не надо жалоб,
Обид твоя душа не вспоминала б.

Пока был жив я, был упорен ты,
Умчался в степь, был непокорен ты.

Прошу, великодушен будь отныне
И старика оплачь хоть по кончине.

Хотел бы я, чтоб в горе и слезах
Хоть иногда ты навещал мой прах.

Тебе, мой сын, веселье неизвестно,
И звать к веселью было б неуместно.

Но жизнь твоя — ведь это вечный плач,
Так скорбь по мертвом плачем обозначь!

Плачь, как велело прежнее страданье,
Но думай — это обо мне рыданье.

Пусть и враги узнают и друзья,
Что смерть тобой оплакана моя,

Чтобы меня оставленным не звали,
Чтоб о моем наследнике все знали».

Наследнику оставив свой завет,
Ушел, согнувшийся под ношей бед.

Его тоска и горе сокрушили,
Источник света жизни иссушили.

Бальзам для скорби не был обретен,
И вот, сказав: «Меджнун», скончался он.

На мир наш бранный уповать не нужно,
Живым о смерти забывать не нужно.

Наш мир — для радостей удобный дом,
Непрочно только основание в нем.

*Меджнун узнает, что скорби отца сломали,
и
горюет на его могиле*

кравчий, где вино под цвет тюльпана,
Похмелья чад утонет в чаше пьяной . . .

Где, где, скажи, пурпурное вино?
От горя тайного спасет оно!

Спаси меня от гнета дней унылых,
Мне помоги, пока помочь ты в силах.

Бесценная красавица — наш мир,
Но берегись — изменчив тот кумир.

Бывает, к ней стремишься ты влюбленно,
Она — к тебе стремится неуклонно.

От глупости пылание твое,
От разума желание ее.

Пока ты у нее в гостях бываешь,
Ты радостен, забывши страх, бываешь.

Когда ты от нее решишь уйти,
Чтоб истину навеки обрести,

Иль ты лишен природного стыда,
Пред богом не краснеешь никогда?»

Меджнун, словами этими сожженный,
Печальные свои умножил стоны.

Как дождь, он бился об уступы скал,
И слезы лились, как вино в фиал.

Узпал он, где лежит отец несчастный,
Пошел туда, влекомый силой властной...

И вот перед могилой он родной,
Измученный, пред ней он стал свечой.

Скорбь фитилем скрутила стан жестоко,
Огонь родило сердце, слезы — око.

Плиту он сделал из груди своей,
Ногтями надпись начертал на ней.

Прильнувши лбом к плите могильной, хладно
Он стал вдыхать могильный воздух жадно.

Со стоном он молитву прочитал,
С поклоном он печально прошептал:

«О дней моих начало и основа,
Твой гнев — урон, барыш — благое слово.

Не счел за благодать я твой совет,
Теперь что делать, коль потух твой свет?

Как жаль, что я не шел твоей дорогой,
Совсем не знал твоей опеки строгой.

Теперь я не могу поднять чело, —
Ты вел меня к добру, я делал зло.

Ты был моей жестокостью измучен,
А я блуждал, тобою не научен.

О счастье, не нужно уходить,
О дивный светоч, продолжай светить!

Когда сражен я был мирским недугом,
Заботясь обо мне, ты был мне другом.

Ты бедствиям сопутствовал моим,
Ты горестям сочувствовал моим, —

Что ж ты не перенес моей кручины?
Иль страшной испугался ты пучины?

Зачем из мира ты ушел, скорбя?
Иль я так тяжко оскорбил тебя?

О ты, источник дней моих теченья!
Лишь в счастье твоём — мое спасенье.

Я осознал — на мне вина лежит,
И я пришел: меня терзает стыд.

Вверг в зло тебя я в мире быстротечном,
Ужель меня презришь ты в мире вечном?

Я жертва негасимого огня,
В пучину скорби бросил ты меня.

Покая, воли пожелав, достойный,
Ты удалился в уголок покойный.

Кто затруднения все твои решил,
От горя спас, печали облегчил?»

И так всю ночь тот пленник злой разлуки
Скорбел, рыдал в своей сердечной муке.

Когда на мускус села камфара¹
И свет проник в глубь мрачного шатра,

Он вновь обрядам скорбным предавался
И на кладбище неждском убивался.

Конец главы

Великие открыли мудрецы:
Любовь и красота — суть близнецы.

Мир отраженье в красоте находит,
Любовь на то зеркало блеск наводит.

Любовь без красоты для нас темна,
Но лишь с любовью красота нежна.

Нет красоты — любовь немного стоит,
Лишь в красоте она себя раскроет.

Коль нет любви — не ценят красоты,
А есть — тогда о ней лишь все мечты.

И если был Меджнун свечой собранья,
Лейли была источником пыланья.

Меджнун был чашей, радующей взгляд,
Лейли — вином, усладою услад.

Меджнун взял у Лейли все совершенство,
От красоты росло любви блаженство.

А красота Лейли — Меджнуна дар,
Лелеял красоту любовный жар...

... Бродил Меджнун однажды, изнуренный,
В пустыне, долгим плачем утомленный.

На камне два рисунка встретил он —
Меджнуна и Лейли заметил он.

Тогда он очерк стер своей любимой,
Оставив свой, пустынею хранимый.

Спросили: «Что тобой совершено,
Зачем из двух оставил ты одно?»

Ответил: «Мы с Лейли одно создание,
Единому зачем два начертанья?»

Разумный человек найдет ответ:
В нас двойственности больше нет примет».

Спросили: «Разве поступил ты честно?
Остался ты, любимая — безвестна!»

Зачем ты здесь, когда любимой нет?
Ее рисуй, а свой ты стер бы след!»

Ответил: «Было бы не объяснимо,
Когда влюбленный был бы скрыт любимой!»

¹ То есть когда ночь (черный мускус) сменялась днем (белой камфарой).

Влюбленный — тело. А она — душа,
Когда же в теле нам видна душа?

Пусть будет лик возлюбленной за скрытым,
Влюбленный же пусть будет знаменитым:

Когда влюбленный слез потоки льет,
Он миру о любимой весть дает».

*Меджнунна с свершенные черты
и
достоинства его чистоты*

еджнун был царь страны земных печалей,
Меджнунна войско звери составляли.

С газели в дань он мускус получал,
А соболь шкуру в дань ему вручал.

Меджнун был справедливым государем,
Великодушен был ко всем он тварям.

Тот, чья всегда верна была любовь,
Свою зверям кровавым отдал кровь.

Тек из его очей поток багряный,
И всех зверей кормил он неустанно.

И хищники и покорною толпой
С ним жили, не воюя меж собой.

Там тигры и онагры мирно жили,
И волки там с оленями дружили.

Козленок молоко, не оробев,
У львицы пил; дружил с косулей лев

А муравьи дома себе лепили,
Не ели зерен — слезный дождик пили . . .

Но очень часто слезы из очей
Лились потоком, унося зверей.

Горел он иногда, скорбя жестоко,
И звери обжигались издалека . . .

На голову себе он сыпал прах, —
Лопата — каждый поготь на руках.

И слезы перемешанные с пылью,
Служили почвой дивному обилью.

Для ланей был он как цветущий луг,
Коль не хватало им лугов вокруг.

Когда он ощущал к оленю жалость,
То столько слез, бывало, проливалось,

Что много сочных листьев и плодов
Рождалось, будто в зелени садов.

С улыбкой брал змею нередко в руки
И говорил тот мученик разлуки:

«Я пряди непокорные нашел,
Я гиацинты черные нашел».

И, словно смелый барс, пятнистым был он,
И, как могучий лев, когтистым был он.

Так львов путеводителем он стал,
Так барсов покровителем он стал.

И солнце закатилось; звезды-свечи,
Открыв глаза, искали место встречи.

Копьем своим едва блеснул Бахрам,
И сразу покорилась область Шам.

Оделся в черное Бурджейс печальный:
Свершить обряд над солнцем погребальный.

Круг неба зеркалом блестящим стал —
И начал в зеркало смотреть Зухал.

Мисмар на небосводе укрепился —
Стелить ковер свой черный торопился

Овен у горних стал гулять дорог,
Стал на лугу резвиться Козерог.

Телец стал мускусным быком отважным,
Наполнив луг благоуханьем влажным.

Сиял в алмазах пояс Близнецов,
А пояс неба — в тысячах цветов.

Не вынес ветер нападения Рака,
Бежал он; укрепилось царство мрака.

От солнца удалился Лев, урча,
Дымя, как догоревшая свеча.

Изящно Девы кудри умастили,
Как будто мускус амброй навощили.

И небо, коромысло взяв Весов,
Отвесило земле горсть жемчугов.

И Скорпион, схватив конец аркана,
Душил Ночного дэва¹ неустанно.

Небесный Чародей², схватив свой лук,
Стрельнул падучею звездой вдруг.

И Козерог, обросши черной шерстью,
Покрывл страницы книги неба перстью.

Ведром, пронзенным тысячью скорбей,
На мир лил капли света Водолей.

Иону-солнце Рыба проглотила,
И молния все небо осветила.

Ахбаш повсюду разложил товар,
А Джабха — свет чела давала в дар.

В своем сиянье Хака красовалась,
Венцом алмазным Хана любовалась,

Шартейн, Бутейн, Самак, Аклил — чредой
Вручали небу свет свой золотой

Для Вариды, Садира, Наанма —
Чтоб тратили они неумоимо.

Жемчужный приготовили наряд,
Альдебаран и звездочки Плеяд.

Горели среди звездного пожара
Законы Мукаддама — Муаххара.

¹ Ночной дэв — название созвездия.

² Чародей — название созвездия.

Меджнун расстроен был и потрясен, —
Делам небесным поражался он.

На небо глядя жадными глазами,
Он полнил землю звездами-слезами.

Просил совета он у алых роз,
Ему являлись сотни странных грез.

Сперва он к Утариду обратился
И все поведал, чем он тяготился:

«Владыка мощный преданных сердец,
Вождь разума, мышления венец!

Ты, книгу мысли пишущий глубокой,
Стоящий у небесных тайн истока!

Желанья, цели ты установил,
Царей, владык на власть благословил.

Как много тяжких бед меня тревожит!
Их счесть твое искусство только может!

В письме к царице плач мой изложи,
Вручив письмо, мне милость окажи.

Пусть твой калам низвергнет все напасти
И исцелит безумного от страсти».

Когда Меджнун увидел: Утарид
Не может горьких исцелить обид,

От Утарида взор отвел упрямо,
Стал ожидать удачи от Бахрама:

«О славный на просторе боевом!
Ты, одолевший мир своим мечом,

Ты, в стольких славных битвах победител
И в мире совершеннейший воитель!

Я слаб, а враг мой — крепок и силен,
Я одинок, а враг — души лишен!

Будь милостив, несчастным помогая,
От одиноких горе устраяя!

Моих врагов безжалостно рази,
Чтоб от любимой мог я быть вблизи».

Но Утарид с Бахрамом не внимали —
Им были чужды беды и печали.

Он верить перестал в перо и в меч —
И к богу обратил смиренно речь,

Вперив свой взор в небесную обитель:
«Меча владыка и пера властитель!

Бахрам — твой раб, а Утарид — гонец,
Лишь ты один — создания венец.

О хлеба нам насущного податель,
Ты сжался над измученным, создатель!

Прошу я: сострадай моим слезам,
Дай сердцу твой живительный бальзам!

Лейли ты создал гурией прекрасной —
И вот ее красой сожжен несчастный,

Ты миру сотворил ее на плач, —
Она — и мой безжалостный палач.

Хотел ты, чтоб она мирам светила,
Она — огнем всю землю охватила!

Ты тяжким горем истерзал меня,
Лейли вонзает злой кинжал в меня.

Из за Лейли меня объяло горе,
Я погрузился в беспокойства море.

Но у нее нет чары колдовской,
Чтоб мне вернуть утраченный покой.

Лишь ты, небесного владыка царства,
От ран моих мне можешь дать лекарство

Лишь твой бальзам унес бы всю беду,
Целителя другого не найду.

О скорбью полонящий повелитель,
Где у меня другой есть попечитель?

О горе мудрецам поведал я,
Никто не знает, в чем болезнь моя!

И лишь в одном тебе я вижу друга,
Один лишь ты излечишь от недуга.

Болезнью поразив, ты лечишь сам;
Ты дал недуг, так дай теперь бальзам.

Мое блаженство совершенным сделай
И страсть мою навек лиши предела,

Чтоб мог я видеть лал небесный твой¹ —
И чистым стать, как этот лал, душой...

И пусть во мне Лейли увидит всякий —
Твой отблеск в нас пусть не блестит двойко².

Пусть вечно возрастает скорбь моя,
Питая вечно горечь бытия,

Пусть больше всех томят меня страдания:
Большая честь — такие испытанья.

Коль милой не увижу я моей,
Пусть гаснет свет измученных очей.

Коль не смогу я наслаждаться, мучась,
Пусть горькая меня постигнет участь...

Газель печального Меджнуна

Боже мой, ради правды, открытой великим пророком,
Ради светлых пророков, живущих на небе высоком;

Ради тех, что послал ты, чтоб истины свет возвестили,
Ради мира, что ты озираешь недремлющим оком;

Ради храма, в который чужие не смеют проникнуть,
Ради тех, что приходят под своды в волненье глубоком;

¹ Небесный лал — солнце.

² То есть Лейли и Меджнун одинаково отражают бога, так что нет надобности видеть одновременно их обоих.

Ради страха благого пред гневом господним ужасным,
Ради той благодати, что ты изливаешь потоком;

Ради гнета безжалостных дев, что терзают влюбленных,
Ради верности юношей, даже в страданье жестоком;

Ради той красоты, что вложил ты в Лейли благодатно,
Ради горя, терзаний Меджнула, согбенного роком;

Награди Физули счастьем бедной и горестной жизни,
За несчастья тебе он хвалою воздаст — не упреком!»

Продолжение главы

Так скорбно он молитвы возносил,
За муки воздаянья просил...

Раскрылась роза утреннего сада,
Явилось солнце, для людей отрада.

Запели птицы утренний напев,
И ворон мрака сгинул, улетев.

Сначала на востоке заалело,
Потом страница мира стала белой

И небо, взяв зеркало из огня,
Метало жемчуг на дорогу дня.

Об искренности утро говорило,
И роза радости — бутон раскрыла.

От щедрой чаши солнца в краткий миг
Джамшида пиром стал небес цветник.

Меджнун тюльпаном поднялся на горы
И, горько плача, оглядел просторы:

И видит — Зейд подходит, давний друг, —
Поверенный его сердечных мук.

Улыбка на лице была такая,
Что красотой он озарял, сверкая,

Лицо изображало торжество.
И удивил Меджнуна вид его.

Сказал Меджнун: «Ты весел безгранично,
Но для тебя веселье необычно.

Или конец мучениям твоим?
С любимой дышишь воздухом одним?

Скажи, какую ты изведал сладость,
Откуда у тебя такая радость?»

Рассыпал жемчуг Зейд: «Внемли, Меджнун,
О счастье всем несущий гамаюн!

Вчера пошел я в дом твоей любимой —
Увидеть кипарис, судьбой хранимый.

Сказал, молитву надо передать,
А сам успел кумир твой повидать.

Увидел я ланиты без сиянья
И красоты зеркало без сверканья.

Нет влаги на рубиновых устах,
Нет лунного блистания в чертах,

Жемчужинами лалы украшает¹,
Росою розы лика орошает.

Меня узрев, заплакала сильней
И мне сказала: «О венц друзей!

Быть может, ты пройдешь пустыней Неджда,
Того увидишь, в ком моя надежда.

И, если с ним ты встретишься в пути, —
Страдалицу о том оповести!

Как жизнь его печальная проходит,
Здоров ли он, и с кем он дружбу водит?

И если только будешь в тех краях,
То помоги измученной в скорбях!

Скажи ему, как я живу, рыдая,
Спроси про все, что знать хочу, страдая.

Спроси, как сносит он несчастий спор,
Гнет жизни и мучений заговор.

Он по отцу скорбит? И я немало —
Меджнуну передай — о нем рыдала.

Скажи ему: «Покинув этот луг,
Тот кипарис меня покинул, друг!

Мечтал отец твой, не смыкая веки,
Чтоб мне твоей подругой быть навеки.

И небо отняло у нас его —
Средь вражьих тысяч друга одного.

Насилье это страшно и жестоко,
Но можем ли сломить мы волю рока?

И как ни тяжела бывает скорбь, —
Терпи, спины в отчаянье не горбь.

Ты знаешь — я томлюсь в глухой темнице
Моя же честь велит мне так томиться.

Когда свече открою тайну я,
То мне страшна бывает тень моя.

А если тени сердце я открою,
Боюсь, что буду предана свечою.

Предлога для письма я не найду, —
Подруге не могу раскрыть беду.

Я — что бутон, уста мои закрыты,
Кровь бьет из сердца. Нет нигде защиты.

А ты в стране свободы царь царей,
Свободно выбираешь ты друзей.

Вслед за рукой, ты как перо, не ходишь,
И где душе угодно, там и бродишь.

Так что ж молчанью твоему виной?
Сказать бы нам ты должен, что с тобой?

Стихи твои прекрасны и волшебны,
А речи упоительно целебны.

¹ То есть льет слезы (жемчужины) на щеки (лалы).

Так почему же мне не пишешь ты?
Иль жалобы моей не слышишь ты?

Свою ошибку должен ты исправить,
От горя тяжкого меня избавить.

Про жизнь свою мне расскажи в стихах
И о кровавых расскажи слезах.

Письмо пришли мне, мученик унылый,
Чтоб я его, как жемчуг, сохранила.

Чтоб тем письмом гордиться я могла,
Чтоб на него молиться я могла;

И чтоб стихи все муки и печали,
Как в верном зеркале, отображали».

Так, жалуясь на боль свою и грусть,
Газель она твердила наизусть:

Газель нежной Лейли

Когда же мускус благовонье прольет над бледною
свечой?

Ах, сколько счастья мог он дать мне одной лишь восточкой
скупой!

Мой друг ко мне немилосерден, враги клеветуют на меня.
А был бы милостив — унял бы он этот вражий ропот злой.

Глаза мои, не наслаждаться вам друга красотой в письме,—
Ведь не смягчит красивый почерк разлуку с милой красотой!

Ждала я голубя с известьем, но он, несчастный, услышав,
Как я вздыхаю, испугался, — сюда полет не правит свой.

О Физули, любимых письма — для нас волшебный
талисман,
И без него сердца больные никак не обретут покой.

Конец главы

Услышав строки нежного упрека,
Меджнун уже не стал страшиться рока.

Уверился он в счастья своем,
Узнав, что милая скорбит о нем.

Кровавых слез потоком орошенный,
Расцвел цветник его души влюбленной.

Лицо его свечою занялось,
Горой его довольство поднялось.

И он сказал: «Мой друг благословенный,
Мне, дикарю, союзник неизменный.

Доставил ты, мой друг, благую весть,
От милой сердцу дорогую весть,

Ей передай мое благословенье,
Мое приветствие, мое моление.

Доставь мою молитву ей в чертог
И расскажи ей, как я изнемог.

«О ты, чьи губы дарят другу радость,
Свеча очей, души несчастной сладость,

Подруга, бог тебя благослови,
Всегда достойна ты моей любви.

Ты, наконец, сдержала обещаенье —
Мне облегчила горькое страданье.

Любовь твою воочью вижу я,
Благословенна будь душа твоя!

И я теперь забыл пути к покою,
Лишен теперь я власти над собою.

Душа моя горит все горячей, —
Не вынести мне сладостных речей.

Молю я бога, чтоб, утратив жалость,
Ты никогда уж больше не менялась,

Чтоб горечь не сменяла сладость слов,
Чтоб гнев исчез, — жила одна любовь.

Красавицам знаком лишь гнет безмерный,
А ты душою засияла верной.

Красавицы лишь прах у ног твоих, —
Ты совершенней тысячи других.

Кто в верности с тобой сравниться может?
Кто вверился тебе — тех страх не гложет.

Ты верность проявляешь вновь и вновь
И не стыдишься за свою любовь.

Меня «влюбленным» все зовут напрасно:
И это слово с правдой не согласно.

И совершенным звать меня нельзя:
Лишь для тебя любовная стезя.

Подобной нет тебе — то непреложно.
Тебе — душе — отдать и душу можно.

Другой такая нежность не дана,
Таких, как ты, не знают времена.

Когда б тебе была другая равной,
На весь бы мир ты не могла быть славно!

Я счастлив тем, что помнишь ты меня,
Будь счастлива, меня в душе храня.

Меня, страдальца, вспоминай почаще —
И жизнь тогда мне будет много слаще.

О стройный кипарис, о роза роз,
Кому ступить покой мой удалось!

Владычица прекрасного цветенья,
Луна в ночи веселья и забвенья!

Когда ко мне ты милостива так
И мне любви моей вручаешь знак, —

Иди и дальше по стезе любовной
И о дороге позабудь греховной.

Душе моей уйти не позволяй,
Пусть стон и плач не льются через край.

Склонись к тому, кто бедами терзаем,
Зачем пренебрегаешь этим краем?

Коль ты мне друг, то близкой будь со мной,
А недруг — то пройди хоть стороной!

Ведь ты в блаженстве пребываешь нежном, —
Я предан горю и скорбям мятежным.

Ты веселишься в радостном кругу,
А я снести мученье не могу.

Но на стезе любви возможно ль это?
Ужели в том есть верности примета?

О верности ты правду ль говоришь?
Тогда зачем ты от меня бежишь?

Пусть капут в омут бедствия разлуки,
Причины и последствия разлуки!

Должна ты днем и ночью быть со мной;
Я — твой; другому ли владеть тобой?

Но если Ибн-Салам мешать нам будет
И путь свиданья преграждать нам будет,

То дай мне знать, и мы с тобой вдвоем
Трон злого рока вздохами сожжем».

Когда он клад раскрыл, в душе таймый,
Зейд снова в путь пошел к его любимой.

Свече он молвил слово мотылька,
Весть соловья прочел средь цветника.

*Ибн-Салам из мира уходит своей чередой,
и
Лейли прощается с бедой*

кравчий, как вертится небо наше!
Как пузырьки вина крутятся в чаше!

Чудесная алхимия — вино:
Из праха золото творит оно.

Вино спасает, — и того довольно, —
Когда нас мир терзает очень больно.

С вином — наш мир считай пустой мечтой;
Души не услаждай пустой мечтой.

Природа времени непостоянна,
Боятся мудрецы его обмана...

... Печалью по усопшим заболел,
Глашатай неба начал так напев,

Что Ибн-Салама небосвода сила
В мишень для стрел Меджнуна превратила.

Чтоб меж друзьями не было преград,
Лить слезы каждый из двоих был рад.

Так Ибн-Салам, бессильный раб несчастий
Страдал в своей неразделенной страсти.

Тоска любви, которой нет страшней,
Доводит до небытия людей.

И сила этой страсти без предела
В кольцо согнула Ибн-Салама тело.

Не мог ему дать силы талисман,
От горя пожелтел он, как шафран.

И предаи неизбывному томлению,
Лежал он, сходный с собственной тенью.

Здоровье ухудшалось каждый день,
Благих надежд исчезла даже тень.

Лекарства не нашлось для Ибн-Салама,
От горьких бедствий не нашлось балзама.

Нить жизни мученика порвалась,
Душа страдальца с вечностью слилась.

Кто, в мир придя, его не покидает?
Кто, совершенный, тленности не знает?

Уж так решило время издавна,
Что осенью сменяется весна.

Теперь предлог был у Лейли законный,
Чтоб вопли слышали ее и стоны.

И вот, скорбя о злой своей судьбе,
Лицо она царапала себе.

Она свои одежды раздирала,
Пред златным и простым равно рыдала;

Сломала троп, сожгла свой дом в слезах,
Свои наряды превратила в прах,

И мускусные кудри разметала;
Слыхало небо, как она рыдала.

Дало цвет скорби синий небо ей,
А пламя — пепел для ее кудрей.

Есть у арабов, говорят, обычай:
Коль муж становится судьбы добычей,

Год или два должна скорбеть жена,
Во власть рыланий тяжких отдана.

Лейли признала правильность обряда, —
Ведь были вздохи для нее отрада.

Как будто бы прощалась с мертвецом,
Рыдала ночью и стонала днем.

Скорбя и день и ночь неутомимо,
Она вернулась вскоре в дом родимый

Но у родных она скорбела вновь,
Лилась из сердца беспрестанно кровь.

В душе своей она не раз упрямо,
Рыдая, поминала Ибн-Салама:

«Да будет Ибн-Салам превознесен, —
Любовь мою еще возвысил он.

Он с уст моих печать сорвал кончиной,
И мир теперь знаком с моей судьбиной»¹.

Узнав, как неба повернулся круг,
В пустыню Зейд пошел, как верный друг.

Увидел он: Меджнун многострадальный
Среди зверей стоит один, печальный.

И рассказал Меджнуну верный тот,
Что сделал с Ибн-Саламом небосвод,

И добрую ему поведал новость:
«Соперник твой познал времен суровость.

Да, уничтожен Ибн-Салам судьбой, —
Лейли вернулась радостно домой».

- Меджнуну поразила весть такая,
Ее степя он принял и рыдая.

« Был Зейд его печалью изумлен,
И поразился плачу друга он. »

- Что значит смерть соперника? Удача!
Ее смеясь встречают, а не плача.

Тогда об этом он решил спросить,
На свет извлечь искомой правды пить.

Ответствовал Меджнун: «О друг мой верный,
Ведь эта смерть позор мне беспримерный.

¹ Скромность Лейли не позволяла ей при жизни Ибн-Салама открыто горевать — его смерть дала ей эту возможность.

Отдавший душу дорогой — блажен,
А не отдавший — взят пустыней в плен.

И дружба у меня к нему — не злоба,
Мы пламенно ее любили оба.

Но он, отдав ей душу, слился с ней,
Стал совершенным на стезе своей.

Я, грешный, не достиг того удела —
Тоска моей душою овладела.»

Газель

Влюблен лишь тот, кто душу любимой отдает, —
Любви совсем не знает, кто душу бережет.

Вручить любимой душу — вот высший долг любви,
А кто не отдал душу — не совершенен тот.

Кто отдал душу милой — и вечный мир вкусил,
Не лучше ль тех, чью душу разлуки скорбь гнетет?

У мотылька влюбленный пусть учится любви, —
Ведь мотылька лишь пламя смертельное влечет.

Ничтожен тот, чья вечно блаженная любовь
Походит на источник живых, блаженных вод.

Недуг любви лекарством никто не исцелит,
И, лишь отдавши душу, спасешься от невзгод.

Не хвастай, будто душу вручил любимой ты, —
Тем Физули лишь славен — и горд им небосвод.

*После кончины Ибн-Салама Лейли страдает
и
по юдоли вдовьего горя блуждает*

Когда Лейли вступила в дом отца,
Она все поминала мертвеца.

Все горше делались ее рыдания,
Все множила она свои терзанья.

Она звала страдающих людей,
Невольников печали и скорбей.

И с ними пела свой напев печальный,
Обряд возобновляя поминальный.

По Ибн-Саламу плакала она,
Печалью о Меджнуне лишь полна.

В честь одного напев ее угрюмый,
Вознесена к другому скорбной думой.

Хоть Ибн-Салама имя на устах,
Другое имя в пламенных мечтах,

И потому в печали безысходной
Красавица могла рыдать свободно.

И ужас пред такой бедой тая,
Недолго с нею пробыли друзья,

И лишь свеча осталась с ней, бедняжкой,
Но и свечу задул вздох боли тяжелой.

«Зачем хранить мне, — думает, — свечу,
И вздохами я молнии мечу?»

И, одинока, предана рыданью,
Так обратилась к горю и страданью:

«Страданье, горе! Прочих бременя,
Одну оставьте в эту ночь меня!

Я к одиночеству легко привыкну,
А вам двоим других друзей я кликну!»

Но, увидав, что бедам нет границ,
Лейли упала перед ночью ниц:

«Ты, черная, судьбе моей подобна:
Меня, твою рабу, гнетешь ты злобно!

Тебе неведом раньше был покой,
Поспешно путь ты совершала свой.

Теперь покоя стала ты добычей,
Зачем ты изменила свой обычай?

Или в пути ты до конца дошла?
Или тебя с дороги сбила мгла?

Иль плакальщица ты в одежде черной,
По ком, скажи, ты плачешь столь упорно?

Дух гибнет в мире бедствий и тревог,
Несчастий затопил меня поток.

Стрела небес разит меня жестоко,
Меня сурово мелет жернов рока.

Стал мир жилищем ночи в эту ночь,
А я в беде. Кто может мне помочь?

Исчез покой мой, я терплю мученья,
Не знаю я моей судьбы решенья.

Как скорпионы, в жалах яд храня,
Терзают звезды, бедную, меня.

Покрыто ржавчиной зари зеркало,
И благодати утренней не стало.

Иль, утро, список бед твоих велик,
Что ты не хвастаешь, не кажешь лик?

Коль радо ты — засмейся, не печалься,
Коль есть в тебе любовь — помилуй, сжался.

Пусть вторит мне петух, от скорби пьян,
Пусть вторит скорбной песне барабан;

Пусть защебечет утренняя птица,
Пусть мир твоей зарей озолотится!»

И долго длился неумолчный стон —
Повествовал о тяжком горе он . . .

Но и заря помочь ей не хотела,
Дать утешенье ночь ей не хотела.

И обратилась бедная к тому,
Кто создал утра свет и ночи тьму.

И так она про свой недуг сказала:
«О знающий всех тайн земных начало!

Бескрайно море этих тяжких бед,
Но нет мне помощи, защиты нет!

Бессильна я, а мой недуг — безмерен.
Кто может в исцеленье быть уверен?

Иль дай мне стойкость в этих муках злы!»
Иль дай мученье в меру сил моих,

Когда я разорву подол терпенья,
Боюсь, что заслужу твою презренье . . .

Веленья сердца сделавши законом,
Погибну сразу в море бед бездонном.

Когда я стыд девический забуду,
Когда Меджнуну верным другом буду,

Утратить целомудрие страшусь,
Боюсь, что милости твоей лишусь.

А если честь я сохраню в страданье
И воздержусь от радости слиянья,

Меджнун опять опасен для меня,
Боюсь стенаний горестных огня.

Ведь стоны верных так сильны у бога,
Что их презреть — к несчастною дорога.

И я теперь не знаю, как мне быть,
Как горе и тоску мою избыть.

Никто на свете мне помочь не может,
Что день — меня тоска сильнее гложет.

Я в дом покоя потеряла путь,
С мольбой сердечной не к кому прильнуть.

Так напои меня вином забвенья
И скрой великодушно прегрешенья.

Меджнун мной околдован — говорят,
Цепями страсти скован — говорят.

Но я лишь только жалкая калеска,
Меня любить — достойно ль человека?

Всё я не больше, чем ничтожный прах,
Пылинка я на жизненных путях!

И страсть моя, что мне всего дороже,
И разум мой — твои создания, боже.

Тобой лишь красота моя жива,
Тобой дана мне сила волшебства.

На судный день свой клад невинной жизни
Хочу пести, не внемля укоризне.

Позволь явиться в твой небесный дом
С лицом спокойным, с поднятым челом.

Газель Лейли

О господи! Твоей великой славы
святым, нетленным зданьем заклинаю,
И лика Мухаммедова гореньем
и неземным сияньем заклинаю,

Корабль моей души, печали полный,
в любовном море потопа глубоком,
Тебя чрез Моисея, даным Хызру
высоким назиданьем, заклинаю.

Глухую ночь разлуки с милым сердцу
ты сделай утром сладкого свиданья,
Зарею лучезарной, благодатной
ее благим дыханьем заклинаю.

Пусть бесконечно множатся страданья,
что на стезе любовной мне достались,
Мученьем, на пути к тебе лежащим,
и горестным страданьем заклинаю.

Я, помощи не зная, заблудилась;
мне укажи к спасению дорогу,
Пророком, что людей на путь выводит,
его благодеяньем — заклинаю.

Всели в меня, о господи, терпенье,
позволь снести мне скорби и недуги —
Святыми, что тебе угодны были,
и вечным их терзаньем заклинаю.

Прими мои молитвы благосклонно
и внемли мне, как Физули ты внемлешь,
Молитвами достойнейших, которых
ты слушаешь с вниманьем, заклинаю!

Конец главы

Так длился этот стон Лейли печальной...
Вдруг слышит звон она, негромкий, дальный,

Потом все ближе колокольцев звон:
Шел караван. Стремился в Мекку он.

Шел караван священной дорогой,
А в паланкинах — луноликих много.

Лейли в свободный села палацкин,
Взяла с собой лишь горький стон один...

Ее любовь была вина хмельнее,
И тихо шла верблюдица, пьянея.

*Лейли рассказывает верблюдице о своей судьбе
и
к ее ногам припадает в мольбе*

верблюдица была опьянена;
Лейли сказала, горести полна:

«Ты, с шерстью мускусной, благоуханной,
Ты, добронравная, с душой медвяной.

Босая, с непокрытой головой,
Давно ль тропю ходишь кочевой?

На путь страданий кто тебя направил,
Кто на твоей груди клеймо поставил?

Кто над тобой насилне творит?
Что ты все время стонешь от обид?

Мне кажется, что ты любви причастна,
Коль так — твоим я другом быть согласна.

Ты плачешь о возлюбленном своем, —
Так, значит, плакать можем мы вдвоем,

Как я, своею ты не правишь долей,
Как я, чужой подчинена ты воле.

Раз мы, подруги, встретились в пути
Узнай, что к другу я хочу идти.

Ах, сотвори добро, меня жалея,
К Меджнуну отвези меня скорее.

К нему доставь добычу горьких мук,
Доставь к бальзаму поскорей недуг!»

И вдруг замолкла. Ослабело тело —
И забытье бедняжкой овладело.

И скоро колокольцев звон утих, —
Лейли отстала от друзей своих.

А ночь была печальна и туманна,
Ушел вперед погонщик каравана.

Когда к Лейли сознание пришло,
Ей стало безнадежно тяжело.

И так она подумала с тревогой:
«Все без меня ушли своей дорогой».

Еще одной бедой удручена,
Решает гнать верблюдицу она.

И мечется пустыней необъятной,
Пройдет немного — повернет обратно.

И не найти среди песков пути,
Потерянных следов ей не найти.

И наугад бежит, тоской объята,
Луна, пришедшая в предел Зулмата.

Зашла Лейли небесная — луна,
Путь потеряв, томлением полна.

Но солнце, как Лейли, взошло в сиянье,
И залило верблюдицу сверканье.

И вот Лейли попала невзначай
В излюбленный Меджнуном дикий край.

Она, бродя, дороги ищет дальней,
И видит вдруг — там человек печальный.

«Скажу ему, что сбилась я с пути,
Спрошу, как до селения дойти!»

Она и нему подходит торопливо,
«Кто ты, скажи мне!» — говорит учтиво.

Поднявши голову, тот пленник бед
Словами «Я — Меджнун» ей дал ответ.

Ему Лейли: «Ужель так хвастать можно:
Не станет змеем муравей ничтожный!»

Воропа пазовется ль соловьем,
Ужель шиповник розой назовем?

Меджнун спросил Лейли: «О гордость света,
Скажи, Меджнупа какова примета?

Как ты узнаешь скорбного того?
Могла бы мне ты описать его?

Лейли сказала: «Пери он достоин,
Прекрасен, горделив, высок и строен.

А ты простое детище скорбей,
Урод лицом; горб — на спине твоей.

Ты нищий, а Меджнун — султан вселенной,
Презренный ты, а он — благословенный.

«Влюбленным унижение только — честь,
Величье только у красавиц есть».

Лейли сказала: «Чародей, готовый
На сердце бедное надеть оковы!

Пусть горем будет согнут стройный стан,
Лик исказит несчастий ураган;

Но ведь Меджнун — он мыслью совершенен,
А стих его своей отделкой ценен.

А твой обычай — разве он высок?
И в чем достиг величия твой слог?

Меджнун сказал: «Кто страстен — нем невольно,
О нем гласят потоки слез довольно».

Коль ты речист и словом овладел, —
В любви успокоенье — твой удел.

А ты молчишь — ты, значит, неспокоен,
Ужель ты осуждения достоин?»

Лейли Меджнуну: «Веру оживи,
Коль ты Меджнун, скажи мне о любви».

Пока тебе поверить тяжело мне:
Прочти стихи мне, о былом напомни!»

*Меджнун излагает
свое горестное состояние Лейли*

Меджнун печальный понял с первых слов,
Что нужно от него Лейли: стихов.

Он рассказал о горести великой
И о своей печали многоликой:

«По лугу всех скорбей текущий ключ,
К сердечным тайнам вход дающий ключ!

Не спрашивай о тягостях несчастий
И о любви, о всемогущей страсти».

Как я томлюсь любовью, рассказать?
Как отдан суесловью, рассказать?

Я много дней терпел мученья в школе,
Не зная облегченья горькой доле».

Укоры злых клеветников росли, —
Покинула несчастного Лейли!

Когда узнали обо мне все царства,
Родители пошли искать лекарства».

Врачам не поддавалась болезнь моя —
Тогда в Каабу устремился я.

Но не открылись мне врата здоровья, —
Искусство врачеванья — празднословье.

Я от Ноуфала помощи желал,
Но скуповат на помощь был Ноуфал.

Любимая усугубила горе,
За Ибн-Салама выйдя замуж вскоре.

Но я коварства рока не постиг,
Поверил в помощь Зейда я на миг.

И в ожиданьях я погиб до срока,
Рок надо мною подшутил жестоко.

Так я на ветер бросил жизнь свою,
Обижеп небом, вечно слезы лью».

И, вспоминая злой недуг разлуки,
Газель сложил он о сердечной муке:

Газель

Небо, что же не вертишься ты по моему желанью?
Почему же ты пределы ставишь нашему слиянью?

От любимой много бедствий претерпел я; всех большее
То, что милая не хочет положить конец терзанью.

Я в юдоли злой разлуки умирал, но та царлица
Не открыла мне дорогу к лицезренью и свиданью.

Если ворот разорву я на себе, не упрекайте:
Я стремлюсь к моей любимой и к ее очарованью!

В царство бедности вступай ты, если ищешь совершенства.
Все цари земли не могут взять то царство мощной
дланью.

Почему мечом насилья кровь мою ты проливаешь?
Тот, кто любит и страдает, не стремится к злодеянью!

«Я люблю тебя!» — сказала, обещая быть мне верной,
Но, твои дела увидев, я не верю обещанью!

Тот, кто страны сумасшествий посетил, не верит в
разум, —
Площадь разума раздолье предоставит ли страданью?

Физули один скрывает тайну дел своих сердечных,
Все другие в мир открыли путь любовному пыланию.

*Лейли узнает Меджнун в пустынном краю
и
за свиданье с ним отдает душу свою*

Лейли узнала, кто пред ней стоит,
И слезы потекли с ее лани!

«Мой друг, — сказала, слез моя потоки,
Зверям столь близкий, от меня далекий.

Я вижу, ты искомый мною друг,
Тот врач, что может исцелить недуг.

Тебя я поминаю ежечасно,
Мечта моей души, мой друг прекрасный!

Тебя узнать я сразу не могла, —
Я в сильном опьянении была!

И вот, себя не помня ст смятенья,
Утратила на миг я слух и зренье.

Лишь образ твой передо мной возник,
И увидала я прекрасный лик,

Ум помутился, сердце онемело —
И в тьму страданий погрузилось тело.

Тут изумленье овладело мной,
И спугала с чужим я образ твой.

Прости меня, кумир мой ясноокий,
Не упрекай, не укоряй жестоко.

Изныла без тебя душа моя,
Но славен бог — с тобою снова я.

Цветник надежд вновь орошен водою...
Иль вновь я околдована мечтою?

Свеча моей отрады сожжена,
Ужель судьба моя встает от сна?

Как были тяжелы твои рыданья,
О сердце! Как ты жаждало свиданья!

Свидание с любимым — вот оно,
Не плачь теперь, веселья будь полно.

А вы, глаза, вы лили слез потоки
И спрашивали: «Где Меджнун жестокий?»

Вы кипарис узрели пред собой —
Ему отдайте ценный жемчуг свой.

А ты, душа, ты так всегда страдала,
С любимым встречи вечно ожидала.

У цели ты, — из тела выходи, —
У друга, не в моей живи груди».

О жизни рассказав многострадальной,
Так начала она газель печально:

Газель Лейли

Сердце кровью истекло — я не знала исцеленья,
Не веселье — знала я неизбежное мученье.

Если только на лугу я, гуляя, улыбалась —
Мукой воздавали мне за счастливое мгновенье.

К цели я пришла своей, потеряв сперва надежду,
Но зато мне не пришлось знать любовного сомненья.

Нет недуга у людей, ибо врач — любви блаженство
Лишь увидит тот недуг, сразу даст и излечение.

Нет терпенья у людей, ибо время постепенно
Затруднениям любим находило разрешение.

Лик земной покрыл поток слез моих. Одно удачно,
Что они не разнесли зданье моего терпенья.

Ты счастливец, Физули, ныне ты с любимой слился,
Жизнь отдав любимой, ты ей не бросишь обвиненья.

Меджнунна тоска великая гложет,

и

во мраке неведения Лейли он узнать не может

еджлун сказал: «Внимающая мне
И тайны излагающая мне —

Кто ты? Скажи свое мне имя ныне,
И почему ты бродишь здесь, в пустыне?

Душа так рада мудрости твоей
И нежной сладости твоих речей.

И сердце дивной полнится истомой,
Ты даже показалась мне знакомой.

Скажи мне, из каких пришла ты стран
И шел каким путем твой караван?

Коль ты — тюльпан, в каких горах росла ты?
Ты лилия? В каких садах цвела ты?

Приятен мне и самый голос твой,
Ты над моею сжалилась душой.

Я от чужого ждать не мог участия,
Не связаны ль незримо мы на счастье?

Ты в тягость, вижу, не сочла меня,
Своею благодатью осеня.

а
Когда бы спутником моим был разум,
Твои поступки понял бы я разом.

Когда бы скорбь не отняла всех сил,
Когда б я слез кровавых не точил,

Тогда, недоумения не зная,
Я сразу бы узнал, кто ты такая.

А так — мои догадки все пусты,
Сама скорей мне Расскажи, кто ты!

Газель Меджнуна

Я в опьянении живу, что значит жизнь, не сознавая,
Кто я, кто кравчий, где вино, где друг, где чаша круговая.

Хотя любимую прошу душе моей безумной внять,
Но не отвечу сам, куда душа уходит кочевая.

Не тот мудрец, кто мир познал, кто знает все, что в мире
есть,

Мудрец лишь тот, кто может жить, о мире не подозревая.

О Физули, твой вздох и стон на весь распространились
мир,

Ты рад страданиям любви, — зачем шуметь, людей сзывая?»

Ответ Лейли

ейли Меджнуну: «Духом непреклонный,
Израненный и страстью полоненный!

Ты временем жестоким пощажей,
Видом отрады щедро напоен.

Ты к цели издалека пробивался —
С тобою та, по ком ты стосковался.

Ты счастлив: все твое, чего хотел.
Перед тобой твоей мечты предел.

Ведь я — Лейли, души твоей желанье,
Больного сердца вечное терзанье.

Мою желал ты видеть красоту,
Желал увидеть ты свою мечту,

Теперь с тобой мы вместе, друг прекрасный
Зачем же мешкать будешь ты напрасно?

Свиданье нам дано благой судьбой,
Иди ко мне — ведь счастье пред тобой.

И сердце я отдам с любовью жаркой,
Я душу сохранила для подарка.

Спешу — не упускай судьбы. Смотри,
Мои дары скорее заведи!

Ты болен? Так во мне врача ты встретишь!
Влюблен? Во мне любимую приветись!

Пусть наша встреча будет счастья пир,
С тобою мы забудем целый мир...

К очам-нарциссам ртом прильни-тюльпаном
И лилию скорей укрась реиханом.

Пусть яхонт с бирюзой жар сольет,
Твой полугай пусть сахар мой склюет.

На розу свежую росой брызни,
Дай жаждущему Хызру воду жизни.

А если ты не пламенно влюблен,
Мученьем, горестью не излурен,

Тогда влюбленным и не притворяйся,
В насмешках над бедой не изощряйся.

Будь мудр и прозорлив, меня пойми, —
Не опозорь меня перед людьми.

Любимый! Тяжело мне безгранично,
Что наши жизни потекли различно,

Что лик мой — солнце — как тебя ни жег,
Согреть тебя на краткий миг не мог.

Что, хоть фиал тебе я подносила,
Твоя душа шербета не вкусила,

Что роза расцвела, а соловей
Сидит, угрюмый, скучный, перед ней.

Все мудрецы признают безусловно,
Что благородства нет в игре любовной!»

И в подкрепление этих горьких слов
Она пропела несколько стихов:

Газель Лейли

Ты совсем лишил меня рассудка, мной пренебрегаешь
почему?
Каково душе моей безумной, ты не вопрошаешь — почему?

Если на меня и не посмотришь ты при людях — я пойму
тебя.
Но наедине со мною тоже холоден бываешь — почему?

Если ты безжалостен, не зная, что со мною, — можно и
простить,
Но ты знаешь все и не жалеешь, как тут разгадаешь —
почему?

Говорят, поешь ты постоянно, розу вспоминая, соловей,
Но теперь ты видишь рядом розу и не замечаешь — почему?

Этот периликий равнодушен ныне к опозоренной Лейли.
Физули, скажи — то равнодушие, ты предполагаешь —
почему?

*Меджнун Лейли пренебрегает
и
чистотой помыслов своих сверкает*

казал Меджнун: «О идол периликий,
Не жги ты щепку с ревностью великой!

Один твой образ поднял столп огня,
С тобою слиться сил нет у меня.

И зеркало ланит — пусть в нем услада
Ко мне, молю я, приближать не надо.

В пылинке, у которой жизни нет,
От зеркала не вспыхнет яркий свет.

Когда еще не гаснул светоч ока,
От взоров убежала ты жестоко,

Теперь, когда я к слепоте привык,
Зачем стоит передо мной твой лик?

С тобой мы цепью связаны любовной,
Друзьями стали мы не суесловно.

Но я отныне внешним не влеком,
С томленьем этим больше не знаком.

Душа пленяется лицом любимой,
Но нет уже души, огнем палимой.

Меня душа покинула давно,
Другой души судьбою не дано.

Теперь, Лейли, душой моей ты стала,
И кровью и огнем очей ты стала.

Ты ближе стала мне, чем был я сам.
Ты вся во мне. Кому тебя отдам?

Ты сущностью моею стала зримой,
Во мне есть место только для любимой.

Твой свет во мне горит святым огнем,
Вся жизнь моя отныне только в нем.

Я стал тобой, теперь мне это ясно,
Коль ты Лейли, то кто же я, несчастный?

И если я с тобой един вполне,
То истина повелевает мне

Считать, что я твоей души хранитель
И для тебя бессменная обитель...

Когда был первый камень заложен,
Я малым был учеником времен,

Тебе во власть они меня вручили
И тем меня абджеду научили.

Но совершенным стал я с бегом лет,
А совершенным нужен ли абджед?

Когда обучен я любви начаткам,
Осталось повторять лишь по тетрадкам.

Своим позором я известен всем,
Тебе на этот путь вставать зачем?

Ты под фатою разума укройся,
Пусть я приму позор, ты — успокойся.

«Меджнун» — ведь стало именем моим,
Ведь я один на свете одержим.

А ты себя не подвергай нападкам
И не учись моим дурным повадкам.

Лишь я — Меджнун, любимая моя,
Меджнунства удостоен только я!

Себе желать моей судьбы — напрасно.
В Меджнуна превратиться ты не властна!

Когда тебе сжимает жалость грудь,
То избери себе смиренья путь.

Всегда ты укрывайся за фатою.
Всегда ты одевайся той фатою.

Не солнце ты, так не являйся всем,
Пусть лик твой для других пребудет нем.

Твои поступки, о кумир прекрасный,
Все обо мне свидетельствуют ясно.

Я на стезе любовной — тонкий прах,
Я славен чистотой во всех краях.

О, пожалей меня — прошу, недужный,
Уста клеветников питать не нужно.

Когда любовь в мою вселилась грудь,
Я потерял навеки чести путь.

Ты честь оберегай, о дорогая,
Всечасно разум свой оберегая».

И, указав Лейли благую цель,
Он произнес чудесную газель:

Газель Меджнуна

Если душа не стремится к слиянью,
образ единый ее утешает,
Ибо влюбленный любимую только
в сердце живущею воображает, —

Знайте: никто порицание злое
бросить любви настоящей не смеет.
Внешний же облик красоты преходящей
правдолюбивых мужей не прельщает.

Тот, кто стремится в любви к совершенству,
видимой тот красоты не взыскует.
Песовершенным влюбленным ты будешь,
если лишь облик тебя восхищает.

Признак невежества — если влюбленный
внешней красе воздает поклоненье.
Бренному телу, что скоро погибнет, —
мудрый души своей цвет не вручает.

Если любимого в сердце мы держим,
он не мелькает у нас пред глазами;
Верьте: любовь не меняет обитель,
если себя одному посвящает.

Сердца скрижаль да пребудет свободной
от отпечатка красоты его внешней,
Единобожец страницу рассудка
изображением не украшает.

Истинный муж свою верность любимой
видимым образам в жертву отдаст ли?
Изображение внешнее правды
жемчугом истины кто величает?

Чтущие сущность не могут склониться
к тем, кто лишь чувственным образам
предан.

Коль Физули верит внешности, значит, —
к сущности взора он не обращает.

*Лейли поведение Меджнуна одобряет,
и
его истинная любовь ее покоряет*

ейли сказала: «Муж с душой святою,
Приблизившийся к богу чистотою!

Теперь тебе скажу я, не тая:
Тебя хотела лишь проверить я,

И совершенство мне твое понятно...
Такое состояние благодатно!

Хвала тебе, ты беспримерно чист,
Как прах, горящий в солнце, ты лучист.

Достиг ты, вижу, удовлетворенья —
В душе достиг стремлений утоленья.

Я думала, любовь твоя — обман,
Я видела в твоих делах изъян,

Но мне сказал владыка небосвода:
Слияние слилось с твоей природой.

Мне в горе счастье доставил ты,
И от забот меня избавил ты.

Беспечной я была, самовлюбленной,
Невежеством глубоким опьяненной.

О красоте заботилась кудрей,
О родинке заботилась своей.

Я думала: к ~~сдвину~~ ты стремишься
И по кудрям моим давно томишься

Теперь блаженство вижу я твое
И совершенство вижу я твое!

Ланиты, кудри, что чернее ночи,
И эту родинку и эти очи

Не для себя всю жизнь я берегла, —
Я, сердце обжигающий, ждала,

Что взглянешь ты на них и, хоть украдкой,
Дашь мне, усталой, миг покоя краткий.

Ты жажду сможешь утолить свою,
Я в грудь твою бальзам добра пролью.

Но на меня ты не бросаешь взгляда, —
Тогда какая в красоте отрада?

В ларце телесном перл-душа горит,
Кого она блаженством подарит?

Я все рассыпать пред тобой хотела,
Отдать душевный жемчуг свой хотела.

Познать слиянье сладкое с тобой,
Навек с разлукою проститься злой.

Но если смысла нет в желании этом,
Зачем себя позорить перед светом?

Заветов верности не зачеркнуть,
Но все ж небытия мной избран путь.

Пыль внешности доселе покрывала
Моей глубокой сущности зеркало.

Меж внутренним и внешним быть должно
Согласие. Душа и лик — одно...

Пора моим бутонам улыбнуться
И пред твоей зарею развернуться.

Ведь сердце кровью слез орошено,
И, как бутон, теперь цветет оно.

Мне дней ковер свернуть настало время, —
Сама себе я ныне стала в время.

Теперь мне место в тьме небытия,
В той тьме свой лик укрыть хотела б я.

Когда любимый зреть мой лик не жаждет,
Пусть лик от взоров, чуждых мне, не страждет.

Ведь лик мой нужен только для того,
Чтоб мог любимый созерцать его.

Когда же безобразную не любят,
Пусть рок ее безжалостно погубит!»

Ее глаза застлал туман и мрак,
И вот газель она пропела так:

Красавица — та, кем любитесь милый,
 иную красавицей мы не зовем.
 Любимого взоры дают совершенство,
 тех взоров целебных пусть ищет тайком.

А та, что любимого не привлекает,
 она недостойна любимой быть,
 Коль внешняя прелесть для мудрых ничтожна,
 то пользу какую мы в ней обретем?

Любимой лицо пусть пребудет укрыто
 от тех, кто не знает божественных тайн,
 Кто сущность возлюбленной знать пожелает,
 тот должен владеть совершенным умом.

Бессмысленно будешь стремиться к слиянию —
 таким вожделением стыдно пылать.
 Коль подлинно любим, какое различье
 слиянья с разлукой тогда мы найдем?

^{IV} Сокровище жизни монетою веской
 влюбленный возлюбленной должен отдать, —
 И плохо, когда не полна эта жертва
 и скупость ее сократила объем.

Кто любит мирское — тех нежность красавиц,
 причуды, приманки влекут за собой,
 А тот, кто вкусил от божественных истин, —
 ужели он родинкой будет влеком?

Напрасно аскет в мире внешности бродит,
 ты это заметишь легко, Физули!
 О, как он беспечен: подумать не может,
 что страсть лишь к стыду заведет его в дом.

Едва произнесла последний слог,
 И видит — на верблюде мчит ездок:

Какой-то всадник скачет одинокий,
 Как ветер, мчится тропкой недалекой.

Зачем в пустыне рыщет всадник тот?
 Кого в пустыне ищет всадник тот?

И поняла; он едет с мыслью злою
 И горе тяжкое везет с собою.

Увидел он, что луноликой нет,
 Помчался, торопясь за нею вслед.

Колочка к саду только приближалась,
 Как роза с вешним садом распрощалась.

Чтобы никто не ведал ни о чем,
 Лейли гнала верблюдицу бегом.

Но всадник, видя Солнце издалика,
 Тревожился уже не столь жестоко.

Увидевши красавицу вдали,
 Не отставал он больше от Лейли.

Орлицу он вернул в гнездо родное,
 Обрел садовник древо молодое.

Меджнун опять остался среди песков, —
 Друг змей и собеседник муравьев.

Он встать не мог, так ослабело тело,
 А сердце вовсе биться не хотело.

*О достоинствах Меджнунна речь ведется ныне
и
о том, как он жил в пустыне*

страны мучений горьких царь царей —
Меджнун, отец бесчисленных скорбей,

Таким был чистым, что земные дали
Подобного ему и не видали.

Он рядом с горней истипою жил,
Ему служивший — ангелу служил.

Гонимый людской злобою великой,
Избрал себе он образ жизни дикий.

Но ангелы в обличии зверей
Дружили с этим духом средь людей.

Казалось, звери вокруг него сидели, —
То были ангелы на самом деле.

Лишь высота духовной красоты
Его спасла от дольной суеты.

Ни холод, ни жара не причиняли
Меджнуну ни заботы, ни печали.

Непостоянным он наш мир нашел,
Именье отдал и ничто обрел...

Он шел за ищущими единенья,
Достигши высей самоотреченья.

Исполнив светом существо свое,
Он про еду не думал, про питье.

Он, дух в огне сжигая нестерпимом,
Постигнул истину в покрове зримом.

Но внешности пустой не верил он,
К творцу высокой мыслью устремлен.

Слог у него был ясный, мерный, плавный
Глубоких мыслей был он царь державий

Он тонкую беседу мог вести,
К познанию знал он верные пути.

Когда читал он вслух свои страницы,
То в воздухе над ним витали птицы.

Страдалец этот в горечи обид
Сложил газелей много и касид.

И всюду пел он их в тоске безмерной,
Его друзья ему служили верно.

Они, стихи чуть записать успев,
Слова их повторяли и напев.

Измученный, покинутый в кручине
Стал в мире знаменит по той причине,

Его слова и красота чела
Пленяли всех, в ком истина жила.

Достигнув этих совершенств нетленных,
Причислен к лику сердцем совершенных.

Сложил стихи он эти о себе,
Своих стремленьях и своей судьбе:

Газель Меджуна

Развалин груды — вот мы чем весь этот мир земной
считаем,
Но скрыт среди развалин клад — богатый и благой —
считаем.

Поклонник внешности пустой пусть мудрецом сочтет себя,
Но там, где истина царит, он лишь невежда злой —
считаем.

Невежды мнят — в вине покой, но мы, пророки наших
дней,
Мы вылили его давно, — в нем кровь, а не покой —
считаем.

Мы поняли, что бранный мир неверен никому из нас,
Пусть им владеет Сулейман, обманщик он дурной — считаем.

Ты думал, Физули: мечеть и виный погребок — одно,
Выходит, что напрасно мы великим разум твой считаем.

Весна жизни Лейли превращается в осень

кравчий, велико блаженство наше, —
Скорей подай двс-три-четыре чаши.

Коль ты жслаешь веселить сердца,
Пои людей блаженством до конца.

Дай, друг мой, чашу каждому хмельную,
Но мне подай ты самую большую.

Я до сих пор лишь полуопьянен, —
Я тяжкою печалью побежден.

Приятен пир людей, приятна радость,
Но удалиться с пиршества — не в сладость.

... Тот летописец состоянья дней
Такой конец дал повести скорбей:

К слиянию не уголив влеченья
И от Меджуна снова в отдаленье,

Лейли ршила не смотреть на мир:
Своей душой не дорожил кумир.

Пришла зима. И месяц дей — грабитель,
Утехи все из цветника похитил.

Стал храмом скорби сад, а был, что рай,
И горестью звучал вороный гай,

Стал кипарис Меджнупом обнаженным,
И, как Лейли, тюльпан исчез со стоном.

И ветер бушевал. Стволы дерев
Качались и ломались, ослабев.

Погас тюльпана блеск и светоч розы,
И сад Зулматом сделали морозы.

Тюльпан, боясь внезапных холодов,
И роза, опасаясь злых ветров, —

Тот в горы яхонты снес на продажу,
Та — в сад сложила лепестков поклажу.

Все реки превратились в длинных змей —
И яд с собою каждый нес ручей.

И небо разверзлось над землею,
И ливень каплей ранил, как стрелюю.

А ветер, изо всех напавши сил,
Над садом злобно чудеса творил:

В железо воду превращали вьюги
И делали для цветников кольчуги.

Меж тем недуг Лейли вершин достиг,
И отдохнуть она пошла в цветник.

Тюльпаны, розы — где? Их и следа нет,
Вид голых веток больно сердце ранит.

Пет в цветнике бывалой красоты,
Достигло безобразье высоты.

Поникли травы гордые печально,
Листки поникли в скорби погребальной.

И сад кладбищем показался ей,
И на душе ей стало тяжелей.

Тогда она, тосклива и уныла,
Свою тоску пред цветником открыла:

«Печален ты и холоден, мой сад,
Какие горести тебя томят?»

Я так же, как и ты, больна, вздыхаю,
Без розана истомлена, страдаю.

Не быть с Меджнупом мне в его краю,
Не повидаться с ним в его раю.

Хоть осень сорвала твои одежды,
Ты на весну еще хранишь надежды.

Но мне надежды на слиянье нет.
Насколько больше тяжесть этих бед!»

Все больше каждый миг она страдала,
И небо, ей сочувствуя, рыдало...

*Лейли оставляет матери свой завет
и
с именем любимого на устах уходит
от долгих бед*

к богу вознесла она мольбу,
Пожаловалась богу на судьбу:

«О в судный день единственный владыка,
Султан престола вечности всликий,

Горю я в безнадежности огне,
Клянусь тобой, жизнь надоела мне!

Моим возлюбленным я не любима,
Меня тоска долит неумолимо.

Свеча в ночи разлуки с милым я,
Вовек неизлечима скорбь моя.

Меня насилье времени сжигает,
Моя мольба тебя не достигает.

Я думала, мне жизнь еще нужна, —
Еще с любимым слиться я должна,

Но, солнце света в высоте небесной,
Жизнь — лишь завеса пред мечтой чудесной.

Так приобщи меня к небытию,
Я в нем познаю истину твою».

И проявил господь к несчастной жалость —
Ей овладела тяжкая усталость.

Холодный ветер дул и дул все злей,
И слабость одержала верх над ней.

Болезнь одолевала в страшной схватке —
Душа изнемогала в лихорадке.

Красавица, подобная луне,
Горела, как свеча горит в огне.

И вянула краса в борьбе жестокой,
Как вянет роза, если нет в ней сока.

И до того была худа она,
Что и глазам была едва видна.

И тот, кто подходил к ее постели,
Не замечал дыхания в слабом теле.

Исчез здоровья и малейший след,
А смерти были тысячи примет.

И вот она перед дорогой дальней,
И вот настал последний час прощальный.

И, сбросив, наконец, фату стыда,
Она сказала матери тогда:

«О мать, бальзам мучительной печали,
Твои лучи всю жизнь мне освещали!

Невыносимой скорбь моя была,
Но я скрывала все, пока могла.

Теперь, перед последнею дорогой,
Открою тайну, что хранила строго,

В последний раз вниманье прояви:
Знай, я поражена мечом любви.

Лишь от одной причины я страдаю;
Измучена любовью, я рыдаю.

О горе, я бедняжка, влюблена,
Я неким луноликим пленена.

Я за любовь свою платила кровью,
Вся жизнь моя отмечена любовью!..

К любимому стремилась я всегда,
Но слиться с ним мне не дала беда.

Полна любви, я уйду далеко —
Что делать, если это воля рока!..

Не только я тоской изнурена,
В разлуке я страдаю не одна.

И он, страдалец, мной пленен, несчастной;
Долиной скорби бродит он, несчастный.

Меня безумней и печальней он,
Меджнуном за безумье наречен.

Все дни свои он проводил в страданье,
И сердца он не утолил желанья.

Из-за меня его позор постиг —
Его порочит всякий злой язык.

Но и Меджнун страдает не напрасно, —
Я гибну от своей вины ужасной.

Из мира удаляюсь я, больна,
Весь мой недуг — моя пред ним вина.

О мать, несчастных дней моих начало,
Что нежила меня и утешала!

Когда я в свой последний путь пушусь
И с этим дольным миром распрощусь,

А ты пойдешь, страдая, по пустыням,
А ты пойдешь, рыдая, по пустыням

И попадешь в его далекий край, —
Страдальцу весть о тяжком горе дай.

Увидишь — бродит он, тоской палимый, —
Не проходи, я умоляю, мимо.

Не отпускай его полу, держи,
Пусть молится за грешную, скажи.

Скажи ему: «Друг истинный и верный!
Лейли погибла от любви безмерной.

Итак, Лейли сдержала свой обет,
Он нерушим остался с бегом лет».

И передай от имени печальной:
«О гордый верностью своей хрустальной!

В обитель дружбы я свой путь держу,
Свободой, счастьем вечным дорожу.

И ты приди в небесные чертоги,
Я жду тебя, не мешкай по дороге.

Когда ты впрямь товарищ верный мой,
Не надо ждать, покинь же мир чужой,

И заключим навек союз с тобою,
Как велено и сердцем и судьбою.

С тобою там уединимся, друг,
Откуда к миру не дойдет и звук.

Я удаляюсь в вечную обитель,
Где враг бессилен, где молчит хулитель.

Я рассказала все, тебя любя,
Предупредить хотела я тебя».

Закончив этот свой завет прощальный,
Она пустилась в дальний путь печальный.

Любимого призвав в последний раз,
Лейли, о встрече мысля, ввысь неслась.

Кто на земле в ничто не превратится?
Ужели злобе неба есть граница?

Ведь что наш мир? — Семиголовый змей.
Его любви нет ничего страшней!

Все милости его с бедою слиты,
Его и мед и сахар — ядовиты.

Всегда, всегда в движенье небосвод, —
Тот, кто пришел — известно нам — уйдет.

Давая людям мира наставленья,
Мудрец был прав в своем стихотвореньи:

Газель

Мир заботой тебя отягчает, о сердце,
и гнетет тебя вечно его кривизна,
Только в смерти найдешь ты покой от мучений,
смерть — блаженства и радости вечной страна.

Правда, будешь лежать одиноко в могиле, —
но зачем же ты смерть ненавидеть решил?
Нет, могилу люби, ибо в горсточку праха
человека частица всегда вобрана.

Что бы в мире ни клал ты в основу строений,
та основа пребудет непрочной, поверь.
Нужно в вечном жить мире — спокойнее это,
ибо вечного мира основа прочна.

Смерть спасет твою душу от сора и грязи —
опасенья и страха отнимет навек,
В той жемчужине скрыт эликсир чудотворный —
той алхимией будет душа спасена.

Совершенства любви человек достигает,
если к смерти ведет его мудрости путь,
Исполняющий волю любви — умирает,
ибо сила любви только в смерти ясна.

*Меджнун о смерти Лейли весть получает
и
с именем любимой на устах богу душу вручает*

Хранители цветов в садах страданий,
Хранители всех горестных преданий,

Решив закончить летопись скорбей,
Так начинали в горести своей:

Прошло немного времени, и вскоре
Страдалец Зейд узнал о тяжком горе.

Он в путь тотчас отправился, чтоб снести
Меджнуну эту горестную весть:

«Сраженный горем и судьбой ужасной!
Как жаль, что в жизни ты страдал напрасно!

Ничтожен твой заветный талисман,
И от него не польза, а изъяз.

Сверни ковры, пришел конец товару.
Осталось подвести итог базару.

Лейли всю жизнь Меджнуну отдала,
Ты будь живым, она в ничто ушла.

Та, что была причиной злоключений,
Из-за тебя погибла от мучений...

Прекрасная ушла в далекий край, —
Теперь ее обитель вечный рай) . . .

Услышав эту весть, Меджнун несчастный
Исторг из глуби сердца стон ужасный,

И этот стон его, печальный крик,
Лейли любимой в небесах достиг.

В степаниях была такая сила,
Что чуть ее от сна не разбудила!

Стон поразил Меджнуна самого,
Ума, сознания лишил его.

Придя в себя, он зарыдал бессильно,
На лик осенний сыпал град обильный.

И Зейду горестный он дал ответ:
«О кравчий пира зол и горьких бед!

Зачем тебе пужна душа страдальца,
Зачем и сердце слабое скитальца?

Меня, беднягу, не жалеешь ты
И жжешь огнем, не зная доброты.

Ты, вижу, чашу с ядом мне подносишь
И у суда небес мне смерти просишь.

Ужели муравья тебе не жаль?
Стеклу конец, когда ударит сталь!

Ужели гнет творить не надоело?
Грех искупи, сверши благое дело!

К обители любимой я хочу,
Я превращусь в надгробную свечу!»

И вот за Зейдом шел он, с миром в ссоре,
Не дай нам бог такое ведать горе!

Едва лишь на могилу он взглянул, —
К печальным плитам плача он прильнул.

На голову, как на курган могильный,
Он сыпал прах и слезы лил обильно.

Без устали он горько слезы лил, —
Могильный камень в яхонт превратил.

И слезы, землю пропитав собою,
Текли ручьем под рыхлою землею.

И жемчуга своих бесценных слез,
Рассыпав, в дар любимой он принес.

И так, скорбя, свои призвал он очи:
«О звезды черной беспокойной ночи!

Глаза! Пора подняться в небеса, —
Ведь скрылась солнца светлая краса!

Луна теперь в созвездии далеком,
И спутник не дан ей жестоким роком.

Коль совесть есть у вас, не стойте тут, —
Летите к праху — там давно вас ждут!

Хочу, чтоб там вы жемчуг¹ отыскали,
Ах, что с ним злые сделали печали!

Прах ног облобызайте вы ее
И расскажите бедствие мое:

«Зачем, свеча, от нас ты удалилась,
Завесой от страдальца отделилась?»

Мир налил чашу, полную вином, —
Из этой чаши пили мы вдвоем.

Иль одурманена ты чашей мира,
Что не могла уже продолжить пира?

Свечою ты была, горя в ночи,
Но страсть пришла — и вот уж нет свеч

Хотя совсем недолго ты горела,
Горения не выдержало тело.

Недолгим бдением утомлена,
Сомкнула очи ты под гнетом сна.

Я шел с тобой; не знал, что время минет
И мой сердечный друг меня покинет.

Гордись, ты небо превзошел, о прах,
Чистейший жемчуг у тебя в руках.

Змея, счастливей ты кудрей: страдая,
В кудрях живет ее душа больная.

¹ То есть Лейли.

Склонись пред родникою, муравей,
Ты жизнь разбитую увидишь в ней.

Жизнь, ныне путь свой завершай устало, —
Глаза мои отныне тьма застлала.

С моей любимой был прекрасен мир,
А без нее он бесприютно сир.

Душа, скажи: «Прощай, больное тело,
С недугом мне бороться надосло».

Приди, о смерть, прекрасна и добра,
Печаль и горе устранить пора!

О помощи — ведь я живу, страдая,
В небытие зови меня, благая.

Сотри с зеркала ржу, полна любви,
Завесу заблуждений разорви.

О, не препятствуй мне уйти из мира,
Туда, где встречу милого кумира.

Любимая моя ждет вдалеке,
В прекрасном, безопасном уголке.

Я должен с ней скорей соединиться,
О, помоги мне с милой сердцу слиться!

Избавь меня от этих злых тревог:
Ведь, наконец, мне улыбнулся рок.

О боже, я в кумире лишь нуждаюсь,
В душе и в жизни, в мире — не нуждаюсь.

Молю — ты с ней меня не разлучай,
И жизни вновь меня ты не вручай».

Не зная ни мгновения покоя,
Невольно слово он сложил такое:

Газель

Душа в разлуке истомилась — любимого дыханья жажду,
Бальзама встречи с ясноликой в печали расставаюсь
жажду.

Я соловей печальных стонов, и я не попусту вздыхаю —
Стремлюсь я в сад, устав от клетки, я цветника в рыданье
жажду.

На рынке наших дней нет спроса на мой товар — зачем
им мысли?
Другого рынка для товара я в вечном ожиданье жажду.

Хочу в небытие укрыться от бедствий наших дней тяжелых,
Душе и телу избавленья от тяжкого страданья жажду.

И вовсе не случайно смерти желаю я в ночи разлуки —
Я утолителя мученья, свершителя желанья жажду.

Любимая теперь на вечном пиру — ужели я отстапу?
Я в этом бренном храме счастья с любимой свиданья
жажду.

Небытия никто не хочет, о Физули, по вольной воле —
Но что же делать: против воли небытия, сторанья жажду.

Конец главы

Лишь горем поделился он своим,
Как провиденье согласилось с ним

И пролилась божественная милость —
Душа его с Лейли соединилась.

В саду деяний он цветы собрал
И выпил смертного вина фиал.

Он в забвении склонился над могилой —
И отдал душу у надгробья милой.

Сказал: «Лейли!» — и отдал душу ей.
Влюбленный тот, прообраз всех друзей.

Любовь такой должна быть, без сомненья, —
Вся жизнь его достойна изумленья.

Подумать можно — властью обладал
Он над душой и только часа ждал.

Когда, вращаясь, наступило время,
Он снял с души существованья бремя.

Пока на свете жил его кумир,
Еще умел ценить он этот мир.

Когда кумир наш бренный мир покинул,
Он тоже сразу этот мир отринул.

Печальный Зейд, увидев ту беду,
Со стоном ворот разорвал в бреду.

Он начал громко вопиять в печали —
И до зенита вопли достигали.

Немедля тяжкий вздох его привлек
Всех — юг и север, запад и восток.

Людей великое собралось море,
Чтоб видеть тяжкое Меджнуна горе.

Лежал Меджпун могилы на краю,
Любимой душу отдал он свою.

Рыдали тяжело над его судьбою,
Кончиною безвременной и злою.

Потом, омыв, в могиле погребли —
В той самой, где лежала и Лейли.

И вместе были слиты — горемыка
И утешений сладостных владыка.

На небе души их теперь сошлись,
Тела их в прахе, как друзья, слились.

Теперь исчезла видимость пустая,
Искатель к цели подошел, страдая.

Два государя на пиру вдвоем,
И две луны с созвездии одним.

Поставили плиту на той могиле —
И в мире эту повесть разгласили.

Могилы дорогой для всех была —
Желаний исполнение песла.

Могила верных стала чудотворной,
Святыней мира стала необорной.

Здесь видишь следствие святой любви,
Пойми! На помощь разум призови!

Зейд видит Меджнуну и Лейли во сне

Зейд по соседству жил к святыне этой,
Своей великой верностью согреть,

Он на гробницу много влес даров,
Построил много вокруг нее дворцов.

Огонь в его душе воспламененной
Свечу могилы сохранял зажженной.

Ресницами с могилы пыль сметал,
Слезами поливать ее он стал.

Он в постоянной пребывал печали,
Его рыдания не утихали.

Сидел он у могилы как-то раз,
И задремал под утро, утомясь.

Невзгоды силы Зейда подточили —
И он заснул, простершись на могиле.

И дивный сон увидел он в тоске
Увидел две луны он в цветнике,

От злобы человеческой жестокой,
От горестей и ужасов далеко.

Веселье в их движениях живых,
Лучи блаженства на лице у них.

И ангельские сонмы луноликим
Служили со старанием великим.

Спросил он: «Что за луны предо мной?
То властелины над какой страной?»

Какой тут, расскажите, сад блаженных,
Что за людей я вижу совершенных?»

Ему сказали: «Рай ты видишь, друг,
Гилманы, гурии везде вокруг.

Те две луны с красою беспримерной —
Меджнун с Лейли, возлюбленную верной

Они, спустившись в дол любви святой,
Своею просияли чистотой.

И вот в раю нашли покой желанный,
Служить им стали гурии, гилманы.

Они по доброй воле много лет
Терпели много горестей и бед.

Теперь они, покинув мир коварный;
В раю вкушают отдых лучезарный.

Когда был Зейд печальный пробужден,
Тотчас он людям рассказал свой сон,

И это послужило вере вящей:
Паломники ходили к ним все чаще.

К о н е ц г л а в ы

О кравчий, я печален и уныл,
И говорить я не могу — нет сил.

Теперь вина мне не давай — не надо.
Я оцьянен, вино мне хуже яда.

Я дни свои в беспечности провел.
Какой же я конец, скажи, обрел?

Утратил я клад жизни благородный,
И все дела мои прошли бесплодно.

О как ужасен небосвода гнет!
Всю жизнь мою расстроил небосвод!

Вчера, жемчужных слез лия потоки,
Сказал я небосводу: «О жестокий,

Всегда держи меня в сетях своих,
Меня лишил ты радостей земных.

Своим любимцам ты несешь блаженство,
Но гнет приносишь людям совершенства.

Когда б Меджнун был погружен во тьму,
Всегда бы верно ты служил ему.

Повиновался б ты его веленьям,
Его бы веселил круговращеньем.

Но так как полон был Меджнун ума,
И был он добр, и был он честь сама,

Лишил его ты уваженья близких
И заключил его средь самых низких...

Когда б Лейли, как ты, забыла стыд,
Когда б Меджнун был ею позабыт,

То угнетать ее ты б не решился
И по ее желанию кружился.

Но избрала достойного она,
Она была добра, тверда, умна.

И ты ее в свои запутал сети,
И стало тяжело ей жить на свете...

Когда б я был мошенник или плут,
То помощь мне ты б не считал за труд,

Мое желанье слушал бы любое,
Под этим кругом¹ жил бы я в покое.

Но раз я скромн, честен и стыдлив,
Меня ты угнетаешь, горделив.

Лишь этим твой круговорот известен,
И вижу я теперь, что ты — не честен».

Но небосвод, услышав тот укор,
Был на ответ решителен и скор:

¹ То есть под небом.

«О ты, невежда, человек пропащий,
Ты мудрость мира без конца хулящий!

Вращаюсь по веленью бога я, —
Моя жестокость — преданность моя!

Но ты зато, ты действуешь греховно,
Одной лишь страсти предан безусловно.

Себя поэтом с гордостью зовешь,
Своею целью делаешь ты ложь!

Мудрец, которому «Меджнун» прозвание,
Моею властью приобрел все знание.

Его безумцем только ты считал,
Ты притеснял его и угнетал.

Луну-Лейли, что светит горделиво,
Я за завесою берег ревливо.

А ты ее вручил молве во власть,
Чтоб каждый мог ее порочить всласть.

Зачем-то помянул ты Ибн-Салама
И про Ноуфала ты твердил упрямо.

Ну, кто такие выходки знавал?
При чем тут Ибн-Салам? При чем Ноуфал?

Хотел людей ты сказкой позабавить
И двух несчастных на весь мир ославить.

Узнав, что бедных смертный час постиг,
Ты начал поносить их в тот же миг.

Ты начал мертвых мучить беспричинно,
Людей блаженных ты извел кручиной.

Когда поймет твой тяжкий гнет народ,
Тебя к ответу, знай, он призовет.

Ужель ты этот суд без страха встретишь?
Вот задал я вопрос — ты как ответишь?

О т в е т

О попугай среди сада жемчугов,
Несчастный Физули, гранильщик слов!

Пусть небо в лицемерии жестоком
«Ты лжец!» — тебе кричит со злым упреком,

И пусть тебя поносит без конца,
Но слово — жемчуг, что родят сердца...

И душу словом мы опишем тоже,
Нет, слово — есть душа, коль молвить строже.

Ужель ты грех великий совершал,
Когда словами мертвых воскрешал,

Когда, влюбленных вспомнив, ты — наверно —
Обрадовал их души беспримерно?

*Просьба извинить за это сочинение
и
дату его завершения*

еро! Ты дальний путь прошло со мной,
Тебя господь благословил святой.

Ты мне служило верно, не беспечно,
И вот у остановки мы конечной.

Ты помогало, не жался сил,
Чтоб я дворец тот старый обновил,

Который слезным серебром окован,
Который амброй вздохов облицован.

Полны амбары жемчугов скорбей,
И слышен стон из окон и дверей.

Итак, посажен сад благоуханный,
Сто горьких клейм несут его тюльпаны.

Сад орошает крови сердца ток
И освежает вздохов ветерок.

И свой рассказ о двух сердцах печальных
Назвал я именем многострадальных.

В тот миг, когда рассказ был завершен,
Был знаком таинства отмечен он.

В тот день явились миру два влюбленных,
Любовью навсегда соединенных¹.

*К людям верности просьба о снисхождении
и
к людям разума мольба о прощении*

Авистник, не ругай меня, речист,
Не говори, что жемчуг мой нечист.

Пойми мою печаль и беспокойство,
От бедствия времен мое расстройство.

Что тут сказать, коль гнет невыносим,
Но оставаться я не мог немым.

И мыслей от меня не жди удачных, —
Ведь бедствия мои — из самых мрачных.

И не хули ты жемчужоб моих, —
Ведь я немного получил за них.

Когда б стихам нашелся покупатель,
Я был бы кладов ревностный искатель.

Но я и так собой не дорожил,
Всю душу я в свои стихи вложил.

Не относись к моим стихам пристрастно,
Мою поэму не хули напрасно.

¹ В оригинале сложенные буквы этой строфы, имеющие цифровое значение, дают год написания поэмы — 1537 год н. э. (943 г. хиджры).

Здесь для пустых упреков места нет,
Коль ты способен, напиши ответ.

Не нападай упрямо на поэта,
Бессмысленно, несправедливо это.

Об этой книге доброе скажи;
Не можешь — так язык свой придержи..

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абджед — название первых четырех букв арабского алфавита, обозначает — «азбука».

Абу-Нуваб — известный арабский поэт и мыслитель.

Адат — обычай, традиция.

Аджам — «Не-Аравия»; так называли арабы Иран.

Айн — название одной из букв арабского алфавита, обозначает «глаз».

Аклил — название звезды.

Алиф — первая буква арабского алфавита, изображается в виде прямой вертикальной черточки. Прямой стан восточные поэты сравнивали с алифом.

Алконост (Анка) — сказочная птица, живущая на краю света. Алконост никому не показывается и ведет уединенный образ жизни.

Амр и *Зейд* — условные персонажи; обычно приводятся в арабских грамматиках для обозначения подлежащего и дополнения.

Ахбаш — название звезды.

Ахмади — турецкий поэт XV века.

Багдад — столица Арабского Ирака, был с VII по VIII век столицей и крупнейшим хозяйственным и культурным центром халифата.

Басма — черная краска, которой на Востоке женщины красят ресницы и брови.

Басра — один из крупнейших городов Арабского Ирака.

Бахрам — планета Марс.

Бурак — легендарный копь пророка Мухаммеда, на котором он якобы совершил свое вознесение при жизни в чертоги бога.

Бурджейс — планета Юпитер (иначе Муштари).

Бурнус — арабская верхняя одежда, род плаща.

Бутейн — название двойной звезды.

Варида — название звезды.

Вено — выкуп (обычно за убийство).

Газель — широко распространенная форма лирического стихотворения на Востоке, как правило состоящая из 6, 7, 8, 9, 10, но не больше, двустуший. Первые две строчки газели рифмуются между собою, а затем на эту же рифму кончается каждая четная строка. В последнем двустушии обязательно упоминается имя автора. Обычно газели пелись под аккомпанемент струнного инструмента.

Гамаюн (Хума) — феникс, легендарная птица, приносящая счастье людям. По легенде, на кого бы ни пала тень гамаюна, тот делался царем.

Гарун (Гарун-ар-Рашид) — один из известных арабских халифов из династии Аббасидов, прославленный сказаниями «Тысячи одной ночи». Во времена Гарун-ар-Рашида могущество аббасидского халифата достигло своего апогея. Он правил с 786 по 809-й год.

Гилманы — райские юноши.

Гурии — вечно молодые прекрасные райские девы.

Даль — одна из букв арабского алфавита, (д) символ кривизны.

Дастан — сказание, эпическая поэма.

Дей — зимний месяц иранского солнечного календаря.

Дервиш — бродяга, мусульманский странствующий монах, ведущий аскетический образ жизни. На Востоке существовали многочисленные дервишеские ордены, которые по сути дела мало чем отличались друг от друга. Дервишизм на Востоке возник в конце VIII — начале IX века и особенно распространился в X и в последующих веках. Дервишизм первоначально возник как своеобразный протест против ортодоксального ислама и, таким образом, против тогдашней действительности. Основным девизом дервишей было: умерщвление плоти, очищение души и, при помощи этого, познание бога, слияние с ним. Впоследствии дервишизм выродился и многие дервиши превратились в обыкновенных шарлатанов.

Джабраил — архангел Гавриил.

Джабха — название звезды.

Джамили — турецкий поэт XV в.

Джамшид — один из первых мифических царей Ирана, жизнь и деяния которого подробно воспеты в знаменитой эпосе «Шах-наме» Фирдоуси. В его царствование, которое длилось семьсот лет, страна благоденствовала. У него была чудесная чаша, которая отражала судьбу мира.

Дирхем — греческая драхма, серебряная монета.

Зулмат — легендарное царство тьмы, в котором таится источник «воды жизни».

Зухал — планета Сатурн.

Зухра — см. Мушгарн.

Иса — Иисус, причисляемый исламом к числу пророков, бывших до Мухаммеда.

Йа — буква арабского алфавита (й, и). Слово «Лейли» состоит из двух букв «лам» и двух «йа».

Йасин — название одной из глав Корана (по буквам «йа» и «син»). Значение этого слова неизвестно.

Кааба — мечеть с священным черным камнем-метеоритом в Мекке; является главной святыней мусульман. Паломничество, так называемый хадж, в Мекку в определенное время года и совершение там соответствующих религиозных обрядов считается одной из обязанностей всех мусульман, достигших совершеннолетия. Однако совершить паломничество в Мекку к Каабе удалось не всем мусульманам, ибо для этого требовались определенные материальные средства.

Калам — тростниковое перо.

Касыда — одна из древнейших поэтических форм в литературе народов Востока, соответствующая хвалебной оде, дифирамбу. Касыда впервые возникла в глубокой древности в арабской литературе, откуда и перешла к иранским и тюркским народам. Объем касыды не подчиняется определенному закону. Она пишется на одну рифму, и количество строк колеблется от 30 до 300. Схема рифмовки такова: аа ба, ва, га, да и т. д.

Каф и *Нун* — арабские буквы (к и н), из сочетания которых складывается слово «кун» — «да будет» — слова, по Корану, произнесенные богом при сотворении мира.

Кебаб — шашлык, жаркое.

Кейван — Сатурн.

Къбла — направление на город Мекку, где находится мечеть с священным черным камнем Каабой, сторона, куда обращаются мусульмане во время молитвы.

Лал — рубин.

Лам — название буквы в арабском алфавите (ل), изображается в виде завитка.

Масих (Масиха) — мессия, спаситель, Христос.

Маснави — особая форма стихов, которая применяется главным образом для эпических поэм. Рифма — парная.

Меджнун — буквально обозначает «одержимый», «бесноватый», «сумасшедший».

Мим — одна из арабских букв. Символ красивого, маленького рта.

Мисмар — название звезды.

Муаххар — луна в последней четверти.

Муг — маг, жрец огнепоклонников. *Мугское вино* — вино, которое употребляли огнепоклонники.

Мукаддам — луна в первой четверти.

Муса — библейский Моисей, которого мусульмане причисляют к числу пророков, бывших до Мухаммеда.

Муштари (Юпитер) и *Зухра (Венера)* — божества, традиционная влюбленная пара в зороастрийской религии.

Нааим — название звезды.

Навои — великий узбекский поэт, автор знаменитой «пятерницы» — пяти поэм, одной из которых была «Лейли и Меджнун». Умер в 1501 году.

Нахид — Венера.

Неджд — название пустынной области в Аравии.

Низами — великий азербайджанский поэт, автор знаменитой «пятерницы», одна из поэм которого была «Лейли и Меджнун». Умер в 1209 году.

Низами (стр. 74) — малоизвестный турецкий поэт XV—XVI веков.

Нисар — цветы или драгоценности, бросающиеся под ноги в знак восхищения.

Нун — арабская буква (ن), по форме сравнивается с бровями.

Онагр — дикий осел.

Пери — райская красавица.

Рейхан — базилик, пахучая трава.

Рум — Малая Азия. Румом называет поэт османово государство, а румийцами — турок-османов.

Садир — название звезды.

Саз — струнный инструмент.

Саксаул — пустынное растение.

Самак — название звезды.

Сулейман — библейский царь Соломон. По легенде, он властвовал не только над людьми. Ему покорялись и птицы, и животные, и духи, которые носили его на ковче-самолете по обширному его царству. У него был перстень, на котором было написано имя аллаха. Благодаря этому перстню он достиг невиданного могущества.

Тар — струнный музыкальный инструмент.

Тага — название одной из глав Корана (по буквам «Та» и «Ха»). Значение этого слова неизвестно; некоторые комментаторы считают, что «Таха» — скрытое имя Мухаммеда.

Тирьяк — опиум.

Утарид — планета Меркурий.

Фарс — область на юге Ирана.

Фиал — чаша, кубок, бокал.

Хака — название звезды.

Хакан — титул восточных царей.

Хана — название звезды.

Харут — имя одного из двух ангелов, часто упоминаемых в Коране (Харут и Марут). Согласно преданию, ангелы жаловались богу на испорченность людей, которых не могли исправить даже неоднократно посылаемые пророки. По приказу бога, ангелы избрали из своей среды Харута и Марута и поручили им творить суд над людьми. Эти ангелы спустились на землю и долгое время добросовестно выполняли свои обязанности. Однажды к ним явилась женщина необычайной красоты по имени Зухра (Венера), прося у них защиты от мужа. Харут и Марут влюбились в Зухру и хотели соблазнить ее, но она мгновенно исчезла. Бог наказал обоих ангелов, низвергнув их в вавилонский колодец, где они должны были пребывать до дня Страшного суда. Из глубины этого колодца они обучают желающих магии. Зухра за свою

чистоту и целомудрие вознесена на небо в виде планеты Венеры, покровительницы музыки и красоты.

Хинд — Индия, Индостан.

Хорасан — северо-восточная часть иранского плоскогорья. В разные времена входил в состав разных государств и нередко пользовался почти самостоятельностью и управлялся эмирами-князьями, назначавшимися главами государств, в состав которого входил Хорасан. В 10-х годах XV века Хорасан был завоеван Сефевидами.

Хосров — имя четырех иранских царей из династии Сасанидов. Здесь имеется в виду четвертый царь, сын Ормузда IV, героя многочисленных поэм (Низами, Хосрова Делийского, Навои и т. д.) восточных поэтов, которые воспели его жизнь и любовь к красавице Ширин.

Хосров и Ширин — главные герои одноименных поэм многих восточных поэтов (Низами, Хосров Делийский, Джами, Навои).

Хызр — легендарный мусульманский пророк, не упоминаемый в числе канонических пророков Корана и Библии. По верованиям мусульман, Хызр, отыскав подземный источник жизни и выпив из него воду, получил бессмертие и, живя до настоящего времени, покровительствует путникам, приходит на помощь погибающим от жажды на дорогах. Хызр является также символом мудрости. По преданию, он облечен в зеленую одежду.

Шаккар — буквально «сахар», одна из героинь поэмы «Хосров и Ширин» Низами и других авторов.

Шам — Сирия.

Шариат — правовая система ислама.

Шартейн — название двойной звезды.

Шейх — первоначально обозначал: «старейшина, вождь племени», затем просто «старец», почетный титул, дававшийся поэтам, ученым и т. д.

Шейхи — турецкий поэт XV века.

Шербет — сладкий, прохладительный напиток, также лекарство.

Ширван — область на севере Азербайджана. Во времена Физули была самостоятельным государством, со столицей Шемаха.

Ширван-шах — царь Ширванского государства.

Эмир — мусульманский князь, царь.

СОДЕРЖАНИЕ

Физули. Вступительная статья Рустама Алиева . . .	3
Лейли и Меджнун	35
Пояснительный словарь	353

ФИЗУЛИ

Лейли и Меджнун

Редактор *С. Даронян*

Художеств. редактор *Г. Кудряцев*

Технический редактор *Г. Каунина*

Корректор *Н. Манушина*

*

Сдано в набор 22/VI—1957 г.

Подписано к печати 10/VI—1958 г.

Бумага 84 × 108 ¹/₃₂ — 11,25 печ. —

18,45 усл. печ. л. 12,72 уч.-изд. л.

Тираж 10.000 экз. Заказ

Цена 5 р. 20 к.

*

Типография Эдегеми, Будапешт